

НЕВЮЛЯ

20 • 2009

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Александр Муленко Обезбашенный Гарри	4
Состояние преступности в России	9
Макс Махмаг Два рассказа	14
Макс Махмаг Полуночное солнце	19
Юрий Александров Тюрьмы мира	29
Александр Хныков Люди зоны-2	36
Краткая характеристика УИС	62
Юрий Александров Казнить нельзя помиловать: где поставит запятую Конституционный суд?	64
Дмитрий Морачевский «Красные» и «черные»	73
Акции протеста и нарушения прав заключенных	105

УСТАМИ НАЧАЛЬНИКОВ

Александр Реймер [Светлое тюремное будущее]	118
[Тюремный проект]	125

СИДИ И ЧИТАЙ

Эдуард Кочергин Крещённые крестами: Записки на коленках	134
Игорь Сутягин На полпути к сибирским рудам	152
Алексей Мокроусов Сердце и проволока	154

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним

Зам. главного редактора
Елена Ознобкина

Ответственный секретарь
Наталья Мальхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Александр Муленко

Обезбашенный Гарри

Процесс обучения специальности штукатура занимает полгода. Контингент, с которым приходится заниматься, непростой. Криками зэка не удивишь, а оттолкнешь от учебы, потому что зло порождает зло и сопротивление. Методы, которые используют кадровые сотрудники зоны для укрощения нравов, авторитарны. В отношении непослушных сидельцев применяются физическая сила и специальные средства. Ненормативная лексика стала неотъемлемой частью такого «воспитательного» процесса.

Гуманистическая педагогика отрицает насилие, и поэтому работа учителя в зоне сложнее и ответственней, нежели усмирительные выходы военных. Но офицеры не соглашаются с этим, считая свой труд более важным. Человечность воспринимается ими как слабость, слова педагога для них невесомы, милиции он не указчик. Здесь усилия в подготовке личности к жизни на свободе разъединяются. Неприязнь к нашей работе со стороны военного контингента, пожалуй, самое трудное, что приходится преодолевать ежедневно.

Почти полгода занимался у меня узбек-первоходок.

Ваха-кабардинец, помогавший мне в то время на промке, называл его Гарри.

– Погремуха, – объяснил он мне.

– Американское влияние на Россию в области криминальной культуры?

– Обезбашенный Гарри, чурка, больной на голову человек... Принимает азелептин.

– Если он такое услышит, то обидится и забудет сюда дорогу.

– Не обидится... Он – чурка, я – зверь.

Выходцев из Средней Азии в колонии называют «чурками», а людей кавказской национальности – «зверьками», но никто не сердится друг на друга за это – общаются: «Эй, чурка, расскажи анекдот»; «Зверек, айда чифирить». Если отобрали у чурки карандаши, внутренний распорядок, понимаете ли, нарушил: рисовать цветные картинку нельзя. Язвят по этому поводу: «Чурка, он и в Африке – чурка. Проспал карандаши».

Гарри пришел ко мне учиться в сентябре 2005 года. Этот круглолицый узбек не был закоренелым сидельцем. Разговаривал плохо. Во время опросов я частенько напоминал учащимся поговорку: «Когда нечем запоминать, то надо записывать», и проверял их тетрадки. Как-то сделал узбеку замечание, что он неприлежен.

– Я по-русски не понимаю, учитель, – обиделся Гарри.

Его словарный запас состоял из немногих слов, которые вбивают человеку в мозги на пересылках: фамилия, имя, отчество, статья, начало срока, конец срока да еще, может быть, «Дай закурить», «Не знаю», «Не крал», «Не трогай меня, начальник», «Я никому ничего не должен» и... немножко матерщины – ее он нахватался в пенитенциарной системе от руководства. Впрочем, со временем русский язык у узбека стал богаче и чище. На уроках общаются без мата.

Нелегкая жизнь у «чурки» в России. Молодой человек приехал на заработки, как и тысячи его земляков. При пересечении границы сотрудники милиции отобрали у него последние деньги, спрятанные в носке.

– Эти откуда хочешь достанут, – заметил Ваха, с которым мы говорили о Гарри.

– Пожалуй, достанут..

Один из офицеров зоны гордо рассказывает историю о том, как он у ээка мазел из задницы вынул – пятьсот рублей, объемом с указательный палец, как пропил эти деньги с женщиной, которая была красивее самой веселой телеведущей на Первом канале. В то время он еще не имел орденов за заслуги перед Отечеством. Сегодня рассказчик – майор, однако первые победы все еще не померкли в памяти.

В России Гарри выживал как придется. Шабашничал, выполняя подсобные работы, но много денег не получал – для успеха ему не хватало «корочек» и навыков в ремесле. Поэтому и поспешил учиться отделочным работам в строительстве, едва поднялся на зону. Как-то на уроке спецтехнологии я рассказывал о ганчорах из Бухары. Человеку стало приятно, что в России знают и ценят художественное искусство узбеков. Ганч – это вяжущий материал, получаемый из кремневид-

ной породы, содержащей гипс и глину. Восточные мастера добавляют в него растительный клей, делаая пластичным, и наносят на стену в два слоя. Первый, как правило, цветной – основа будущей работы, а второй – белый. С помощью шаблонов ганчкеры переводят на стену рисунки и вырезают орнаменты, частично снимая верхний слой. Впрочем, фантазия творца не ограничена этими рамками – можно изображать что угодно. После такого небольшого экскурса в историю Бухары Гарри начал заниматься прилежней. В душе он, наверное, гордился своим народом.

На одном из занятий мой ученик повздорил с соседями из-за книги. Учебников мало. Люди их листают и перерисовывают в тетрадки несложные строительные узлы, переписывают составы приготовления растворных смесей, их пропорции. Случаются конфликты.

– Цыц, – оттолкнули Гарри от книжки, – не на базаре, – намекая, должно быть, на то, что есть какая-то очередь.

– Сам ты цыц, – взорвался узбек, – я тебе не барыга, чтобы торговать на базаре, ты еще не знаешь, за что я сижу...

Сказано было с восточным акцентом.

– За что же? – удивленно спросил у него пожилой мужчина, с которым он закусился.

– Сто пятая, часть первая!.. – сердито отрезал узбек.

В классе стало тихо. Потом раздался смех.

– Мы, милый человек, по этой же статье... не в первый раз.

Тема занятия была «Архитектурные обломы». Книга, из-за которой вышел сыр-бор, называется «Лепка». Она у меня одна. На руки не даю. Но в тот, уже далекий, день, чтобы не ущемлять самолюбие узбека (он от смеха приятелей покраснел как вареный рак), разрешил ему взять эту книгу домой и преспокойно переписать все что угодно.

«На территории колонии каждый осужденный – свободный гражданин – написано на транспаранте, который висит над зоновским плацем. Когда на следующий день Гарри шел на занятия, его остановили сотрудники за нарушение распорядка дня – урок уже начался. Написать объяснительную записку узбек не сумел. В комнате для бесед он показал мою книгу и начал качать права на исковерканном русском языке: что ему мешают учиться, что он пойдет и пожалуется директору училища. «Вам будет хуже от этого», – кипятился задержанный. «Вот было смеха у офицеров», – рассказал мне потом один уборщик, услышавший эту беседу из коридора. На Гарри надели наручники и били его «со вкусом» по голове, но не дубинками, а книгой за непони-

мание того, кто важнее в лагере – директор училища или дежурный по колонии. Потом отправили в изолятор на десять суток – остыть от учебы. Книжку в разорванном виде забрал старший мастер, выслушав от дежурного по колонии, что мы плохо занимаемся с людьми. Думал ли Александр Михайлович Шепелев, автор более трех десятков книг по различным видам строительных работ, о том, что его учебник станет специальным средством для перевоспитания «свободных» граждан, нарушивших распорядок дня?

Две недели спустя узбек появился в последний раз. Как и раньше, он опоздал к началу занятий, тихо сел в углу и молчал до последней минуты. Кто-то из учащихся спросил у меня о том, есть ли на воле работа, какая зарплата у штукатуров, у облицовщиков, у других работяг. Я рассказал, что напротив зоны – кирпичный завод. На нем – гастарбайтеры-узбеки. Директор завода отдал им актовыв зал, где они проживают, лежа на полу, закутавшись в одеяла. Платят им всего ничего – по сто рублей в смену. Люди работают без выходных. Вечерами к ним повадились местные «рзкетиры», и какое-то время перепуганные джигиты платили дань. Кто-то из них пожаловался директору завода, и тот отдал команду охране: «Найти и разобраться». Вымогателями оказались пьяницы из ближнего дома. Едва только охрана стала наводить о них справки, они пошли на попятный и больше не появлялись на заводе под угрозой разборок со стороны настоящего криминала.

После уроков Гарри попросил:

– Там на воле мои земляки, и ты их знаешь. Возьми у них для меня таблетки от головной боли, они помогут.

– Анальгетики есть в санчасти, – заметил я.

– Анальгетики – нет, – поморщился узбек и перечислил психотропные препараты сильного действия: кетамин, теофедрин, галоперидол.

Я отказался продолжать этот разговор. Идти на такие контакты нельзя.

– Меня очень сильно били по голове твоей книгой, учитель, я больше не приду на занятия.

Полгода моей работы пошли насмарку. Но все же я аттестовал узбека, несмотря на то что он бросил занятия. Это небольшое нарушение осталось незаметным.

Скоро Гарри вышел работать на промку – в цех по изготовлению шлакоблоков. Его поставили на цемент. Долгое время узбек ворочал лопатой, закрывая дыхательные пути от пыли шарфом. Потом перешел на погрузо-разгрузочные работы. Однажды, поднимая тяжелую

тротуарную плитку с пола на бортовую машину, уронил ее на ногу. Этот несчастный случай на производстве скрыли от всех инспекций, а пострадавшего человека отправили на умирание в жилку.

Недавно, выйдя после отпуска на работу, я спросил у Вахи:

- Где Гарри?.. Как его здоровье?.. Поправился ли он после травмы?
- Ушел по УДО, – мирно ответил Ваха.
- Вот как?.. А на какие шиши?
- Бесплатно.
- Сколько он отсидел?
- Четыре года...
- По сто пятой статье?
- Повезло чурке...

Для меня загадка: почему судьи дали узбеку шесть лет – чужому человеку, не земляку, а гастарбайтеру с видами на жительство в России? Денег он не имел и не мог насытить их аппетиты, но ему вынесли самый мягкий приговор за то деяние, которое он совершил. Кого и при каких обстоятельствах Гарри убил, я уже не узнаю никогда...

Состояние преступности в России в январе – сентябре 2009 года

	<i>Январь– сентябрь 2009 г., тысяч</i>	<i>В % к январю– сентябрю 2008 г.</i>
Зарегистрировано преступлений	2321,0	93,9
в том числе:		
особо тяжкие	99,0	102,5
тяжкие	532,7	94,1
средней тяжести	856,9	91,9
небольшой тяжести	832,4	95,0
из общего числа зарегистрированных преступлений по отдельным составам преступлений:		
убийство и покушение на убийство	13,7	89,7
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	33,2	97,0
изнасилование и покушение на изнасилование	4,1	85,4
разбой	22,6	88,2
грабеж	156,2	86,7
кража	888,3	88,1
в том числе из квартир	116,8	88,6
вымогательство	6,6	83,8
присвоение или растрата	60,0	97,0
мошенничество	153,8	98,4
хулиганство	7,4	69,2
взяточничество	11,8	106,3
неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон)	34,6	93,6

В январе–сентябре 2009 г. зарегистрировано 1344,4 тыс. преступлений, предварительное следствие по которым обязательно, что на 6,6% ниже уровня соответствующего периода 2008 г. Их удельный вес составил 57,9% от общего числа зарегистрированных преступлений.

Зарегистрировано: 212 фактов бандитизма (в январе–сентябре 2008 г. – 242), 509 фактов похищения человека (547), 7,4 тыс. фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (9,0 тыс.), и 7,5 тыс. фактов нарушений Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших по неосторожности смерть человека, двух или более лиц (9,7 тыс.).

Число зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. человек населения в январе–сентябре 2009 г. составило 1636 против 1740 в январе–сентябре 2008 г. (снижение на 6,0%). Максимальное значение этого показателя зафиксировано в Хабаровском крае (2497), Республике Бурятия (2459), Пермском крае (2455), Астраханской области (2371).

Из общего числа преступлений, зарегистрированных в январе–сентябре 2009 г., 631,7 тыс. отнесено к тяжким и особо тяжким, что на 4,7% меньше аналогичного периода предыдущего года. На долю подобных преступлений в общем числе зарегистрированных преступлений приходилось 27,2%. Среди раскрытых преступлений удельный вес тяжких и особо тяжких составил 26,7%. Их раскрываемость повысилась до 58,6% против 56,9% в январе–сентябре 2008 г.

В январе–сентябре 2009 г. было зарегистрировано 246,8 тыс. преступлений, причинивших крупный ущерб или совершенных в крупных и особо крупных размерах, что на 1,1% больше, чем в соответствующем периоде предыдущего года. Их раскрываемость составила 63,0% против 61,4% в январе–сентябре 2008 г.

Значительно возросло число преступлений, связанных с **незаконным оборотом наркотиков**, выявленных правоохранительными органами в январе–сентябре 2009 г., по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков

	<i>Январь– сентябрь 2009 г., тысяч</i>	<i>В % к январю– сентябрю 2008 г.</i>
Зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих веществ	187,7	104,1
из них тяжкие и особо тяжкие	129,2	105,3
из общего числа преступлений совершены:		
в крупных размерах	81,4	106,8
в особо крупных размерах	45,8	112,4
из числа зарегистрированных преступлений, уголовные дела и материалы о которых окончены расследованием либо разрешены в отчетном периоде, совершены:		
группой лиц по предварительному сговору	7,8	113,6
организованной группой либо преступным сообществом	8,0	125,5

Среди преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, 91,1% составляли факты незаконного производства, сбыта, пересылки, приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки, а также нарушения правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

В январе–сентябре 2009 г. из числа зарегистрированных преступлений, уголовные дела о которых окончены расследованием, 11,3 тыс. преступлений совершены в состоянии наркотического опьянения, что на 15,2% больше, чем в соответствующем периоде предыдущего года. Число преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, снизилось на 7,8% и составило 164,4 тыс.

С января по сентябрь 2009 г. было зарегистрировано 27,8 тыс. преступлений, связанных с **незаконным оборотом оружия**, что на 9,4% больше, чем за этот же период 2008 г. Зарегистрировано 1,3 тыс. случаев хищения либо вымогательства огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (увеличение на

11,2%). Раскрываемость этих преступлений в январе–сентябре 2009 г. составила 59,0% против 58,2% в январе–сентябре 2008 г. С применением оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств было совершено 6,7 тыс. преступлений, из них 3,3 тыс. преступлений совершено с использованием огнестрельного и газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Раскрываемость последних составила 70,4% против 68,7% в январе–сентябре 2008 г.

В январе–сентябре 2009 г. **в общественных местах** зарегистрировано 448,5 тыс. преступлений (на 3,3% меньше, чем за соответствующий период предыдущего года). На улицах, площадях, в парках и скверах совершено 267,8 тыс. преступлений (уменьшение на 4,8%), из них 79,8 тыс. отнесено к тяжким и особо тяжким (снижение на 12,5%). Из числа преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах, увеличилось число краж на 5,1%, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, – на 10,0%. Уменьшилось число убийств и покушений на убийство на 14,4%, случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 11,3%, изнасилований и покушений на изнасилование – на 8,1%, разбойных нападений – на 19,2%, грабежей – на 16,4%, краж транспортных средств – на 3,6%, хулиганств – на 31,6%. На улицах, площадях, в парках и скверах совершено 41,9% всех зарегистрированных грабежей, 36,1% – хулиганств, 33,9% – краж транспортных средств, 30,5% – разбойных нападений.

Число зарегистрированных в январе–сентябре 2009 г. **экологических преступлений** составило 37,1 тыс. (на 6,9% больше, чем за соответствующий период 2008 г.).

Число выявленных **лиц, совершивших преступления**, в январе–сентябре 2009 г. снизилось на 2,6% по сравнению с аналогичным периодом 2008 г.

Число лиц, совершивших преступления

	<i>Январь– сентябрь 2009 г., тысяч</i>	<i>В % к январю– сентябрю 2008 г.</i>
Выявлено лиц, совершивших преступления	946,3	97,4
из них:		
женщины	153,0	97,4
мужчины	793,3	97,4
несовершеннолетние	65,5	77,9
не имеющие постоянного источника дохода	604,6	103,0
из них безработные	42,9	81,5
ранее совершавшие преступления	299,0	103,5
из них ранее судимые	222,2	96,6

В январе–сентябре 2009 г. число лиц, совершивших преступления в составе организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации), составило 8,6 тыс. человек, что на 6,1% меньше, чем в соответствующем периоде предыдущего года. Число несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, составило 6,1 тыс. человек (уменьшение на 27,0%).

В I полугодии 2009 г. в Российской Федерации за совершение преступлений было осуждено 438,9 тыс. человек. Из них 32,8% осуждено к лишению свободы, 5,0% – к исправительным работам, 14,4% – к штрафу, 40,3% – осуждено условно к лишению свободы и к иным мерам. По приговору судов 1,4 тыс. осужденных освобождено от наказания по амнистии или по другим основаниям. Численность осужденных женщин составила 66,4 тыс. (15,1% от общего числа осужденных), мужчин – 372,5 тыс. (84,9%), несовершеннолетних – 29,5 тыс. (6,7%).

Макс Махмаг

Два рассказа

Новый год в СИЗО

Был конец декабря 1995 года. В СИЗО готовились к торжественной встрече Нового года. Люди, где бы они ни находились и как бы трудно ни жили, всегда хотят праздника. Вчера еще вольный человек вдруг оказывается под следствием и в неволе. Размеренно-спокойный образ вольной жизни сменяется на «КПЗ – этап – тюрьма – допросы – суд и кутерьма». Для большинства это шок, который, резко оглушив, заставляет человека остановиться и осмыслить прожитую жизнь. Вспомнить все грехи, всех родных и друзей, а главное – на тюрьме все вспоминают о Боге. Здесь молятся все без исключения, но каждый по-своему: одни демонстративно, другие скрыто, так что и непонятно, кто более искренен. Просят же у Бога все одного – побыстрее выбраться из этой «хаты» на свободу.

«Хатой» на тюрьме называют камеру. В СИЗО было 106 хат, и хаты были разные: следственные и осужденка, строгачевские и общего режима, больничные и бабские, прессовые и ломовые, козловые и путевые, ментовские и пидарские, для малолеток и для хозбыков. Хаты на СИЗО были разнокалиберные: от одиночки до тридцатиместной. В СИЗО обычно сидело около 1000 человек.

Поступающие из ИВС (изолятор временного содержания, по-старому – КПЗ) после шмона находятся 2–3 дня в карантине. Это самые грязные хаты СИЗО, ибо долго в них никто не живет. В карантине опера и врачи знакомятся с каждым прибывшим и решают, кому где сидеть. Главное – рассадить следственных так, чтобы было меньше конфликтных ситуаций, с одной стороны, но и чтобы «жизнь в хате малиной не казалась» – с другой реальной стороны.

Наиболее яркое и доброе воспоминание от СИЗО – это встреча Нового года в одной из путевых хат общего режима. В хате было 18

шконок, то есть 9 двухъярусных нар, на которых размещаются 26 ± 2 человека. «Плюс-минус» означает, что почти каждый день кого-то «выдергивают» с хаты, а кого-то «закидывают»: «движение – это жизнь». Эти «тусовки» администрация производит по оперативным, покрытым тюремным мраком соображениям. Почти все хаты СИЗО переполнены выше крыши. Вот в этих условиях мы вынуждены были встречать Новый, 1996 год. А здесь встреча Нового года – это торжественный праздник, сопровождаемый (по крайней мере в те, уже далекие годы) специфическим церемониалом.

На тюрьме в каждой хате есть «смотрящий». Он «грузится» за порядок в хате, чтоб работали «дороги» и собирался «общак», он же отвечает за достойную встречу Нового года, чтоб было что поставить на стол и чтоб не было конфликтов, как между собой, так и с администрацией СИЗО.

Готовиться к празднику начинают, как правило, за месяц до события. Из заходящих в хату «дачек» собираются на отдельный сидор различные «ништяки»: сгущенка и шоколад, конфеты и печенье, фильтровые сигареты и качественный чай – все то, из чего на Новый год сделают торты и другие угощения для общего стола.

За два-три дня до Нового года начинается изготовление тортов. Исходя из запасов, у нас их планировалось три: два хлебных и один из печенья. Хлебный торт «Мечта арестанта» делается из нескольких буханок «вольнячего» или, на крайняк, «хозяйского» хлеба. Каждая буханка разрезается вдоль на три-четыре ровных слоя, после чего они смазываются кремом и выкладываются крест-накрест в один большой торт. Крем готовят, смешивая варенье, масло, сгущенку или сахарный сироп – в зависимости от того, чем располагают. Торт из печенья состоит из наложенных друг на друга слоев различного печенья, между которыми находится варенье или крем. Торты поливают сверху кремом, потом посыпают стружками шоколада, толчеными конфетами или просто сахаром. Особо выдающиеся мастаки из смеси оставшегося крема и толченого печенья строят на тортах замки с лебедями и вензелями. До Нового года торты стоят на столе, вызывая восторг и гордость братвы с одной стороны, и удивление и зависть «попкарей» с другой стороны тюремного глазка.

Итак, наступает 31 декабря. Подъем в 6 утра. На проделе неистово звенит звонок. Хорошо в тех хатах, которые расположены подальше от звонка. В 6.30 начинается раздача завтрака. Дают половник каши с куском хлеба. Смотрящий внимательно наблюдает, чтобы у всех было

курево, чай и сахар, равномерно выдавая все это из общего сидора. Чай заваривают, подогревая воду кипятивником или «машиной». Машина, другое название – «бурбулятор», делается из двух кусков жести (от консервных или кофейных банок), между которыми оставляется зазор в 1–2 спички. Воду для чая (и любую потребную воду для купания или стирки) греют этими же приборами.

В 8 часов проверка. ДПНСИ (дежурный помощник начальника СИЗО) пересчитывает количество людей в хате, раздает письма с воли, собирает письма и заявления подследственных, записывает больных, называет фамилии тех, кому нужно собирать вещи: кому на этап, кому – на перекидку, кому – в карцер. Закончив сегодня с этими обыденными делами, ДПНСИ от имени администрации СИЗО поздравляет всех с Новым годом и желает всяческих благ. На этом ритуал проверки закончен, и хата начинает готовиться к «гулке», то есть к получасовой прогулке на свежем воздухе в одном из изолированных дворики СИЗО. Подготовка к гулке включает в себя: маскировку всех «кабур», то есть отверстий в стенах, через которые идет «дорога» (осуществляется связь с соседними хатами). Необходимо надежно спрятать все запрещенные предметы: бурбуляторы, заточки, штыри, лезвия, веревки и др. Далее нужно получше одеться: «не май месяц». Погода хоть и холодная, но лучше продышаться на дворике, чем хватать тубик в душевой хате.

Пока братва гуляет на свежаке, попкари производят шмон хаты. Если обнаружат кабуру, то тот, кто числится в этот день дежурным по хате, идет в карцер на 10 суток. Если же обнаружат какой-либо предметный криминал, то «грузят карцером» того, в чьих вещах нашли предмет. Обнаруженную кабуру вызванные «хозбыки» забивают чопиками и замазывают цементом. Хозбыком называют осужденного, который не пошел в зону, а остался по каким-либо причинам работать в СИЗО. Отношение к хозбыкам пренебрежительное как с той, так и с другой стороны тюремной двери. Хотя они тоже могут приносить пользу: передавать малявы и другие «груза».

После шмона спецконтингент возвращается «домой» и приводит в порядок хату, которая после шмона имеет вид «будто здесь Мамай прошел». В это время по продолу делает обход лепила, который раздает имеющиеся в наличии лекарства и выслушивает – у кого что болит. Ритуал скорее формальный, нежели лечебный.

После двенадцати начинается раздача обеда. Он состоит из супа и каши, которые вместе помещаются в одной «шлемке», и хлеба. «Баландер» («хозбык», раздающий пищу) поздравляет всех с Новым годом и последним обедом в старом году. Обед сегодня чуть погуще, чем

в обычные дни, а может, это только кажется из-за праздничной обстановки и красующихся на столе трех тортов.

После обеда хата перекуривает и чутко вслушивается в шумы на пруде: наступает время раздачи дачек. Хата затихает и слушает – подойдет ли к нашей двери раздатчица, а также – какие хаты сегодня «поймали дачку». Исходя из полученной информации делается вывод – куда следует сегодня обратиться за помощью (это если хата «на голяках» по куреву, чаю или сахару). Если же в хате «полно с избытком», то решают, куда и как (через попкаря или «дороги») следует направить братскую арестантскую помощь.

Дачка – это праздник арестанта. По тому, чего и сколько получает человек с воли, в хате складывается мнение о его возможностях. По разговорам-базарам, на воле все были крутые, ходили в «рыжих перстаках и цепурах», катались исключительно на «Мерсах», курили только «Мальборо», а пили только «Багратион» или «Наполеон». По разговорам, у всех «туча» богатой и влиятельной родни, которая только о данном человеке и думает. Но это только слова. Реальное мнение о том, кому ты нужен на воле и какой «Мальборо» ты там курил, складывается в хате (а также и у администрации СИЗО) по тому, чего и сколько ты получаешь с воли в дачках.

На Новый год дачек бывает много. Особенно к «первоходам» общего режима. К строгачам дачек заходит значительно меньше. В строгих хатах сидят те, у кого за плечами уже несколько ходок. У многих из них уже не осталось на воле ни родных, ни близких, которые бы о них заботились. Поэтому общий режим всегда делился своими дачками со строгачами. «По возможности и по совести».

К ужину начинают доставать «затаренный» инструмент и «открывать кабуры», то есть пробивать забитые хозбыками отверстия в стенах, либо делать новые. «Дорога» должна работать во что бы то ни стало. Сначала по «дорогам» пускают «малявы», в которых, помимо новогодних поздравлений и новостей (кого и куда раскинули), выясняется, у кого в чем нужда. Тем хатам, где имеется нужда в куреве, чае, сахаре или в чем другом, солидарно оказывается помощь. За этим следят смотрящие за прудом, за крылом, за корпусом. Под Новый год «дороги» работают напряженно: идут «груза» на больничку и на строгачей, на осужденку и на карцера.

Особое внимание оказывается «жмурикам», то есть тем, кто, получив «вышку», сидит в одиночке и годами ждет ответа на свои «касухи» или «помиловки». Ни свиданий, ни дачек жмурикам не положено. Спа-

сают только «дороги» и братская взаимопомощь. (Сейчас, в связи с отменой смертной казни, жмуров уже нет. Теперь это «пожизненные» – «пыжи».)

17 часов. Началась раздача праздничного ужина. В связи с Новым годом вместо каши дают картофельное пюре. Кроме этого, дают «положняковый хозяйский чай» и по ложке сахара на человека. Весь сахар хата единогласно отправляет через баландера на карцера.

После ужина заваривают «индийского купца». Но это для тех, кто бережет печень и зубы и кому нравится пить обычный чай. Для тех же, кто любит чай покрепче и хочет «поймать бодряк», запаривают «чифир». Но если для купчика достаточно вскипяченной кипяильником воды, то «чифир» после заварки нужно еще «поднимать», то есть, долив немного воды, заварку нужно еще слегка прокипятить. А здесь не обойтись без «дров». Их делают из полиэтиленовых пакетов, матрасной ваты и бумаги, складывая все это слоями и скатывая в плотные рулоны. Правильно сделанные дрова горят без дыма и дают ровный огонь. Если попкарь увидит в глазок дым в хате, то всех выгонят на продол и учинят общий шмон – поэтому дрова в хате горят без дыма.

Запарив купец и подняв чифир, начинают накрывать на стол, разрезать притомившиеся торты и рассаживаться «согласно купленным билетам». «Астра» и «Прима» уступают место различным «фильдеперсовым» сигаретам с фильтром. Братва начинает «забег в толщину» до Нового года включительно. Попкарь на продоле, злой, что его дежурство попало на праздник, стучит в дверь той или иной хаты, призывая уgomониться и не шуметь.

– Иначе вызову маски-шоу, а они сейчас наверняка все бухие. Так что оторвут вас по полной программе, – пугает нас попкарь вызовом спецкоманды по охране СИЗО.

22.00 – отбой. Но на замечания попкарья о том, что уже отбой, братва поясняет, что хата переполнена и «всем спать места нету». Короче, «танцуют все» и с той, и с этой стороны тюремного глазка.

Близится торжественная минута. Все поднимают «кругали» (алюминиевые или эмалированные кружки) с чифиром либо купчиком и произносят тосты. Первый тост: «За тех, кто не забыл нас в трудную минуту!» Далее: «За родных и близких, благодаря которым мы можем по-людски встретить здесь Новый год!»

Дай Бог здоровья всем тем, кто, приехав в СИЗО, часами выстаивает в очереди, чтобы сделать передачу находящимся в неволе. Именно здесь, в СИЗО, человек ясно понимает, кому он нужен, а кому нет.

24.00 – Новый год! Вольный город, находящийся где-то внизу, взрывается выстрелами разных калибров, искрами цветастых ракет и фейерверков. Все задумывают желания. «СВОБОДЫ!» или «Минимального срока по статье» – этого желают те, кто еще не дошел до суда. «Попасть на хорошую зону!» мечтают в «осужденной» хате те, кого уже «окрестили» сроком и кто ждет этапа на зону. Человеку свойственно мечтать и надеяться на лучшее даже в самых безвыходных ситуациях.

Поэтому не пристало и нам, вольным людям, быть грустными и опускать руки от отчаяния. Я вспоминаю об этом каждый раз при встрече Нового года. Я вспоминаю, как встречал неопределенный (в смысле будущего) Новый год на СИЗО. И эти воспоминания дают мне силу и надежду. «Кто сам без греха, пусть первым бросит в СИЗО камень».

Полуночное солнце

Посвящается Зарипат Сурхаевой

Через два дня после суда меня перевели из «следственной хаты» в «осужденку». Так было положено по закону. Из осужденки же есть два пути (если не считать общедоступного – когда «ногами вперед»): или этап на зону, или (если приговор отменяют) обратно, в переполненную «выше крыши» следственную. В хате стояло 16 железных, привинченных к полу, двухъярусных шконок, то есть спальных мест было 32. Однако контингент здесь почти каждый день менялся в довольно широком диапазоне – от 20 до 60 человек, нарастая к этапному дню и резко уменьшаясь после него. Одни уходили, другие приходили. «Движение – это жизнь». В осужденке жизнь достигала той скорости, при которой для человека важнее одежды, курева и чая в сидоре становится гадание (или угадывание, а точнее загадывание) самых главных тайн завтрашнего дня. Отменяют приговор или же дернут на этап? Если приговор не отменяют (что для наших судов вероятнее всего), то на какую зону кинут?

Мысли эти мучают своей неопределенностью изо дня в день, доводя порой до буйных либо тихих «соскоков». Чтоб не дойти до такого, необходимо отвлечься и чем-то занять свое воспаленное сознание. Потому отвлекаются и занимаются на осужденке кто во что горазд: одни азартно играют в не запрещенные режимом нарды (шашки, шахматы); другие читают все подряд, причем скорость чтения становится здесь феноменально высокой; третьи просто спят, чтобы прожить

эту жизнь в сладком сне, а не в пугающей своей неопределенностью реальности.

Население осужденки общего режима было в основном молодое: 18–28 лет. В этот период жизни люди обычно женятся и заводят детей, пуская таким образом «жизненные корни». Здесь же у порога долгих лет неволи людей приучали жить без корней, как перекасти-поле. Кочуя за время срока с ИВС на СИЗО, с СИЗО на этап, на зону, на больничку, на поселок и обратно, человек привыкал жить без семьи, детей и родственников, и ему уже начинало казаться, что и все остальные люди живут именно так. Самыми близкими для него становились те, с кем сводила его судьба в следственных или в осужденках, в автозаках или в столыпиных, в карантинах, в зонах, в отрядах, бригадах, на больничках или в колониях-поселениях. Люди этого деформированного решетками мира привыкали к тому, что ничего постоянного вокруг них нет и быть не может. Не верилось, что где-то люди всю жизнь живут в одном кругу родных и друзей, воспитывая детей и собирая деньги на свадьбу или похороны, на машину или квартиру, на «черный» или на «светлый» день жизни.

Здесь все было иначе. Приговор к лишению свободы делал этих людей свободными от всех проблем, связанных как с созданием семьи и уходом за стареющими родителями, так и с воспитанием и обустройством собственных детей. И люди этого мира привыкали за долгие годы срока жить без корней и накоплений, будучи постоянно готовыми к этапу или перекидке, к шмону или к допросу, к потерям или разочарованиям. Но жить в таком возрасте без любви было невозможно даже в этих «заклучительных» условиях «плавания на махачкалинском централье».

Напротив зарешеченного окна (или просто «решки») нашей осужденки, через двор, на втором этаже была женская хата. Тоже осужденка. Каждую ночь мы распускали синтетический носок на три тончайшие разноцветные капроновые нити. Из газеты и мыла делалась «стрела», к которой привязывалась самая темная из трех нитей. (Две другие шли на оплетку ручек, обложек, шкатулок.) Из целой, наименее мятой газеты или из висящего на стене хаты плаката «Правила внутреннего распорядка в СИЗО» скатывалась плотная трубка – «духовое ружье». Ночью после отбоя из решки женской осужденки высовывался «штырь», который, надо полагать, также скатывался из газеты или «Правил СИЗО». Задача нашего стрелка состояла в том, чтоб с помощью духового ружья пустить стрелу над штырем и зацепить таким образом нить на штырь. Как правило, опытный стрелок с 2–3 попыток

данную задачу решал. Далее «та сторона» осторожно втягивала штырь с нитью в хату (о чем сигналили определенным подергиванием), мы соединяли нить с более прочным канатом (делался из ниток шерстяных носков или из длинных полос от простыни), канат по нити затягивался в женскую осужденку, и «дорога жизни и любви» сдавалась в эксплуатацию до утра. Утром она маскировалась «дорожниками» путем натягивания вместо каната тончайшей как паутина, незаметной для неопытного глаза, добытой из синтетического носка светлой капроновой нити. Но, несмотря на все старания, глаз опытного попкаря днем в момент вычислял «дорогу», и она быстро уничтожалась. Об обнаружении и «ломке дороги» мы догадывались по матерным выражениям в адрес контингента обоих осужденок от спующих по двору попкарей.

Ну а ночью «дорога жизни и любви» эксплуатировалась в полную силу, ибо это была не просто «дорога с соседней хатой», а тончайший мосток, что связывал нас с женской половиной человечества, напоминающая нам о прелестях далекого вольного мира и о том, что мы не просто зэки, но и желанные для женского пола мужчины.

«Добрый вечер малчики! Меня зовут Пятя. Мы с подругой Умой хатим с вами пазнакомится и дружить. Мне 19 лет. У меня ст. 144-2 и срок дали 2 года. Уме 24 лет, ст. 146, срок 7 лет. Но мы надеемся што радня тусанется куда нада, напишут касуху и нам скасят. Нас окрестили на той ниделе. В осужденку перекинули толко седня. До залета я жила в Махачкале на 5 паселке а Ума в Кизилюрте. Если у вас есть курит и чай то памагите по вазможности. Лична я вас всех люблю и уважаю! Желаю всем крепкаго здаровья и золотой свабоды!!! С арестанским приветом Пятя–маленкая».

С маляв примерно такого содержания обычно и завязывались в осужденке заочные знакомства. Не имея возможности увидеть облик своей «заочницы» (фотки на СИЗО иметь запрещено), фантазия голодного зэка вырисовывала, постоянно шлифуя, нежный образ обаятельной подруги, не способной ни на какое преступление и оказавшейся здесь чисто случайно, по воле мусоров.

Через день-два, раздувая паруса фантазии, такая переписка из стадии ознакомительной (откуда? статья? срок? родня помогает? какой рост / вес / объем груди / цвет волос?) либо резко прекращается (с криком: «На хер мне эта дура / блядь / лешка / лярва / шкура нужна! Кому по приколу, пусть ей отписывает, а я – пас!»), либо переходит в более высокие сферы общения.

Пройдя испытание и этой фазой, переписка (если она вообще не прекратилась) плавно переходит на более доверительно-духовную стадию.

Именно здесь многие молодые эзки начинают понимать, зачем учат писать сочинения в школе. Именно здесь они ясно осознают недостатки собственного образования, воспитания и просто опыта общения с женским полом. Это когда корявость языка и специфика воспитания не позволяют выразить мысль без мата («для связки слов и красоты оборота»), без сальных намеков, без подколов и капканов в предложениях. Тут молодые «первоходы» либо идут за помощью к более опытным и витиеватым в общении сокамерникам, либо начинают усиленно читать любовную прозу и поэзию, переписывая в свои тетради понравившиеся выражения и стихи, надеясь использовать их в деле «прибалтывания заочницы». Другие же, исчерпав свои возможности в эпистолярном жанре, и стесняясь корявости языка и дремучести мышления, вообще перестают переписываться с женской хатой, обосновав это логически неоспоримой фразой: «Лучше хуй в кулаке, чем пизда вдалеке!»

Как и в любом коллективе, здесь были люди разного полета: от «колхозана» до «профессора». Потому и уровень общения с дамами был разнобойный.

«Здравствуй желаная Заирочка! Недаждус тот дня когда я смогу обнимать и ласкать тебя! Седня мой хлебник Хизри словил дачку с филтроваными сигаретами и ништяками. Потому уделяем вам па возможности. Хотим штобы жиснь твая был такойше красивой как эти сигареты и сладкой как эти компеты. Заира я тебя очень люблю и каждую ночь ты мене снишься. Я хочу встретиться с тобой кода откинемся. Хизришка тоже хочет пазнакомится с путевой девушкой. Патому ты найди ему нормальный вариант. Он парен сурезный и щедрый. Если Наташа исчо в хате то пуст отпишет Хизри-басмачу. Пойдем пока! Нежно гладю твой попка Мага-паселковый».

«Добрый вечер, дорогая Лейла! Наконец-то наступило то долгожданное время, когда я могу послать Тебе свое признание в любви, которое вряд ли выразит все оттенки и глубину моих искренних чувств к Тебе». И далее на двух тетрадных листках красивым и убористым почерком, без ошибок, исправлений и помарок излагалась такая «песнь нежности и любви», которой позавидовал бы лучший член Союза писателей и перед любовным натиском которой не устояла бы и статуя Командора, не говоря уже о «светлой надежде всей жизни» – фармазонщице Лейле (ст. 147, срок 5 лет, и еще одна «делюга на раскрутке» в Астрахани). «...Я буду счастлив, если Ты удостоишь меня своим вниманием и напишешь мне – согласна ли Ты, по освобождению, соединиться со мной навеки? Чтобы мы могли любить друг друга и дарить

друг другу ту теплоту и радость, которые делают людей по настоящему счастливыми в любых (даже в этих – тюремных) условиях. Ты жизнь моя, и я уже не представляю ее без Тебя и общения с Тобой. Навеки Твой, Тимур-Доллар».

Доллар любил угонять машины: «Угон доставляет мне такой же кайф, как и траханье чужой жены». Он прославился как половой гигант, давно осознавший, что «женщины любят ушами и письмами», в отличие от мужиков, которые «любят глазами и жратвой». И хоть фактурой судьба его не наградила: росту он был никакого, худой (7-й тубучет после второй ходки) и некрасивый, но бабы ему и писали, и дачки носили, и ждать клялись на удивление дружно. Он даже адвокатшу ухитрился по ходу дела закадрить и (если верить его словам) «присунуть» ей при совместном знакомлении с материалами его уголовного дела по угону. В общем, не оскудела еще тюрьма талантами и гигантами разных мастей.

Юноша со взором горящим по имени Аюб залетел сюда по самой ходовой статье УК – 144 часть 2, что означает «кража с проникновением». Будучи студентом «универа» (потому, видать, и погоняло ему здесь дали Студент), Аюб ночью по пьянке разбил витрину «комка» и взял оттуда одну пачку сигарет («Курить тогда сильно захотелось. Но в КПЗ я уже понял, какая это плохая привычка, и бросил курить») и там же, после того как прикурил, был задержан пэпээсниками. Докурить они ему не дали, зато суд дал по полной катушке: «2 года лишения ... в ИТК общего...» («Все родаки мои в селухе живут, так что щекотнуться за меня было некому».)

Мы как-то сразу нашли с Аюбом общий язык: он тоже предпочитал рассказы Джека Лондона «дефективам» Джеймса Чейза, и ему тоже не нравилось, когда о женщинах говорили как о существах, созданных только для «траха» и для obsługi мужика. Особенно коробило Аюба, когда кто-нибудь (якобы для смеха, а на самом деле – чтоб хвастануть своими любовными достижениями) оглашал всей хате свою переписку с заочницей, дополняя ее сексуальными комментариями и жестами.

Студент тоже имел заочницу из женской осужденки и еженощно с ней перекидывался малявами. Заочницу звали Марьям. («Дорожник», подзывая Аюба, как-то сказал: «Это тебе от Марья»). К общению с Марьям Аюб относился с серьезностью и трепетом, как романтические юноши относятся к дружбе с красивой девушкой из уважаемого его родителями тухума.

– Меня скоро, видно, на этап дернут, – как-то обратился ко мне Аюб. – Все сроки по касухе вроде вышли, придется ехать на зону.

– Ну что ж делать, все там будем, – ответил я, стараясь как-то подбодрить его. – Год – не срок, два – урок, три – пустяк, пять – ништяк. Твой двушник пролетит – сам не заметишь.

– Да я не об этом. Сидеть мне, сам знаешь, осталось год и шесть, а этот срок я хоть на одной ноге простою. Это меня сейчас не волнует.

– Чего ж тебя сейчас волнует? – удивился я.

– Да девушку жалко бросать, – озадачил меня Аюб. Слово «девушка» резануло мой слух своей непривычностью (обычно здесь говорили «баба» или еще проще), поэтому я внимательно взглянул Аюбу в глаза, пытаюсь понять – или он крышей поехал, или я что упустил?

– Ты, о какой бабе речь затеял? – спросил я, недоумеваю.

– Да о Марьям я. Ну – заочница моя с женской осужденки. Ночью переписываемся. Да ты знаешь ведь, о ком речь.

– Нашел чего жалеть. На зону заедешь, братва адреса подгонит, выберешь новую, еще лучше, «вольную», – подбодрял я Аюба, не понимая, почему ему так жалко расставаться с этой Марьям.

– Ты не мог бы помочь мне в одном деликатном деле? – продолжал загадывать загадки Студент, чем начал меня настораживать.

– Братан! Да я для тебя... Проси о чем хочешь. Соорудим по возможности, – попытался я внести веселые ноты в разговор.

– Я вижу, ты человек интеллигентный и воспитанный. Такие здесь редкость. В осужденку только заехал. Минимум месяц еще здесь попаришься. Я тебя очень прошу, продолжи мою переписку с Марьям. Лучшей кандидатуры для этого дела я не вижу.

– А зачем мне продолжать твою переписку?

– Да и переписка эта не совсем моя. Ее еще Эльдар начал. Ты его не застал, его до тебя на Казань дернули. Перед отправкой он и упросил меня, чтоб я писал под его именем к Марьям. Чтоб не огорчать девчонку. Потому и ты подписывайся, как я, «Эльдар». Дорожники в курсе будут, что это тебе малявы.

– А зачем продолжать? – недоумевал я. – Вы что, мыльный сериал договорились написать? «Просто Марию» переделываете в «Просто Марьям»? О чем ты с ней перетираешь в этих письмах? Она вообще-то кто такая?

– Ну, статья у нее самая ходовая – «рубль сорок четыре», как и у меня. Мачеха на нее заяву сочинила, чтобы с хаты убрать. А кражи как таковой и не было. Но ментам-то не докажешь, тем более мачеха смазала где надо. Ну, Марьям девчонка видная, вот следак и предложил ей уладить дело через постель. Она его за это предложение пыталась графином по кумполу зацепить. Верткий оказался, но «попытку убий-

ства» в дело присовокупил. За все про все наш гуманный дал ей трешник общего. Она чуть руки на себя не наложила. Слава богу, Эльдар ей подвернулся. Нашел нужные слова, успокоил и отвлек ее от этих мыслей. Ну а потом я, как сумел, убедил ее, что жизнь на этом не кончается. И что все лучшее у нас впереди. Честно говоря, я и сам многое получил от этой переписки и даже привязался к Марьям. Поэтому и не могу бросить это дело на самотек. Пока она на зону уедет, ты уж, будь добр, пиши ей. Не оставляй одну. Контингент, сам видишь какой. А ты человек грамотный и душевный. Ты сможешь ее развеселить и отвлечь от плохих мыслей. А там ее и на этап отправят. Да и время пройдет, посмотрит вокруг, увидит, что не одна она здесь такая бедолага, – сама успокоится. Короче, ты как? Не против? Ну а кому еще поручить?

– Попробую, но полной гарантии не даю. Опыта у меня такого нет, так что – как получится, – согласился я, не осознавая толком, о чем я вообще буду писать этой Марьям.

Через день Студента и еще двоих забрали с прогулочного двора. Больше мы их не видели, да и вещей их в хате уже не было. Вечером узнали, что этап этот ушел на Тулу. А ночью, когда дорога на решке открылась, дорожник вручил мне маляву из женской осужденки: «Студент сказал “от Марьям” теперь тебе отдавать. Только с ответом долго не тяни. Смена сегодня озверевшая. И ночью по двору с фонарями шарят. Дорогу в любой момент рвать придется».

Малява была на удивление краткой: «Добрый вечер, Эльдар! Днем был этап и я молила Аллаха, чтобы тебя не тронули. Надеюсь, что все обошлось. Напиши, как твои дела и здоровье. И вообще – что у вас нового? Пока все. С пожеланием всяческих благ, Марьям».

Сразу же захотелось так же кратко и ответить, что Аюб (он же Студент, он же «Эльдар II») ушел на Тулу и что писать вам далее (если вы, конечно, того пожелаете) буду я, «Эльдар III». Открыть ей таким путем глаза на мир и закончить этот, как мне казалось, «порожняковый базар». Но что-то остановило. Может, интересно стало (а смогу ли я приболтать бабу не хуже Доллара), а может – пожалел разочаровывать девчонку (да и обещнулся ведь я Аюбу). В общем, поехали, решил я, достал стержень и разгладил лист бумаги перед собой.

«Добрый вечер, любимая моя Марьям! Когда пришли за этапными, я, как и в прошлый раз, обратился к Аллаху с просьбой не лишать меня моего единственного сокровища, каковым являешься для меня Ты. И в очередной раз произошло чудо – меня не взяли, хотя ушли те, что заехали в осужденку позже меня. Либо наша любовь сильнее приговоров, либо мой приговор отменили и дело пустили на доследку? В лю-

бом случае я рад, что могу написать Тебе об этом. Здоровье мое в норме, ибо любовь всегда дает человеку надежду, а надежда – дает человеку силы. За все это я благодарен Тебе, дорогая Марьям. Я надеюсь, что и Твое здоровье в норме. Если есть в чем нужда, то напиши. С уважением и любовью. Навеки Твой Эльдар».

Так я принял на себя заботу о том ростке нежного чувства, что возвращали, передавая его из рук в руки, Эльдар, а потом Аюб. Вряд ли когда-нибудь я смогу увидеть эту Марьям (а ведь мужики любят больше глазами). Спрашивать ее о «параметрах» мне было неудобно, ибо она наверняка об этом уже писала или Эльдару, или Аюбу. Поэтому я представил себе тот образ Марьям, какой вырисовывался на основе полученной информации и моих представлений о любимой женщине.

Этот образ начал жить в моем сознании, материализуясь в ночной переписке. Детали образа Марьям все ясней проступали передо мной. Ночная переписка была как бы видимой частью айсберга. Большая же часть моего диалога с Марьям лежала в глубинах моего сознания. Постепенно этот образ наполнил мою жизнь новым смыслом: я был кому-то нужен и дорог в этом мире. Я начал усиленно самообразовываться, чтобы не разочаровать Марьям корявостью языка и скудостью фантазии. День и ночь поменялись для меня местами: серость дневного времени я старался заполнить либо книгами, либо сном; ночью же для меня всходило Светило, которое давало и свет сознанию, и теплоту душе. Это светил мне образ Марьям – мое полуночное Солнце. Я даже начал писать стихи, чего раньше никогда не делал и даже не представлял, где и как этому можно научиться.

Через неделю я уже не представлял себе, как я раньше жил без общения с Марьям. Мне даже стало жалко тех сокамерников, что не имели заочниц, а также и тех, кто, имея их, не стремился достичь духовной высоты в общении с женщиной. Ползая в грязи плотских понятий, они и представить себе не могли, что даже в этих условиях (пропахших куревом, потом, хлоркой и мочой) можно дышать полной грудью и чистым воздухом.

Постепенно то, о чем я раньше писал для прикола (чтобы быть приятным этой наивной Марьям), вошло в мою жизнь реальностью чувств. И если раньше слово «любимая» я писал с досадой (вынужден обманывать, ибо обещнулся Аюбу), то теперь я писал это слово с трепетом и восхищением к тому образу Марьям, что жил в моем сознании, давая мне (теперь уже без обмана) и Свет, и Надежду, и Силу.

Но время шло. Сроки по обжалованию моей касухи давно кончились. «Если не перекинули в следственную, то, значит, готовься к этапу. Хорошо, если кинут на Шамхал. Но он и так в три раза переполнен. Скорее всего, как и Аюб, пойду на “дальняк” в столыпине».

Мысли эти стали приходить все чаще. Вместе с ними встал и вопрос: «На кого оставить Марьям?» Я не мог бросить это дело на самотек, как не смогли уйти так просто ни Эльдар, ни Аюб. И я стал искать достойного кандидата на роль «Эльдара IV».

Мой выбор остановился на Гаджи-Рембо. Это был не по годам рассудительный сельский парень, недавно вернувшийся из армии. Он выделялся очень уважительным отношением к книгам (и, надо полагать, к чужому труду вообще), которое позволяет многим людям (особенно в заключении) получить достаточно высокий уровень самостоятельного образования. Гаджи был верующим человеком. В следственных хатах молятся почти все: просят Всевышнего, чтобы либо нагнали с СИЗО, либо чтоб срок дали поменьше. В осужденке же ряды молящихся заметно редуют («На хер я буду намаз делать, если он мне на суде не помог?»). Гаджи и здесь молился регулярно. Но молился он без той назидательной показухи, что отличает лицемерие (из-за моды «на веру» или из-за того, что «сильное большинство» в хате молится) от истинной веры. Гаджи сидел «за справедливость»: он убил односельчанина, который изнасиловал его сестру, пока он был в армии. Потому и погоняло ему дали Рембо. И хотя убийство было совершено в обоюдной дуэльной схватке на кинжалах (Гаджи тоже получил ранение), и хотя Гаджи сам сразу же явился с повинной к участковому, и хотя кроме него и младшей сестры у полуслепой (инвалидность первой группы) его матери никого не было, Верхсуд Дагестана дал Гаджи семь лет лишения свободы («Чтобы такие дуэли не получили широкого распространения на местах»).

Мы сдружились с Гаджи потому, что он не был фанатиком веры и не ограничивал свой кругозор только исламом. Он живо интересовался основами и других мировых религий, христианства, иудаизма, индуизма и буддизма. Но он никогда не вступал в споры, какая из религий лучше. «Все дороги, если они ведут человека вверх, сходятся на вершине» – эта фраза, сказанная кем-то из великих, и стала нашей точкой соприкосновения.

Я рассказал Гаджи о моей переписке с Марьям. И так же, как и Аюб мне, я предложил Гаджи продолжить эту переписку под именем мифического Эльдара (теперь уже – четвертого по счету).

– Если ты ее действительно любишь, то зачем передаешь ее мне? – спросил Гаджи.

– А что делать? Кому еще я могу доверить общение с ней? – ответил я вопросом.

– Никому нельзя отдавать свою любовь! Общайся сам. Я напишу ей, что ты уехал на зону, а с зоны ты сам ей напишешь, – решительно, но довольно наивно заявил Гаджи.

– Когда это будет? Через месяц или через год? Иные и больше по транзитам катались. А человеку нужна поддержка любимого человека ежедневно. И если ее нет, то он перестает верить в само существование любви. Это во-первых. А во-вторых, то, что у тебя все равно отнимут, лучше вовремя отдать другу, иначе оно может достаться врагу. Поэтому ты теперь будешь ей надеждой и опорой. Согласен? – спросил я, прекрасно понимая, что Гаджи не сможет мне отказать.

– А ты-то сам, как будешь без нее? – задал Гаджи давно мучивший меня самого вопрос.

– Я проморгаюсь. Лишь бы она не плакала, – подвел я черту под разговором.

Следующий день был этапный – на Россию. Непонятный мандраж начал терзать меня с подъема. «Не хватало еще заболеть перед этапом», – подумал я, ловя себя на мысли, что этот этап для меня неизбежен. На прогулочном дворике (только закурили) дверь противно за скрипела. Попкарь зачитал список на этап...

Быстрый сбор вещей в хате. Попкари алчно смотрят, чтоб не брали ничего лишнего.

– А записку можно хлебнику оставить? – спросил я молодого, но уже с обвисшим брюшком «опера».

– Ты чё, писатель, не написался еще? Вся женская осужденка от твоих маляв тащилась. По ходу все они о тебе только и мечтают, – засмеялся «опер».

– И Марьям тоже? – недоверчиво спросил я.

– Какая еще Марьям? Та, что склонная к нападению с графином на следаков? Вспомнил! Она недели три как на Усть-Лабинскую ушла. Вот бабы с тех пор из уважения к вашим чувствам и решили всей хатой продолжать переписку от ее имени. Жалко им было тебя с твоей любовью. Вот только не пойму – почему они тебя Эльдаром кличут? Погоняло у тебя, что ли, такое или под литературным псевдонимом писал? Ну, чё застыл? Шевели батонами!

Молодой и сытый «опер» пытался за насмешливо-пошлыми фразами скрыть уважение и зависть к чужой любви...

Тюрьмы мира

По материалам зарубежных СМИ

Доклад ООН

Десятки миллионов людей в мире находятся за решеткой, и большинство из них содержится под стражей в неприемлемых условиях, говорится в докладе ООН, опубликованном 20 октября 2009 года.

По сообщению REUTERS, специальный докладчик ООН по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видах обращения и наказания Манфред Новак (Австрия) делает неутешительный вывод об условиях содержания в тюрьмах многих стран.

«Практика применения пыток в тюрьмах является глобальным явлением, проявление которых в некоторых странах на совести людей, занимающих самое высокое положение», – заявил Новак после представления своего доклада Генеральной Ассамблее ООН.

Источником доклада стали пятнадцать проверок, которые провел Новак. Манфред Новак рассказал, что он в своей работе сосредоточился на «забытых тюрьмах» и на обращении с задержанными миллионами детей, иногда даже в возрасте 9–10 лет.

Наиболее распространенной является проблема камерной перенаселенности, особенно это явление процветает, по мнению Новака, в тюрьмах Грузии, Непала, Шри-Ланки и Того.

В Лагосе, столице Нигерии, женщин и детей содержат в тесноте, в камерах, где находится более ста заключенных. Мало того, это происходит в настоящей камере пыток, где охранники стреляют по ногам заключенных и оставляют их истекать кровью без медицинской помощи.

В Индонезии и Парагвае задержанные лишены пищи и медикаментов, кроме того, они должны еще и посуточно платить за предоставленное им «жилье».

Некоторые правительства приняли меры по выполнению рекомендаций Новака. Так, в Иордании решили закрыть тюрьму, в которой были

обнаружены случаи пыток, то же самое пообещали сделать и в Нигерии в отношении камеры для пыток в Лагосе.

В Уругвае уже предприняты меры, чтобы ликвидировать «металлический контейнер» в тюрьме «Либертад», в котором некоторые заключенные содержатся при температуре, близкой к 60° С.

Манфред Новак заявил, что пытки являются обычным явлением в арабском мире, и он сожалеет, что многие арабские страны, в отличие от Иордании, отказали ему в доступе в свои тюрьмы.

В таких странах, как Индонезия, Того, Уругвай, власти с целью поддержания дисциплины прибегают к телесным наказаниям в отношении молодых правонарушителей. В Уругвае, рассказал Новак, он увидел мальчика, которому было отказано в доступе в туалет в течение 22 часов в сутки.

Отвечая на вопрос об американской базе в Гуантанамо на Кубе, Новак сказал, что он сомневается в том, что Барак Обама сможет закрыть ее, как было обещано, к январю 2010 года. Он заявил, что необходимо обратиться к европейским странам, чтобы они помогли Президенту США, принимая иностранных заключенных.

Касаясь Ирана, где, по свидетельству оппозиции, имеются случаи пыток, Новак заявил, что он получил «очень надежные свидетельства», подтверждающие эту информацию. Он запросил объяснений от Тегерана, но ответа пока не получил.

Бельгия будет арендовать тюрьму

По сообщению Лоры Досси (*Le Figaro*), для решения проблемы перенаселенности тюрем бельгийское правительство обратилось к соседям, к Голландии, где есть несколько совершенно пустых тюрем.

Правительство Бельгии, которую в течение долгих лет преследует проблема переполненности тюрем, будет арендовать 500 камер для заключенных в голландской тюрьме Тилбург, расположенной в южной части Нидерландов. Эта мера 16 октября 2009 года была одобрена основными министрами правительства Бельгии. Окончательно решение должно быть принято в ближайшие недели.

На территории Нидерландов имеется около 2000 совершенно пустых камер. Тюрьму Тилбург собирались даже совсем закрыть, как и еще восемь других тюрем. Плотность тюремного населения в Нидерландах за последние несколько лет резко снизилась. Согласно статистике Совета Европы (последние опубликованные в марте 2009 года данные относятся к 2007 году), если в 2003 году наполняемость голландских тюрем составляла 95%, то в 2007 году – всего 80,8%, то есть является

одной из самых низких в Европе. Это – результат снижения уровня преступности и широкого применения альтернативных видов наказания. Например, все те, кого приговорили к тюремному сроку в три месяца, находятся под домашним арестом с использованием электронного браслета.

Напротив, в Бельгии наполняемость тюрем в 2007 году достигла 118,5%. Плотность тюремного населения страны составляет более 10 000 человек на 8334 имеющихся места. Условно-досрочное освобождение после «дела Дютру» (бельгийский маньяк, изнасиловавший и убивший нескольких девочек, приговорен к пожизненному заключению) сократилось. Большую долю среди заключенных составляют подсудимые, хотя по суду 40% из них не приговариваются к лишению свободы.

За аренду тюрьмы в Нидерландах Бельгия будет платить 30 миллионов евро в год. Туда будут переведены отбывающие длительные сроки заключенные из Фландрии (по географическому принципу) и говорящие по-голландски. Директором тюрьмы будет бельгиец, охранниками – голландцы. Посещения заключенных и условно-досрочное освобождение будут осуществляться по законам Бельгии. Но за свое поведение в тюрьме заключенный будет отвечать по голландским законам.

Аренда тюремных камер за границей для Бельгии, естественно, временная мера. «Речь идет, безусловно, о переходной мере, так как с 2012 года в Бельгии будут введены в эксплуатацию первые новые тюрьмы», – уточняет министр юстиции Бельгии. Различные общественные организации говорят о том, что в связи с переводом заключенных за границу возникают вопросы контроля и реинтеграции после освобождения. Интересно, вдохновит ли этот проект другие страны? Так, например, наполняемость французских тюрем в 2009 году составляет 120,5%, тогда как в соседней Швейцарии всего 85,9%.

Нидерланды: электроника управляет тюрьмой

В Нидерландах функционирует экспериментальная тюрьма. По сообщению Лоранс де Шаретт (*Le Figaro*), экспериментальное пенитенциарное учреждение, расположено в городе Лелистад, около Амстердама, в Нидерландах. Большие камеры, предназначенные для проживания не менее шести осужденных, оборудованы кухней и душем. В этом подразделении, рассчитанном на 150 заключенных, работает только 6 надзирателей, поскольку все здесь контролируется техникой.

Здание построено в виде полумесяца, а выполненный из стекла командный пункт находится в центре, что позволяет сотрудникам всех

рангов видеть тюрьму практически полностью. В тех местах, которые не попадают в зону прямого видения, идет постоянная видеосъемка. Не сходя с места, ответственный сотрудник легко определяет, где находятся люди, за которых он отвечает. Каждому заключенному на запястье надевается электронный браслет, напоминающий большие наручные часы, он позволяет отслеживать на экране все передвижения человека по тюрьме. Если кто-то из заключенных в установленное время не находится там, где должен, – в комнате для занятий, в спортзале, в камере и т.д., – раздается сигнал тревоги. Небольшими группами заключенные могут передвигаться по тюрьме. При этом создается впечатление, что делают они это абсолютно свободно, хотя в реальности находятся под очень плотным электронным контролем.

И внутри камер техника не дремлет. Видеонаблюдения нет, но микрофон улавливает все шумы. Разговоры не записываются, но фиксируется уровень агрессивности. «Когда напряженность разговора возрастает, датчики это показывают», – объясняет один из сотрудников этого учреждения.

Система работает по методу «кнута и пряника». При повторном нарушении заключенный может быть возвращен в «классическую» тюрьму, а срок его заключения при этом также может быть продлен. И наоборот, если заключенный выполняет все необходимые требования, то в конце недели ему может быть предоставлен «бонус» в виде некоторой суммы для телефонных переговоров или внеочередное свидание. Надзиратели в этой тюрьме регистрируют «менее пяти инцидентов в месяц».

Польша: тюремные условия

В конце октября Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) осудил Польшу за бесчеловечные условия содержания в тюрьмах. Основанием вынесения такого решения явились жалобы двух польских осужденных (один из тюрьмы города Катовице, другой – города Вроцлава), в которых они указали, что во время отбывания наказания на каждого из них приходилось менее чем по 3 кв. метра жилой площади. Необходимо отметить, что в данном случае нарушены не только европейские рекомендации – 7 кв. метра на человека, но и Конституция Польши, согласно которой гуманитарный минимум площади должен составлять не менее 3 кв. метров. Кроме того, один из заключенных жаловался и на то, что его часто переводили из одной тюрьмы в другую.

Как указали судьи ЕСПЧ, переполненность тюрем является структурной проблемой для Польши и противоречит Европейской конвен-

ции по правам человека. Кстати, в настоящее время в ЕСПЧ находится еще 160 аналогичных жалоб от польских заключенных. И все они, понятное дело, по аналогии будут решены в пользу обратившихся.

Европейские судьи в своем решении указали, что «в течение длительного периода заявители были вынуждены терпеть большую скученность», которая усугублялась «такими факторами, как отсутствие физической нагрузки, особенно на открытом воздухе, отсутствие конфиденциальности, отсутствие необходимых условий для соблюдения гигиены, и неоднократными переводами».

Одному из заключенных в качестве компенсации за нравственные и физические страдания была присуждена сумма в 3000 евро, другому – 3500.

Польша: принудительная кастрация для педофилов

Как сообщила польская интернет-газета *Wiadomosci24.pl*, сейм 400 голосами против одного принял поправку к Уголовному кодексу, согласно которой педофилов будут подвергать химической кастрации.

Если поправку одобряют сенат и президент, что наиболее вероятно, обязательную химическую кастрацию будут проводить в тюремных больницах или медицинских центрах лицам, совершившим преступления сексуального характера в отношении детей до 15 лет и близких родственников.

Кроме того, законопроект предусматривает содержание таких преступников в одиночных камерах и повышение для них максимального срока заключения с 12 до 15 лет. В случаях изнасилования несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет решение о кастрации, условиях содержания и сроках заключения в каждом конкретном случае будет принимать суд.

Согласно этому закону, суд будет выносить решение о том, нуждается ли педофил в лечении, не позже чем за 6 месяцев до его выхода из тюрьмы.

Такие поправки к Уголовному кодексу были предложены правительством в ответ на участвовавшие случаи изнасилования дочерей отцами.

«Я знаю, что такое решение наверняка вызовет протесты защитников прав человека, однако можно ли назвать особей, которые совершают подобные преступления, людьми? Поэтому не думаю, что в подобных случаях можно говорить о правах человека», – заявил премьер-министр Польши Дональд Туск.

Закон вводит также уголовную ответственность за пропаганду так называемой «доброй педофилии» или утверждения, что сексуальные контакты с детьми не всегда приносят им вред. Кроме этого, ужесточена ответственность за распространение детской порнографии и попытки навязать педофильский контакт с несовершеннолетними в Интернете.

Суть химической (фармакологической) кастрации состоит в том, что она проводится на определенный период времени, не является пожизненной и снижает уровень тестостерона в организме человека, который становится менее агрессивным и теряет чувство полового влечения. Химическая кастрация заключается в назначении ряда препаратов, угнетающих функцию мужских половых желез. Поскольку эта процедура обратима, она требует периодического введения поддерживающей дозы препарата.

Химическая кастрация насильников разрешена в некоторых европейских странах, нескольких американских штатах и в Канаде. В Польше эта процедура до принятия нового закона является добровольной.

Пенитенциарная система Польши

В **215** пенитенциарных учреждениях по состоянию на 31 июля 2009 года содержалось **85 570** заключенных, в том числе: подсудимых – **11,1%**, женщин – **3,1%**, несовершеннолетних – **1,3%**, иностранцев – **0,7%**. Наполняемость тюрем составляет **103,2%**. Количество заключенных на 100 тыс. населения составляет **225** человек. **Высшая мера наказания** – пожизненное заключение. Смертная казнь отменена в 1997 году. **Условия содержания** в тюрьмах тяжелые. В среднем за одного заключенного в день, по данным за 2006 год, тратилось (в пересчете) 508 рублей.

Самыми известными пенитенциарными заведениями являются:

– **тюрьма Павяк** (Варшава). Рассчитана на 1000 человек. Приняла первых заключенных в 1835 году. В 1940 году после захвата Варшавы фашистскими войсками тюрьма использовалась гестапо как пересыльная – из Павяка в концлагеря попали около 60 тыс. человек.

– **тюрьма в Мокотове** (Варшава). Открыта в начале XX века. С приходом фашистских войск использовалась гестапо. С 1945 года здесь содержались немецкие солдаты и польские коллаборационисты. Затем тюрьма была передана в польское ведомство госбезопасности и печально прославилась как место страшных пыток. С 1989 года уголовная тюрьма.

Из доклада **«Международной Амнистии» – 2009** «Права человека в современном мире»: «По имеющимся данным, бывший заместитель премьер-министра Роман Гертых передал нынешнему премьер-министру письмо „Тюрьмы США в Польше“, где говорилось о тайном меморандуме, выпущенном польской разведслужбой в 2005 году. В письме, предположительно, содержались косвенные доказательства того, что в период между 2002 и 2005 годами на территории Польши действовала тайная тюрьма ЦРУ».

Адрес редакции: 127224, г. Москва, пр. Шокальского, д. 61, корп. 1.

Телефон горячей линии по нарушению прав граждан в уголовно-исполнительной системе и правоохранительных органах: 8-916-667-2076

Российский тюремный журнал

У вас в руках второй номер нашего журнала. Он посвящен вопросам условно-досрочного **освобождения и других видов освобождения от наказания до того, как срок наказания окончится.**

Предупреждаем наших уважаемых читателей, что вопросы сокращения срока наказания в порядке кассации, надзора, возобновления дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, применения обратной силы нового уголовного закона, смягчающего положения осужденного, в настоящем издании не рассматриваются.

В то же время основной темой этого номера будет являться:

- условно-досрочное освобождение;
- замена наказания более мягким;
- отсрочка наказания;
- отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей;
- освобождение от отбытия наказания по болезни.

*Андрей Бабушкин,
главный редактор «РТЖ»*

Александр Хныков

Люди зоны-2

Валентина

Девушка в сером скромном платье, светловолосая, с огромными испуганными глазами в тихом коридоре КПЗ. Рядом – еще какая-то женщина в надвинутом на лоб «деревенском» платке – видны только глаза. И тут же – Санька, усталый от камерной духоты.

Девушка явно испуганна. В первый раз на этап. Под следствием. Впереди тюрьма.

А Санька уже знает, что такое зона. И улыбается ей.

– Привет!

– Привет! – отвечает девушка негромко.

– Тебя зовут-то как?

– Валентина!

– О, почти космонавтка! – пытается развеселить девушку Санька.

Он один разговаривает с ней.

И она улыбается. Улыбка вымученная, жалкая...

Санька не спрашивает, за что ее сюда. Какая ему разница! Он не прокурор. Он просто отдыхает, глядя на это прелестное создание. Ему жалко, что она брошена в эту круговерть отчаяния и страха. Он хочет просто поддержать ее.

Вытаскивает из своего дорожного мешка какие-то карамельки. Накануне получил от родных «дачку». Передает Валентине. Она пробует отказаться. Но он настойчив.

– Пожуешь – дорога длинная...

Он-то знает эту дорогу не понаслышке.

В коридоре начинается суета. Появляется дежурный с папкой дел. Все. Этап...

Городок еще спит. На улице, в заднем двореке горотдела тихо. Автобус, который вместо автозака, ждет. Мужчин, закоцанных попарно наручниками, вводят в автобус первыми и сажают на задние сиденья, отгороженные решеткой. Решетку закрывают. Навешивают замок.

Женщин рассаживают на обычных сиденьях. А впереди у входа в автобус садятся сопровождающие этап вооруженные прапорщики. Все готово. Взревел мотор.

– Автозак и то не могут сделать! Ездят как господа, – говорит один из прапорщиков, с недовольством косясь на мужчин – тех, что за решеткой. Этот чернявый громадный человек с автоматом явно недоволен чем-то своим.

Саньке не до него. Он внимательно глядит на Валентину. Редкая возможность – увидеть девушку так близко...

– Ты бы поближе ко мне пересела. Тут и поцеловаться можно, – советует Санька словно невзначай.

И она, вдруг набравшись смелости, аккуратненько пересаживается на последние сиденья, волоча за собой свой дорожный мешок.

Они молчат, ожидая реакции конвойных. Но те ничего не заметили: что-то обсуждают из своих «ментовских» новостей.

– Давай поцелуемся, когда еще придется, – скороговоркой шепчет Санька.

И действительно, девушка совсем рядом, она придвигается к решетке, и их губы встречаются. Они целуются страстно, взахлеб...

Автобус едет по сонному городу, и никому нет дела до этих двух молодых людей, отрывающихся друг от друга, только чтобы перевести дыхание.

Рядом с Санькой – худой, усталый мужчина. Он «прикоцан» одной рукой к руке Саньки, и Санька невольно тянет его за собой, когда наклоняется всем телом к решетке, чтобы лицом уткнуться в нее и почувствовать сладкие девичьи губы. Сосед его по несчастью молчит. Он все понимает и не мешая им, Валентине и Саньке, наслаждаться, чтобы не нарушить их маленькое счастье, не привлечь внимания конвойных.

Так они доезжают до железнодорожного вокзала. Автобус останавливается в каком-то тупичке. Санька смотрит на Валентину. На ее нежных щеках остались следы решетки.

– Когда еще свидимся, – рассудительно говорит Санька и уверенно обещает: – но я тебе напишу на домашний адрес.

И оба, он и Валентина, верят, что так все и будет, и будут письма, и пройдет это страшное время, и они будут на воле и встретятся. И эта вера сейчас помогает им обоим.

В поселке

Начальник колонии майор Крюков приезжал вместе с расконвоированными осужденными в этот заброшенный поселковый парк. И глядел, как они работают. А эски стаскивали мусор с аллеи, складывали его в кучи. Красили лавки. И делали это с удовольствием. Изредка неподалеку проходили люди, косясь на эзков, и шли дальше. Начальник колонии был доволен, что продвигается дело быстро.

Он, видимо, жил неподалеку и хотел бы гулять с дочкой или с собакой по этой аллее, и так, чтобы было все чисто и уютно. Он не боялся привозить сюда этих людей. Он чувствовал свою власть над ними. И приземистый, с походкой неторопливой, отдавал, как помещик, резкие приказы звеньевому расконвоированных старше его лет на десять и спокойно оглядывал аллею, представляя, какой она будет уютной и тихой, когда он будет после работы прогуливаться по ней, отдыхая «от трудов праведных».

Выходной день

В воскресенье на зоне выходной. После завтрака можно идти в клуб на кинофильм. Кто-то собирается в тот локальный сектор, где клуб, играть в волейбол. Приз за хорошую игру – чай. Для таких спортсменов воскресенье – удачное время. Но Горюнов не играл в волейбол. Слоняться по локальному сектору быстро надоедает. Можно полистать журналы. Написать письмо родным. Пообщаться с кем-нибудь, пришедшим из другого отряда, – чаще всего с земляком, которому знаком городок, где ты вырос. Общность воспоминаний о малой родине сближает, настраивает на ностальгию и как-то убергает от тоски.

Все эти способы унять грусть были Горюнову давно известны, но сегодня они не срабатывали. Неожиданное известие о разводе настолько его изумило, настолько погрузило в тоску, что он если и мог бы сейчас думать о чем-то еще, то только лишь обчирившись. А как на зло чай закончился и до ларька была еще неделя.

Весь отряд был на «подсосе», когда вываривается «вторяк» – уже заваренный чай. Когда тоска правит этим помещением с двухъярусными кроватями, где находится несколько десятков взрослых мужчин. Замкнутое пространство, лишённое этой маленькой взбадривающей радости, становится агрессивным. Начинаются ссоры, вызванные какой-нибудь ерундой...

Горюнов, познавший неволю уже в том объеме, когда нервы становятся натянутой струной от любого оброненного ненароком слова, старался уходить от разговоров. Он ходил по локальному сектору, как ро-

бот, и его затравленный взгляд метался от локальной ограды к плацу, от плаца к контрольной вахте и застревал в синем безоблачном осеннем небе. Стоял сентябрь. На редкость погожий в этом году. Не пришли еще надоедливые дожди, погружающие зону в марево слякоти.

Чтобы как-то развеяться, Горюнов начал даже напевать будто бы прилипшую к языку старую арестантскую песню:

Не печалься, любимая,
За разлуку прости меня...

О бывшей жене не думалось плохо. Они и не жили той обычной человеческой семейной жизнью, от которой остается имущество, дети. Расписались в колонии, а через полгода вдруг жена развелась. Может, испугалась, что выйдет он из колонии другим – не тем, кого любила с юности?

Пытаясь разгадать нелогичность поведения женщин, Горюнов, хмурый, невысокого роста, в черной зоновской форме положенного образца намерял метры по локальному сектору, боясь, что кто-то спугнет это таинственное его чувство – отчаяние, владеющее им, давящее, заполняющее сознание. Чтобы как-то продолжить это мучительное состояние одиночества, он даже глядеть стал только под ноги – на серый однообразный асфальт.

Тут на глаза ему попался возвращающийся из столовой, в последних рядах соседнего отряда, его землячок – Василий. Это был тридцатилетний мужчина, ростом чуть ниже среднего. На лице – всегда сосредоточенность и угрюмость, и только в глазах та озабоченность волей, что помогает выстоять и в колонии. У Василия на воле была семья. И главное – дети: двойняшки, два парня лет пяти. Их фотографии не раз с гордостью показывал Василий Горюнову...

– Привет, Колек. Что ходишь-то? – скороговоркой сказал Василий. – Пойдем-ка ко мне, чифирнем.

Как хватается утопающий за своего спасителя в роковые для себя минуты, так и Колька Горюнов сразу же ухватился за Василия, перенес все мысли к нему, и после знатного чифира, разболтавшись, рассказал о разводе.

– Эко дело, детей-то нет, – очень даже спокойно сказал Василий. – Другое дело – дети. Вот у меня – двойняшки! Это совсем другое дело, Колек! Это ведь семья, понимаешь! Это ведь не баба!

Василий говорил скороговоркой, слова его вылетали будто бы из пулемета, и не мог после чифира взбодренный Василий себя остановить. Горюнов, слушая его, точно зачарованный чужими впечатлениями, вдруг действительно подумал, что семья – это когда дети, и эта

мысль, спасительная для него, понемногу стала владеть его сознанием, отгоняя тоску.

Когда Горюнов пришел в свой отряд, то лицо его как-то изменилось. Та маска, та угрюмость, исчезла, и он был благодарен Василию за его разговор, за эти фотографии его детей и подумал даже, что и у него будет еще семья, и будут дети, и будет он ими гордиться.

Эта мысль, такая простая, помогала сейчас, внушала какие-то светлые надежды, успокаивала.

В помещении отряда каждый занимался своим делом, слышались отрывистые фразы из проходняков, надоедливые, как жужжание мух, и отвлекающие от хороших мыслей. Одиночество, уже привычное Горюнову, приятное иногда, а иногда пугающее, было с ним сейчас, как хороший собеседник, позволяющий как бы взглянуть на себя со стороны и даже успокоить. Это ощущение внутренней силы возвращало сейчас Кольке надежду, по-настоящему крепкую, что все будет у него хорошо. Спасибо земляку, Василию, что помог в этот выходной воскресный день.

Испытание

«Неужели все так вот и закончится?» – задал себе вопрос Санька, оглядывая маленькую палату, где было кроме него еще несколько эков, покашливающих, худых, бледных, и видом, и желаниями своими очень друг на друга похожих.

Сюда, в областную туберкулезную больницу, Саньку привезли вчера – обнаружили в колонии пару дней назад на рентгене признаки туберкулеза. Высокая стройная медсестра с пучком светлых волос, строго глядя на него, негромко сказала: «Хорошо, что болезнь обнаружили вовремя!» Ее слова сейчас и ободряли, и пугали одновременно.

В отряде было человек тридцать. В основном молодые парни. Те, кто постарше, как правило, с тяжелыми формами заболевания, резко отличались даже внешне, угрюмые, ослабевшие, они ходили осторожно, как бы давая понять остальным, какое будущее их ждет. И это как-то скрадывало радость того, что «ты не на зоне». Здесь, на больничке, были свои, облегченные нормы режима. И главное, больные не работали. Можно было, позавтракав, выйти в большой двор, прогуляться до массивного, высокого забора из красного кирпича, постоять возле двух березок, сейчас, осенью, особенно красивых своими золотисто-оранжевыми листочками.

Санька не хотел унывать. В памяти его было еще недавнее краткосрочное свидание. К нему в колонию приезжала мать и его девушка –

Люба. Красивая, с большой грудью, усталая, она плакала, глядя на него, сидящего за стеклом. А он думал, что сам сломал свою судьбу...

Мать, глядя на их молчаливую скорбь, захотела их подбодрить:

– Да что кручинитесь! Еще молодые!

И сама отвела повлажневшие глаза от его лица.

Сама нелепость его преступления (он спяну пошел разбираться с подругами своей знакомой за то, что те ее оскорбили, и избил их) заставляла его искать выход, психологическую отдушину, надежду на будущее.

– Выйдешь за меня замуж, Люба? – совсем как ребенок вдруг спросил он.

Он ждал чуда, как мальчишка в цирке ждет фокуса от фокусника. Алле-оп!

И чудо произошло.

Люба, не ожидавшая такого вопроса, смутилась, но все же ответила:

– Да...

Эти мгновения, хотя и совсем недавние, но такие уже далекие из-за все заслонившей новой беды, Санька переживал вновь и вновь.

Через несколько недель вызвали Саньку в кабинет начальника отряда, худощавого невысокого капитана в неопрятной форме.

– Здравствуй, Колесов, – негромко сказал офицер.

– Здравствуйте, гражданин капитан, – недоумевая, зачем его вызвали, сказал эзк.

– Врачи подготовили твои бумаги...

– Так быстро!

– Будешь лечиться на зоне. Форма твоего заболевания это позволяет, – не вдаваясь в детали, пояснил офицер.

Санька вышел из кабинета начальника отряда взволнованный. Всякая перемена в его положении радовала. Ведь, находясь здесь, в отряде, видя больных людей, глотая горстями тубазид – практически единственное лекарство, ему прописанное, – он чувствовал, что и сам с каждым днем слабеет, поддаваясь общему настрою.

В областную «тюрьму» привезли Колесова к вечеру. В душной небольшой камере никого, кроме него, не было. Это его даже развеселило. «Что, сажать, что ли, перестали? Или „отстойников“ тут куча?» – размышлял рассеянно Санька. Через пару дней, а может быть и раньше, он будет в колонии и напишет Любе...

Мысль о том, что она дала согласие и можно с ней расписаться в колонии, настолько воодушевила парня, что он не обращал внимания на серые стены, на почерневшие от времени железные нары. Устроившись на них, он сидел как истукан, предвкушая и роспись, и длительное свидание с любимой девушкой. Казалось, ничто не могло нарушить его зачарованность предполагаемыми событиями. После перенесенного удара судьбы только это сейчас волновало его. И туберкулезная больница, над которой как бы нависала невидимая сеть тоски и отчаяния, отошла куда-то далеко-далеко в мыслях худого, покашливающего парня, в зоновской черной форме с биркой, в телогрейке и нечищенных сапогах, который, глубоко задумавшись, сидел на нарах.

Зеленый

Толик шел по улице, методично отмечая, кто попадаетея ему на встречу, кто здоровается. В их маленьком городке многие знали друг друга. Он только что был в больнице. Ходил показывать снимки из областного туберкулезного диспансера – ничего утешительного ему не сказали. Болезнь прогрессировала. Со стороны было заметно, что этот долговязый человек, одетый чисто, но безвкусно, попал в какую-то передрагу и не знает, как из нее выпутаться.

Кличка Зеленый прилипла к нему в молодости, да так и осталась на всю его долгую тяжкую жизнь, которая не раз протекала в колониях. В молодости он носил зеленое пальто в клетку из Чехословакии – очень модное в ту пору. И в этом пальто на осенней серой улице его видно было издалека...

С женой он не жил. И дочку почти не видел.

Хотелось выпить. Да что толку?

Рассуждая так, Зеленый вошел в местный ресторан. Сел за столик, скрипнул предательски под его телом неуютный стул. С этого ресторана у него начался первый срок. Побуянил спяну, побил посуду, задел кого-то из посетителей. Дали два года колонии. В то время сажали за «хулиганство» многих...

Заказал Зеленый рюмку водки, салатик. Сидел как на собственных похоронах – тихий и покорный человек.

А ведь были другие времена! Да что теперь вспоминать...

В колониях он много читал. На воле-то этим некогда заниматься.

Выпил водки. Крякнул. Что-то пробурчал себе под нос... Принялся за салат.

На зоне, как и на воле, Толик обычно работал крановщиком. Ему нравилось с верхотуры смотреть на мир.

Что-то сейчас в этом маленьком зальчике напоминало ему о молодости. Те же пожухлые стены, выкрашенные в весенний зеленоватый цвет.

Жизнь проходила в одиночестве. Многие из тех, с кем рос, уже ушли из этого мира.

Болезнь – о ней были все мысли...

Вышел Толик на летнюю жаркую улицу и поплелся по ней, как старик, едва передвигая ноги...

Одиночество, такое привычное, в иную минуту доставлявшее ему даже удовольствие, сейчас было нестерпимым, и ноги сами пошли к дому, где жили жена, дочь.

Встретили они его спокойно, хотя и несколько недоброжелательно. Но, очутившись у них, он вдруг улыбнулся, пошутил, ожил, приободрился. Совсем стал другим человеком – так оживает артист, когда выходит на сцену...

Зеленый балагурил, как подросток. Жена, полная женщина, уже улыбалась. Даже дочь, взрослая девушка с грустным взглядом, презрительно сторонившаяся его, когда он был «выпивши», и та не уходила из дома...

– Ну как там, в больнице? – неожиданно тихо спросила она.

– Да все так же, дочка. Плохо, – искренне и неожиданно для себя поделился Зеленый. – Снимки плохие...

– Так ты лечись, а не пей! – вставила знакомые слова жена.

Такие надоедливые, они обычно его раздражали, но сейчас он сдержался, понимая, что находится в гостях.

Что-то хотелось ему сказать этим людям, в принципе единственным родным на этом свете – после того как умерла мать. Но он так и не нашел в себе силы сказать что-то доброе им, все шутил и шутил. Грубовато, неумело, чтобы скрыть свою привязанность к ним, чтобы не почувствовали они его страх, его тоску, которые надежно засели где-то внутри, мучили и будоражили Зеленого в последнее время все чаще, все настойчивее, все властней!

Вышел Толик на улицу, побыв часок у супруги, у дочери, так и не сказав им ничего важного, а ведь хотел примирения, но не смог, и они не позвали назад.

И пошел он вдоль улицы, как неприкаянный пес, выгнанный из дома.

Комиссия

В кабинете, куда его пригласили, было много врачей. Они расселись на стульях, и среди них как-то затерялась Любовь Васильевна – «наблюдающий» за ним врач. Колесов послушно сел на предложенный стул. Усталый, в больничной одежде – выцветших брюках, курточке, явно ему большой, он сильно выделялся на фоне белых халатов холеных врачей. Он был как огрызок яблока среди чистоты праздничного стола, убранного для веселья.

Любовь Васильевна кратко рассказала о преступлении Колесова, сделала какие-то выводы, и медицинские термины, мало говорившие Колесову, в которые он вслушивался, напрягая слух, и нежный воркующий голос Любви Васильевны окончательно убедили Саньку, что его «вопрос» врачам мало интересен и эта процедура – «комиссия» – ничего хорошего ему не принесет.

Он как-то уже лениво глядел в одну точку, будто бы замороженный выводами Любви Васильевны, и даже улыбнулся, но тут же сделал свое лицо серьезным, соответствующим моменту.

Профессор Майский, заведующий клиникой судебной психиатрии, небрежно взял исписанный карандашом лист бумаги. Поправил длинными бледными холеными пальцами позолоченную оправу своих очков. Он начал читать, вначале про себя, а потом увлеченно вслух: «Обрекая осужденных на лишения, на нищету в колониях, при оплате их труда минимальной и несправедливой, государство делает этот труд унижительным, и, выходя на волю, человек так и относится к труду – с пренебрежением...»

Профессор Майский, будто бы опомнившись, завершил чтение. Поглядел уже внимательно на сидящего перед ним невысокого парня в больничной одежде и негромко, но властно сказал:

– Стиль-то неплохой. Это отрывок из письма обследуемого. Он написал его, обращаясь к съезду ВЛКСМ.

Врачи молчали, как воды в рот набрали. Они смотрели на профессора с покорностью голодных собачек, терпеливо караулящих еду у палатки с шаурмой.

– Наш диагноз – это на всю жизнь, – как-то задумчиво сказал профессор. – Отсидите, молодой человек, выйдете.

Он еще что-то говорил, но Колесов внимательно глядел на Любовь Васильевну. Видимо, чересчур внимательно, так что она, встретившись с ним взглядом, отвернулась и даже, как показалось Колесову, зарделась. Или ему этого просто хотелось? Это письмо к идущему на воле очередному съезду ВЛКСМ он написал как бы и от скуки, и от желания

высказаться, доказать «им всем», а именно Любви Васильевне, что он здоровый, здравомыслящий человек. Конечно, он понимал, что «письмо» на съезд не попадет. И единственным «делегатом», к которому он обращался, была Любовь Васильевна. А теперь эти его мысли были выставлены на всеобщее обозрение, и это как-то даже оскорбило Колесова. Он перевел тяжело дыхание, будто бы отпуская какую-то свою мысль – навсегда. Желание увидеть в Любви Васильевне сочувствующего человека не оправдалось. Он увидел, просто врача, выполняющего свою работу. И еще что-то очень плохое почувствовал он в эти минуты по отношению к этой женщине – она ему показалась отчасти похожей на охранницу из тюрьмы. Почему-то в тюрьмах работало охранниками много женщин. И были они властными, нулыбчивыми, настроженными и, что удивительно, часто очень красивыми.

Колесов встал со стула, когда профессор завершил свою речь, и послушно вышел из кабинета. Поняв, что его судьба определена этими людьми в белых халатах. И впереди этап, беспощадный, страшный, но к которому он уже был готов, который влек его к себе неумолимо, как рок, как что-то властное, тянущее, давящее, усиливающее тревогу.

Ларек

После «ларька» в рабочей зоне как-то сразу веселее. Печенюшки, чай – оказывается, так мало нужно взрослым мужчинам, чтобы почувствовать вкус к жизни. Сашка в этот раз отоварился в ларьке как положено – был и чаек, и покурить. Поэтому после обеда, когда замирает в цехах жизнь, когда эски стараются продлить блаженство после принятия пищи, он с нетерпением стал ожидать земляков. Приземистый, с худым лицом, с большими глазами, смотрящими грустно и пристально, он уже приготовил воду для заварки чифира. Вот из другого сектора пришел Коля Зуб, нетерпеливый, разговаривающий скороговоркой, затем Толик Зеленый – работающий крановщиком, согнутый дугой, покашливающий. На троих и заварил Сашка чифирку. Сели в кружок и стали бережно передавать горячую кружку, отпивая по два глотка терпкий, горячий напиток, будоражащий воспоминания о воле.

Разговаривали о маленьком своем городке, где отсидели многие, а многие сидят. Так уж получается, что у эзков и разговоры эзковские.

Потом стали вспоминать родственников, детей. У Сашки у одного – семья. И потому ему тяжелее всего. У Зуба и Зеленого тоже были дети, но с женами они в разводе. Осторожно велась беседа, когда вопрос касался женщин. Тут эски становились деликатными, как учителя фи-

зики, стараясь друг друга не оскорбить каким-то намеком. Так и проговорили уже полчаса, пока Зуб не сказал:

– Бабы дело такое. Хорошо, Сашка, у тебя супруга – молодец! А так им веры нет.

– Это точно, – покачиваясь в такт словам, произнес добродушно и Зеленый, от чифира ему было приятно говорить и думать.

А Сашка только кивнул головой, чтобы поддержать беседу, но сам рассуждать не стал. Он вообще старался говорить поменьше. Такая была у него привычка – больше слушать.

Приятели ушли. В цеху еще не начинали работать. Сашка отнес опустевший чифирбак в укромное место и затих на доске, отдыхая, а воспоминания, взбудораженные чифиром и разговором, были навязчивы как мухи – лезли они в голову неотступно.

В тот зимний день ничто не предвещало трагедии в жизни Сашки. Отсидев до этого, он дал себе зарок не встречать ни в какие компании. Женился. Родился у него сын. Рос. Жена работала на почте, и в тот день вместе с сыном он провожал ее на работу. Хрустел снежок под ногами. Было морозно. Почти на полпути навстречу попались дурачившиеся подростки, заметно выпившие. Один и прицепился к походке жены, а она хромала, инвалид с детства. Жутко это рассмешило пацана, и он стал рукой показывать на нее. И перемкнуло у Сашки, он злобно выругался. И пацаны, обалдевшие от такой наглости, пошли на него. А были они рослые не по летам. И тогда выхватил Сашка нож из кармана, и вошел нож в живот одному нападавшему, как в сливочное масло...

Сейчас, вспоминая об этом, Сашка даже скривился. Заурчали неподалеку токарные станки. Захотелось Сашке увидеть жену, сынишку. А как?! Далеко ведь они! Покашливая, пошел ээк к станку. И не глядя по сторонам, начал вытачивать детали, одну за другой, одну за другой, как заведенный.

На выезде

Сергея не любил весну. И дело было даже не в распутице, не в тоске, которая наваливается в колонии, когда начинает пригревать солнышко... Причина была банальна. Серегу весной посадили. И вот уже третью весну он в погожие деньки переживал происшедшее с ним в мельчайших подробностях.

За территорию колонии бригаду, в которой работал Серега, выводили рано утром. В сопровождении конвоя – солдат внутренних войск – эзков в крытых грузовиках отвозили на территорию химкомбината. Здесь, вдали от цехов, на «пяточке», огороженном столбами с колючей

провоолокой и одинокой вышкой, где торчал как изваяние часовой, зэки разгружали приходящие по узкоколейке вагоны, пригоняемые в этот тупичок шумящим, стареньким паровозом.

На этот раз из вагона под навес перетаскивали бумажные мешки с колчеданом. Мешки были не очень тяжелые, и неторопливая вереница зэков шла и шла от вагона к навесу. Здесь укладывали мешки в ровные стопки.

Припекало уже вовсю жгучее южное солнышко. Из степи дул порывистый, душистый ветерок. Это свежее дыхание окружающего мира волновало Серегу до глубины души. Выезжая за территорию колонии, он мысленно как бы приобщался к воле.

Чифирнув, зэки ожидали обеда. Его привозили из колонии в солдатских больших бочках конвойные.

Глубоко дышал Серега, откашлявшись от пыли из мешков, проникающей, ядовитой. Поглядывал на чернеющие громады цехов – за колючей провоолокой. Там иногда проходили по территории химкомбината люди, одетые в обычные спецовки.

Все это – и цеха, и рабочие химкомбината – радовало Серегу. Он радовался уже тому, что находится вдали от колонии.

Каждый раз в минуты отдыха он лелеял в себе это чувство полусвободы. И каждый день ждал выхода из колонии, ждал, когда повезет его крытый грузовик по проселочной, ухабистой дороге. Он в мечтах раз за разом представлял тот миг, когда эта дорога станет для него понастоящему свободной.

Ларсон

Над колонией плыли холодные, черные тучи. Наполненные осенней влагой, они угрожали слякотью, сыростью. В такие дни не хочется думать даже о будущем. Колония, погруженная в смрад усталости, навеивает чувство безнадежности.

Ларсон – так прозвали его с молодости, а кличка осталась за ним и в зоне, – с приветливой добродушной улыбкой, высокий, всегда подтянутый, в аккуратном зоновском костюме, с начищенными сапогами, в новенькой телогрейке, в этот день не был похож на себя. И немудрено. В тот же день три года назад и совершил он преступление.

Своего щенка, которого успел вырастить между сроками, назвал он Черныш. Это был щенок восточноевропейской овчарки. Страсть к собакам у Ларсона была с детства. Но с возрастом она то угасала, то возникала вновь. Но Черныш – со стоящими ушками, добродушно помахивающий хвостом – ему сразу же понравился. Он купил его у одно-

го из своих знакомых, занимавшегося разведением собак. И Ларсону не родословная приглянулась, а сам щенок.

Прошло несколько лет, и щенок превратился в здорового спокойного пса. Хищный оскал, впрочем, характерный для собак этой породы, в нем не проявился: что-то доверчивое светилось в этих собачьих глазах, коричневатых, со слезой.

Ходил Ларсон по городу с Чернышом как с другом. Общение с людьми оставило у Ларсона массу неприятных воспоминаний, а Черныш был действительно другом, не требующим ничего.

В тот день, переходя улицу вместе с Чернышом, не заметил Ларсон, да и Черныш, выскочившую на полном «газу» из переулка замызганную грузовую машину. Как оказалось, водитель был пьян. Успел только Ларсон заметить номера. По ним и нашел водилу, сбившего насмерть Черныша и уехавшего не тормознув...

Бил водилу Ларсон с остервенением, без жалости. А на следующий день, только успел Ларсон похоронить Черныша в своем дворе, Ларсона и забрали. И быстро было состряпано уголовное дело. И колония строгого режима. Приговор Ларсону был уже не в новость. И воспринимал он тогда все происходящее как само собой разумеющееся. Да и в этот непогожий осенний день Ларсон не корил себя за содеянное – было ему жалко только Черныша, да и себя немного.

На высоте

– Ишь, что я умудрил! – горделиво прошептал Серега, глядя сверху вниз на чернеющей пол цеха, казавшийся недостижимым далеким с этой верхотуры, где он лежал на железных трубах, за перекрытием, как в окопе. Эта идея – залезть под потолок – пришла к нему как озарение. Ээки, отдыхая в укромных уголках после обеда, когда сон смаривает, часто попадались под руку сотрудникам режимной службы, и это заканчивалось штрафным сырым двориком возле контрольной вахты, а за повторение такого проступка можно было запросто угодить и в изолятор.

Но организм, истощенный напряжением лагерной жизни, после еды упорно тянуло ко сну. С детства Серега боялся высоты. А теперь, щуплый, коротконогий, как обезьяна проворный, по железным перекрытиям цеха он залезал под потолок и там отдыхал. Глядя на него, ээки шутили:

– Ты теперь, Серега, верхолазом стал.

Главное, что снизу это укромное местечко не просматривалось, и это давало Сереге возможность отдыхать не напрягаясь. Одно было страшно – упасть. Это была бы явная гибель. Но Сережка об этом ста-

рался не думать. И спал чутко, как заяц, боясь даже пошевелиться, не то что повернуться с боку на бок – это было действительно смертельно опасно. Видимо, где-то в подсознании срабатывал инстинкт самосохранения. И Серега всегда удивлялся этому: ведь с детства он боялся высоты, а тут! Тут было другое. Он мог спокойно отдыхать, и никто ему был не страшен. Не полезет же прапорщик из режимной части искать его под потолок.

Так и шло бы, если бы не длинные языки – сдали Серегу, и пришлось ему под матюки сотрудников слезать с верхотуры. Но и тут ему повезло. Хорошее было, видимо, настроение у делавших обход «режимников». Подивились они находчивости Сереги, дал он им слово, божась, что никогда больше под потолок цеха не полезет, получил пару тумачков, и этим все ограничилось.

С тех пор Серега после обеда только с завистью глядел на теплые трубы над головой.

Матушка

Мать принесла с кухоньки поесть. Нарезанный салатик, колбаска. Все аккуратненько и вкусно. Санька, напившись до этого уже чаю с конфетками, повеселев, сидел на кровати. Свидание с матерью у него было на двое суток. Можно было неторопливо поговорить. Узнать все новости из дома. Мать, постаревшая, аккуратная, была внешне спокойной. Выплакались все слезы. Ведь недаром говорят, слезами делу не поможешь...

Глядел на мать Санька, коротко стриженный, худой, и дивился ее спокойствию. Помнилось ему, как из окошка камеры на третьем этаже следственного изолятора в его родном городке видел он мать, стоящую у дороги. Она работала санитаркой в детском отделении районной больницы, как раз напротив следственного изолятора, и после работы стояла как изваяние. Потом, подав ему знак рукой, уходила тяжелой походкой усталого человека.

Сколько же мук вынесло материнское сердце!

Санька невольно вздохнул, стараясь ни словом, ни движением не показать своего волнения.

Они таили друг от друга боль. Они понимали, что нельзя травмировать друг друга, особенно сейчас, когда они рядом.

Казалось, мать его ждала всю жизнь. В пятнадцать лет уехал он в другой город – поступил учиться в техникум. Приезжал домой только на выходные. Потом, после техникума, поступил в военное училище. Приезжал домой только в отпуск – зимой и летом. Не доучился. Вы-

гнали. Дослужил в армии десять месяцев. Потом, в майский денек, едва очухавшись от армейских будней, попал под следствие...

А мать все ждала его... Старая... И плакала!

Сидел Санька, как истукан, на кровати, стараясь разговаривать, давать матери что-то хорошее – надежду, что будет у него в жизни все хорошо. Он писал ей хорошие письма – это все, чем он мог поддержать ее.

Мать верила его словам. Сидела напротив на кровати взволнованная, тихая, доверчиво веря сыну...

Плакать не могла и когда уходила из комнаты свиданий. Выплаканы были слезы. Только болело сердце... Боль эта, уже знакомая, отошла только на длинной дороге до поселка, откуда надо было уезжать домой.

Надо было дойти. И шла мать не плача. Ей нельзя было плакать! Ей надо было жить, пока сын в колонии. Шла она и думала об этом. Надо было во что бы то ни стало жить. Кто же поможет ее сыночку, как не она...

Женщина шла, не оглядываясь, по пустынной, хмурой дороге к поселку с маленьким автовокзалом. И откуда автобусы развозили родственников, тех, кто приезжал к заключенным, по городкам и весям огромной страны.

На рывок

Тупичок, где этапиремые под конвоем ожидали посадки в столыпинский вагон, стоял в памяти Кузьмина с тех пор, когда его отправляли в следственный изолятор из КПЗ пару месяцев назад. Что-то подсказывало ему: в его жизни может все перевернуться именно из-за этого места. Он в минуту слабости дал вынужденные, под давлением, показания и сейчас мучился, понимая всю непоправимость происшедшего.

В этот раз везли его из КПЗ уже со сляпаным делом, и все надежды на адвоката были тщетны.

Кузьмин, долговязый, с опухшим лицом, с глазами затравленными, покрасневшими, тоскливо глядел на железнодорожное полотно – оно было близко, метрах в тридцати. Он сидел на корточках рядом с такими же настороженными людьми, одетыми разношерстно, но похожими друг на друга бледными лицами, грустными глазами.

Нарастающее чувство безнадежности не оставляло Кузьмина, а только лишь подчеркивало весь ужас его положения. И рисовало ему выход, который давно мучил его своей притягательностью.

С юности занимался Кузьмин спортом и был хорошим бегуном на четыреста метров, занимал призовые места на соревнованиях.

Нарастал перестук колес приближающегося состава. Мощный этот стук отзывался в голове Кузьмина точно колокольный звон. Он с тоской поглядел на сереющее осеннее небо над головой, будто бы в последний раз. И, бросив как ненужный свой вещевой мешок, рывком поднялся и, не обращая внимания на окрик конвойного – плотного сложения, усатого прапорщика с автоматом, – бросился бежать туда, к железнодорожному полотну, наперерез составу. Вмиг он был уже у рельсов, перескочил через них, и уже дыхание состава шагнуло на него, но он был уже дальше – за рельсами. А с другой стороны были конвойные, отчаянно кричавшие что-то друг другу. Для них он был недосыгаем! В эти секунды он был недосыгаем! Состав преградил им путь к преследованию...

Кузьмин бежал и бежал, чувствуя полной грудью свежий вечерний воздух. Бежал и не оглядывался по сторонам по каким-то улочкам, и псы уличные, взявшиеся будто бы ниоткуда, провожали его добродушным лаем.

Ему удалось выбраться к окраине города, оставив далеко позади железнодорожные постройки, депо, сваленные в кучу старые шпалы. И в овраге, у маленького, грязного ручейка, он опустил руки в воду, чувствуя ее леденящее, охватывающее ладони дыхание, и сидел на корточках несколько секунд, привыкая к воле, потом холодными пальцами провел по разгоряченному лицу. Получилось! Ушел.

В его судьбе поворот случился как бы случайно. Позвонил он в тот роковой вечер своему знакомому. Учился в областном центре и только приехал из дома. Голос Петьки Иванова, пусть земля ему будет пухом, показался ему в те секунды незнакомым, и он еще подумал, что совсем его сотовый барахлит, но не придал этому значения и, когда Петька попросил его приехать к его дому, согласился. Наскоро перекусив в общепитии, поехал. А у дома Петьки его ждала засада. Оказалось, что в те секунды, когда он звонил Петьке, его уже не было в живых. Зарезали в собственном дворе, и разговаривал с Кузьминым оперативник, услышавший позывной сотового у найденного тела...

Кузьмина допрашивали с «пристрастием», алиби у него не было – ведь он только приехал из дома и никто не мог подтвердить, где он находился последние часы, а билет автобусный он выбросил.

Почему стали бить, он и сейчас не мог понять. Слишком страшны были воспоминания о первых днях, проведенных в КПЗ, когда допро-

сы шли за допросами. «Клеили» ему дело усердно, и, сломленный, через несколько дней он подписал признательные показания. Адвокат позже обещал помочь. Но, видимо, наговорил Кузьмин на себя уже достаточно, чтобы дело пошло «по накатанной». Страх перед болью настолько ошеломил Кузьмина, что, лишь пообвыкнув в следственном изоляторе, поговорив с сокамерниками, он начал что-то соображать, писать жалобы...

Мир, перевернувшийся в его сознании после ударов оперативников и следователя, только сейчас, через несколько месяцев, понемногу стал обретать реальные очертания. Он уже начинал понимать, что объективно он способен как-то защищать себя.

Будет ли суд справедливым, в этом уверенности у Кузьмина не было. В камере, в следственном изоляторе, он слышал разные истории. Может, поэтому и решил воспользоваться единственной возможностью как-то изменить свою судьбу, восстановить справедливость – бежать!

За городом, на широком, голом поле, продуваемом всеми ветрами, стояли стога сена. В одном из них и затаил беглец. Стараясь согреться, свернувшись калачиком.

В это время переполох с побегом на этапе Кузьмина сменился еще одной новостью. Сосед погибшего Иванова Петьки после длительного запоя пришел в отделение милиции и дал явку с повинной об убийстве. Оказалось, что был он должен Петьке какие-то деньги, а отдавать было нечем, и Петька страшно злился, а в тот раз ударил этого человека, а тот пырнул его в грудь ножом, который всегда носил с собой для устрашения и самообороны. Это сразу же сделало дело, по которому Кузьмина обвинили, «гнилым» – им заинтересовалась прокуратура, ведомственная служба собственной безопасности.

На третий день уставший Кузьмин вышел к дороге и остановил «дальнобойщика», который, увидев парня рано поутру, подумал, что это заблудившийся грибник, подбросил его до ближайшего поста ГАИ. В отделении милиции, куда Кузьмина привезли гаишники, с ним сразу же стали «работать» из прокуратуры.

Потом поместили в камеру. И он, сломленный усталостью, уснул. И снились ему пьяные оперативники, и плакал он во сне, потом снились крупные клопы, которых он видел в «отстойнике» – в следственном изоляторе, – и ползли они по стенам, на потолок, и оттуда падали на людей, лежащих на нарах. И Кузьмин их давил, и были они, раздавленные, красные, будто бы напившиеся человеческой крови.

Митяй

Аккуратно выкладывая из целлофанового пакета на кровать принесенную «передачку», Митяй, коротко стриженный, бледный от регулярного потребления «чифира», улыбался беззубым ртом. Тут тебе и сальце, и чаек, и конфетки. Прекрасно! Спасибо сестре да Витьке – ее мужу! Приехали на краткосрочное свидание, повидались с ним, да и передачу «закинули». Тут Митяй своими короткими, толстыми пальцами уцепился за плотную бумагу и вытащил из пакета – письмо. На конверте неровным крупным почерком материнской рукой был написан домашний адрес Митяя...

Митяй перевел дыхание. Дали ему два года строгого режима – такой был приговор. На воле жил он вдали от родных. И когда все случилось, попросил матери не сообщать. Сестра и сейчас передавала деньги матери, говоря, что прислал ей сын переводом. Мать болела, плохо было с ногами. И почти не выходила из дома. И, видимо, корила сына, что «забыл ее».

Митяй быстро положил письмо под подушку. Читать не стал. Боязнь, вина, что-то еще волновало зэка. Читать письмо матери не хотелось. Было просто жалко и ее, и себя.

В жилом помещении отряда было тихо. Зэки ушли на обед. Митяй добродушно еще раз улыбнулся, вспоминая что-то хорошее из детства. «Ничего, мама, я скоро приду!» – подумал так Митяй.

Потом вышел в локальный сектор. Тяжело перевел дыхание, стараясь унять нахлынувшую грусть, но почему-то даже радость от «передачки», от свидания с родными сейчас не могла заглушить эту усталость от неволи и еще вину перед самым родным ему человеком.

Обстоятельства

Поутру в одном из «тройников» на «крытой» прогуливался свежий ветерок. Лежащий неподвижно, как мумия, худой зэк, накрытый двумя фуфайками, дрожал, будто озноб его пробивал до корней волос. Лихорадочный блеск глаз, румянец неестественный на щеках – все говорило о том, что человеку плохо.

Открылась в «тройнике» «кормушка», и грубоватый женский голос произнес:

– Санчасть!

К двери торопливо подошел невысокого роста седой как лунь осужденный на тюремный режим.

– Надь, плохо тут у нас одному.

– Думаю, что не только одному, – съязвила рослая, стройная медсестра, недовольная ранним вызовом. – Ну, где он? Покажите.

Зэк суетливо отошел от «кормушки». Медсестра внимательно поглядела на неподвижно лежавшего на нарах человека и буркнула:

– Ладно. Что-нибудь придумаем.

Вскоре заболевшего «крытника» вынесли из «тройника» на носилках. Он бредил. Воспаленные губы шептали, будто заведенные, слова давно известной песенки:

– «Говорят, не повезет, если черный кот дорогу перейдет. А пока, наоборот...»

В больничной камере светло. Врач, худощавый, высокий, осмотрев больного, добродушно сказал:

– Астматик. И, видно, пневмонию еще схватил. Весна. Сырость, сквозняки. Надо пролечить антибиотиками.

На следующий день Витьке полегчало. Отошла сильная головная боль. И хотя толчками, как морская волна, она еще прилиwała к голове, но уже можно было ходить по камере. Покашливая, Витька даже пытался улыбаться, слушая разные истории, которые рассказывал беззубый рослый Кастет из своей жизни. На его худом, бледном лице то и дело появлялась зловещая ухмылка, когда он с удовольствием вспоминал о своих преступлениях.

К вечеру в «палате» все затихли. Витька угрюмо бурчал под нос свою любимую песенку: «Говорят, не повезет...» С улицы упорно по карнизу тюремного окна долбасила весенняя капель. Настойчиво каркали галки где-то в тюремном дворе. Неожиданно по «дороге», натянутой между камерами веревочке, пришла весточка. Кастет негромко сказал:

– Сейчас «груза» пойдут на «спец». Со следственного корпуса «грев». Будем принимать.

Он сам встал на нары, прислушиваясь, ожидая условленного сигнала – удара в стену камеры от соседей. «Дорога» регулярно уничтожалась сотрудниками тюрьмы. И тогда «крытники» с помощью длинных палок, неведомо каким путем появляющихся у зэков в камерах, проделывали следующую процедуру. Палка с привязанной на конце веревкой просовывалась в окно камеры. Соседи, с помощью зеркала видя палку, со своей стороны тоже высовывали длинную палку, но уже с крючком на конце и подцепляли веревку, что была на палке из соседней камеры. Зацепленная «крючком» веревка аккуратно подтягивалась к камере, а затем человек, сняв с крючка веревку, фиксировал «дорогу». В результате между окнами камер провисала веревка. В нужное

время натягивалась она в необходимом направлении, и из одной камеры в другую переправлялись «груза» – запаянные аккуратно в целлофан «подарочки»: чай, конфеты...

Таким образом практически постоянно поддерживалась связь между камерами.

...Витька и пожилой горбатенький зэк встали у двери. «Груза» пошли. Кастет с ловкостью принимал их. И тут распахнулась дверь камеры и ворвались сотрудники. От неожиданного удара дубинкой Витька отскочил как ошпаренный от входа в камеру и тут же, видя, как сотрудники пытаются сбить Кастета с нар, полез на нары, стараясь не допустить сотрудников до человека, держащего в руках веревку «дороги». Кастет громко что-то нечленораздельное проорал, давая сигнал «соседям», что в камере их неприятности, и в то же время торопливо отправлял принятый «грев» уже в другую камеру.

Наконец сотрудникам ловкими ударами дубинок удалось опрокинуть на нары Витьку. Рядом хрипел сваленный с ног Кастет. Все было закончено. «Дорога» уничтожена.

Наутро Витьку вывели из больничной камеры. Широкоплечий корпусной негромко спросил:

– Знаешь, за что в карцер?

– А то как же, не маленький, – полушутливо ответил Витька.

К его удивлению, сотрудник провел его в знакомый коридор – в корпус, где был его «тройник».

– Доктору спасибо скажи, – произнес сквозь зубы корпусной, открывая дверь «тройника».

Противостояние

Мир раскололся, это Серега Звягинцев понял сразу. Был он парень сообразительный и после колонии, женившись, начал работать на рынке. Продавать какие-то вещи, помогать жене. Потом дошло и до продуктов, а когда удалось наскрести Сереге и его родственникам на старенькую легковушку, стал он возить из соседней области, покупал прямо с завода майонез в маленьких баночках, в ту пору большой дефицит. А по зиме умудрился уже с двумя приятелями нанять грузовую машину и привозить куриные яйца в больших картонных упаковках.

Летели по зиме куриные яйца на рынке на ура. Женщины толпились возле прилавка Звягинцева, как люди около винно-водочного магазина при советской власти. Казалось, жизнь удалась!

Вот в это-то благодатное для Звягинцева время и возник на его пути бывший зэк Мопс. Внешне он явно соответствовал своей кличке: крепко сложенный, с квадратной нижней челюстью, говорящий как-то в нос, все время какой-то раздражительный. Сел он по глупости. Когда-то в компании таких же, как и он, лоботрясов спьяну пристал к девочкам. И одну из них затащил на заросший травой стадион и всячески пытался «уломать», но та оказалась с хитрецей и обманула его, когда у Мопса, пьяного и бездумного, все было уже «на мази», как ему казалось. Как-то вывернулась, и убежала, и написала заявление в милицию. Долго следователи примеривались к «деянию» Мопса, и раз нашлись и свидетели, увидевшие девочку, заплаканную, в разорванном платъице, то срок Мопсу подготовили за попытку изнасилования. Мопс, только недавно отслуживший в армии, попав в колонию, быстро привык к ее порядкам и даже – в силу физических данных – стал немного покрикивать на других зэков. Но статья его не позволяла быть в особом авторитете, хотя ему очень хотелось. По освобождении все оказалось проще. В городке, где он жил, появился новый преступный промысел – рэкет. Организован он был людьми, знающими не понаслышке, что такое зона. «Солдаты» этим людям были нужны. Одним из таких солдат стал Мопс. Серегу Звягинцева Мопс невзлюбил по одной простой причине. Тот находился в колонии, где отбывал наказание и Мопс, и знал, за что тот сидел, и с явным пренебрежением отзывался о потугах Мопса контролировать торговый люд.

В этот воскресный день Серега с двумя приятелями, как обычно, завез на рынок коробки с куриными яйцами и, когда приятели, не теряя времени, снова уехали за яйцами, начал торговать. Он уже приплачивал «рэкету». Вначале все было еще терпимо, понемногу. Но это не могло примирить его с Мопсом. Тот появился возле Сереги крепкий, наглый, посмотрел сверху вниз, буркнул:

– Яйцами торгуешь, Серега!

– Ага, – миролюбиво сказал тот, понимая, что уже заметно выпивший Мопс, раздухарившись на утреннем морозце, просто так не отстанет.

– Богатеешь, Серега! – с ненавистью произнес Мопс, будто бы Серега что-то отнял у него.

Зависть будто бы душила Мопса, своей силой она превосходила немалую его физическую силу. Мопс, выпучив глаза, вдруг взял новый тулуп Сереги, лежавший рядом с товаром на деревянном прилавке.

– Хорош тулупчик. Мне бы такой, – лукаво сказал Мопс.

– А может, тебе яиц дать! – вдруг взорвался, выплескивая свою ненависть, Звягинцев.

– Э! Чего орешь! – начал свирепеть Мопс. – Ты платить должен, торгаш...

– Так я же плачу, – вдруг миролюбиво сказал Серега, видя, что к Мопсу уже подтягиваются несколько приятелей.

– Что ты там платишь! – со слезой орал Мопс, распаясь. – Крохи!

Люди вокруг стали обращать на них, на Мопса и Звягинцева, внимание. Кто-то хотел купить куриные яйца. Ситуация накалялась.

Тогда Серега принял решение. Положил из ячейки в целлофановый пакет с десяток яиц и со всего маху этим пакетом ударил Мопса по лицу. Пакет лопнул. Желтая слизь потекла по черной мопсовой куртке с большим меховым воротником. Мопс охнул. Бросил тулуп на заплеванный снег и кинулся на врага.

Тут же из серого здания администрации рынка выскочили два юрких оперативника и вмиг очутились возле сцепившихся мужчин.

Мопса отвезли в отделение, а Серега продолжал торговать куриными яйцами. Через полчаса после того, как все произошло, невысокий оперативник снова подошел к Сереге:

– Надо будет заявление написать.

– На кого? – как будто не понимая, спросил торговец.

– На Мопса. За вымогательство мы его посадим надолго...

– У меня он ничего не вымогал, – твердо сказал Серега.

– Почему тогда скандалили? – нервно шурясь, спросил оперативник.

– Яйца не понравились.

– Ну, смотри, тебе жить! – зло сказал оперативник.

Серега промолчал, тоскливо поглядел куда-то вдаль.

К вечеру Мопса выпустили.

Свидетель

Руслана Санька увидел случайно в день свадьбы на улице. Санька с ним был в одной колонии. И пригласил на свадьбу свидетелем. Все было в тот день, как и положено.

Поглядывая на Руслана, постаревшего, добродушно произносящего тосты, Санька вспоминал его – там, в колонии...

Руслан создал семью. Приехала к нему, в комнату свиданий, девушка. И расписалась с ним.

Интересно это было. Девушка была дочерью начальника городского отделения милиции – в том городке, где вырос Санька и где посадили Руслана за «спекуляцию» яблоками. В годы советской власти была статья «спекуляция». Теперь, когда «предпринимательство» стало обыденной вещью, трудно представить, что именно за это сажали в тюрьму.

Руслан был веселым человеком. И за столом умел поддерживать хорошее настроение.

Санька глядел на него и думал, что время летит неумолимо. И что-то есть в людях такое, что помогает им выжить, выдюжить, победить жизненные невзгоды. И жить дальше...

Ему было хорошо. Он чувствовал, что мечты о собственной семье стали реальностью.

Он глядел на человека, поддерживавшего его не раз в колонии добрым советом, и думал, что Руслан – настоящий свидетель превращения Санькиных надежд в реальность...

Сон

Траншея в этом сне казалась такой глубокой, такой сырой, как длинная могила, и он, спотыкаясь, брел по ее земляному неровному дну, стараясь выбраться, а сверху шел свет, и солнце, огромное, далекое, манило к себе. Колесов проснулся. Тихо перевел дыхание, стараясь унять разбушевавшийся страх. Сон, пришедший к нему в эту зимнюю ночь, напомнил ему что-то жуткое, из детства, может быть, звезды. Тогда, в детстве, он боялся их. Когда мать вела его вечерами по городу (она брала его с собой к бабушке, жившей на окраине) и он брел, держа мать за руку, небо над головой, все в звездах, было таким пугающим.

Тогда, мальчишкой лет шести, он думал, что, когда его не будет, звезды будут все так же холодно сиять в этом небе. Он успокаивал себя тем, что он еще маленький и жить ему еще долго-долго. Сейчас в «жилом помещении» колонии в эту томительную ночь он вдруг очень ясно осознал, что жизнь его проходит здесь, в этом тусклом помещении отряда...

Наказание неволей давало ощущение чего-то порушенного, смятого, изгнанного из его жизни...

Он осторожно слез со второго яруса, со своей кровати. Надел штаны. И, всунув ноги в тапки, побрел в умывальник. Монотонно капала вода из плохо прикрытого крана. Ночной дневальный Степанов, невысокий мужчина, с выпученными от вынужденной бессонницы глазами, поглядел на него как на приведение.

– Что, не спится, Санек? – глухо как-то раздался его голос в этом помещении умывальника.

– Не спится что-то, – в тон ему ответил Колесов.

– А я вот тоже думаю... – радуясь неожиданному собеседнику, произнес ночной дневальный. – О воле...

Что-то созвучное своему состоянию вдруг почувствовал Колесов в этом человеке, с которым раньше почти не общался. И Санька внима-

тельно поглядел на него, будто бы стараясь разглядеть в этом худом лице, в этих покрасневших глазах ту же боль, что давила его в недавнем сне...

– Чифирнуть бы, – жалобно сказал Степанов. – А у меня даже «вторяка» нет. Эх, быстрее бы «ларек».

У Колесова был чай. Недавно пришла посылка из дома. Он молча сходил к своему «проходняку» и вернулся в умывальник с пачкой «индюшки» – индийского чая.

– Завари, – сказал негромко Степанову.

Тот бережно взял пачку индийского чая, отсыпал заварку в чифирбак, стоявший наготове на подоконнике, а после того как чифирбак закипел на электрической плитке, поднял его пару раз и, взволнованный этой картиной, взбухающим коричневым раствором – чай с пеной поднялся со дна чифирбака, – тихо сказал:

– Ну, вот и хорошо.

Они чифирили. По очереди отпивали по два глотка из кружки. Санька чувствовал, как энергия чая обрывает сновидения, страшные, томительные, еще бродящие в памяти. И чай, будоражащий, волнующий, давал силы жить дальше.

– Ну, вот и хорошо! – сказал Степанов.

Колесов не переспросил, что «хорошо». Он был весь погружен в это свое состояние, взбудораженное чифиром, в воспоминания о воле. Теперь они были радужные. То он думал о школе, то о друзьях из техникума, то вдруг подумал о какой-то далекой юной подружке...

Мир возвращался, его светлый мир, поддерживающий в трудные минуты. И ожидая подъем, Колесов и Степанов разговаривали о разных пустяках, о «ларьке», о том, что скоро Новый год.

На улице завывал ветер-непоседа. Там был холод. Там в небе были далекие холодные, не согревающие душу звезды. А здесь, в умывальнике, было человеческое общение, и именно оно, непритязательное, добродушное, давало силы, успокаивало, заставляло верить в завтрашний день.

Чудовище и красавица

Римма Петровна воспитывала сына одна. Она жила неподалеку от медицинского училища, которое когда-то сама закончила. Теперь в нем работала преподавателем. С Витькой Масоном познакомилась она на улице, что было для нее очень удивительно. В маленьком городке взрослые женщины не имели таких привычек, справедливо побаиваясь пере-

судов и сплетен – основной отрады женщин, скучающих и злых. Голубоглазый, высокий, только что отсидевший большой срок, Витька приглянулся ей, конечно, в первую очередь своей внешностью, суровостью, и в то же время в нем сквозила какая-то почти детская доверчивость. Он сел еще по малолетке и, выйдя, так и остался в глубине души подростком. Их отношения были поводом для пересудов какое-то время, но потом разговоры стихли. Тем временем Мэсон понемногу сошелся с такими же бывшими зэками. Шли девяностые годы. И этим людям судьба как бы дарила шанс вмиг наверстать упущенное за годы неволи, взять то, что плохо лежит. Почувствовать себя хозяевами жизни.

Римма Петровна Витьку старалась перевоспитать, в глубине души искренне веря в свой талант педагога. Ей нравилась его красивая улыбка, когда он слушал ее нравственные советы. Витька прошел страшную школу жизни, и эта красивая, статная женщина, волнующая его как мужчину, в минуты душещипательных, перевоспитывающих диалогов казалась ему восхитительной и родной. Но понемногу ему стали надоедать советы, от которых становилось просто нехорошо на душе. Он хотел радоваться жизни сейчас, а не двигаться к успеху долго и нудно.

Они стали ругаться. И в один из темных зимних вечеров Римма Петровна, не пустившая Витьку в свою квартиру, заметно выпившего, позвонила в милицию, когда он стал навязчиво стучаться, пугать соседей, а потом умудрился и разбить в злобе стекло на окне. Приехали милиционеры и, довольные, что бывший зэк Витька снова в их руках, отвезли его в отделение. Отношения его с Риммой Петровной не слишком волновали следователя-дознателя. Факт хулиганства был налицо. И быстро почувствовав, что дело уголовное для «галочки» возможно, шустрый следователь убедил Римму Петровну написать заявление. Она это сделала в «исправительных целях», надеясь, что последствия будут обычными: пятнадцать суток. Но то, что было обычным для простого гражданина, для Витьки с его биографией обернулось годом колонии строгого режима. И взволнованная таким страшным исходом этой в общем-то простой бытовой ссоры, на заседании суда потерпевшая старалась как-то выгородить преступника. Но закон есть закон. Витьку посадили.

Римма Петровна тяжело переживала этот случай. И хотя все ее знакомые в один голос говорили, что теперь она хотя бы избавилась от Витьки, она не успокаивалась. Они с Витькой стали переписываться. И Римма Петровна даже съездила к Витьке на краткосрочное свидание в колонию. Что-то тянуло этих двух людей друг к другу. По-прежнему Римма Петровна искренне хотела помочь Витьке. А он по-прежнему

радовался каждому ее письму. После освобождения некоторое время они встречались, но потом разгульная жизнь, уголовные знакомые Витьки снова встали на пути их счастья. Витька уехал в большой город в надежде сразу же достичь успеха и погиб...

Долго плакала Римма Петровна по вечерам, сидя на маленькой кухоньке в одиночестве. Понимала теперь она, что любила Витьку. Хотя и чувствовала, что любовь ее была какая-то «педагогическая», – в ней всегда жило это желание кого-то перевоспитывать на свой лад. И лишь однажды, думая о Витьке с привычной горечью, женщина поняла, что не смогла просто принять этого мужчину, своего Витьку, таким, каким он был. Она поняла трагичность чужой судьбы, и все ее рассуждения о правилах этой жизни сейчас ей самой казались просто глупыми.

Но было уже поздно.

Юрка

Юрка Шмаков не был никогда религиозным. И заповедь «не кради» не мог не нарушить, ибо воровал всю свою сознательную жизнь и за это несколько раз уже приговором народного суда отправлялся в колонию. Но сейчас, выйдя из комнаты свиданий, порадовавшись вынесенной «дачке», где был и чай, и сальце, пройдя в жилое помещение своего отряда, вытащив из нагрудного кармана картонный прямоугольник, на котором литографическим способом была изображена Богородица – образ был «Не рыдай меня Мате», – невольно перевел дыхание. Подумал о матери. Сейчас она уже идет по дороге от колонии к поселку.

Много раз она, этот родной ему человек, приезжала к нему в колонию. И раньше Юрка Шмаков воспринимал это как должное. Но после этого свидания что-то в нем перевернулось. Уж очень постарела мать! И ноги у нее болят – как она добирается-то до него?.. Тяжело.

И эта тяжесть, это горе, что несет он этой пожилой женщине, своей матери, высекло и в его душе искорку. Он присел на свою кровать и сидел как изваяние, а на тумбочке лежал образок Богородицы.

И Юрка Шмаков, недоверчиво как-то думая сейчас о своих переживаниях, ибо отвык он уже от сентиментальности, неумело перекрестился, наверное, искренне первый раз в жизни перекрестился, желая доброго пути матери.

– Пресвятая Богородица, дай ей хорошую дорогу, здоровья! – шептал Юрка Шмаков как заведенный толстыми губами, и голос его тихий в опустевшем на время обеда жилом помещении никому не был слышен.

Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации¹

По состоянию на 1 ноября 2009 г. в учреждениях УИС содержалось 875,8 тыс. человек, в том числе: в 755 исправительных колониях отбывало наказание 731,4 тыс. человек; в 225 следственных изоляторах и 164 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, содержалось 135,2 тыс. человек; в 7 тюрьмах отбывало наказание 2,9 тыс. человек; в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних 6,3 тыс. человек. В учреждениях содержится 70,4 тыс. женщин, при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 844 детей.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 131 больница различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят: 2450 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 549,9 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы; 205 федеральных государственных унитарных предприятия, 499 центров трудовой адаптации осужденных, 38 лечебно-, 40 учебно-производственных мастерских.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 315 вечерних общеобразовательных школ и 521 учебно-консультационных пунктов, 338 профессионально-технических училищ, действуют 510 храмов, 734 молитвенные комнаты.

Штатная численность уголовно-исполнительной системы, содержащейся за счет средств федерального бюджета, составляет 328 166 единиц, из них: 265 031 должность, подлежащая замещению лицами на-

чальствующего состава, 52 должности федеральной государственной службы и 63 083 должности гражданского персонала.

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 47 учреждений здравоохранения, в том числе 25 центров медицинской и социальной реабилитации, 13 больниц, 6 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют 8 учреждений высшего профессионального образования с 7 филиалами, в том числе Академия права и управления, 74 учебных центра и пункта, институт повышения квалификации, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий (с 3 филиалами).

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

старейшая
из ныне действующих
российская правозащитная организация

Адрес:

107045 Москва, Большой Головин пер., д. 22, стр. 1
(станция метро «Сухаревская»)

Телефоны (многоканальные)/факс:

(495) 607-60-69, 607-05-24, 607-07-69, 607-39-13,
607-16-32, 607-15-72

e-mail: mhg-main@online.ptt.ru

Сайт www.mhg.ru

Юрий Александров

Казнить нельзя помиловать: где поставит запятую Конституционный суд?

«Смертная казнь – есть один из самых ужасных видов убийства, потому что она есть холодное, расчетливое, сознательно принципиальное убийство, убийство без всякого аффекта, без всякой страсти, без всякой цели: убийство ради убийства».

С.Н. Булгаков, российский философ (1871–1944)

Верховный суд России обратился к своим коллегам-судьям из Конституционного суда с запросом, суть которого заключается в том, можно ли с 1 января 2010 года расстреливать преступников¹. Поскольку, по мнению Верховного суда, принятое ранее постановление КС «указывает на временный характер института смертной казни, предполагая полную его отмену, неясно, может ли назначаться наказание в виде смертной казни после более чем десятилетнего перерыва с учетом того, что РФ подписала Протокол № 6 к Европейской конвенции и до настоящего времени не выразила ясно своего намерения отказаться от участия в этом договоре».

Надо сказать, что вопрос, применять или не применять смертную казнь в России, всплывает с завидной постоянностью. То один политик, то другой, видимо, на потребу толпы, начинает рассуждать о том, что, дескать, без смертной казни – никуда! Вот и вице-спикер Госдумы госпожа Слиска, по сообщениям СМИ, недавно заявила, что она обеими руками «за» и даже пойдет в церковь и поставит свечку, чтобы смертную казнь в России начали вновь применять.

¹ Постановлением Конституционного суда от 19 ноября 2009 г. мораторий на смертную казнь продлен до ратификации протокола об ее отмене.

В свое время известный экс-депутат, а ныне представитель России при штаб-квартире НАТО, Дмитрий Rogozin также высказался за отмену моратория на смертную казнь, заявив, что «смертная казнь – это профилактическая мера», в частности против терроризма. В каком аспекте подействует на борьбу с терроризмом эта «профилактика», Rogozin, естественно, не уточнил. Вероятно, будучи умным человеком, он прекрасно понимает: никакая это не профилактика. Зато такое заявление звучит красиво и воинственно – и это главное. Да и многие другие, не менее уважаемые граждане России также приветствовали бы восстановление смертной казни.

Не останавливает сторонников смертной казни даже то, что против нее выступает бывший президент, а ныне премьер-министр В.В. Путин. Известно, что он неоднократно делал заявления о том, что он – противник этой меры. Так, еще в феврале 2002 года на расширенной коллегии Генпрокуратуры В.В. Путин заявил, что он не только не видит смысла в отмене моратория на смертную казнь, но и не видит смысла в ужесточении наказания вообще в условиях, когда правоохранительные органы не могут обеспечить неотвратимость наказания.

Несколько лет назад, беседуя в редакции газеты «Известия» с журналистами, В.В. Путин, отвечая на вопрос относительно смертной казни, заявил следующее: «Что касается смертной казни, то для меня, с одной стороны, это может быть подарком. В том смысле, что легко можно получить лишние очки. Это очень популярное решение, потому что подавляющее большинство людей у нас не являются специалистами в области криминологии, даже люди подготовленные, умные, добивающиеся больших результатов в своем деле. Почти любой глубокий специалист скажет, что это бессмысленное дело. Если мы ставим перед собой задачу не повышение рейтингов политического лица, которое пропагандирует эту тему, если мы ставим перед собой более серьезную задачу – борьбу с преступностью, то тогда мы должны будем согласиться с тем, что введение смертной казни эту проблему не решит. Победить преступность можно лишь напряженным трудом по сразу нескольким очень сложным направлениям государственной деятельности».

Несколько позже В.В. Путин, встречаясь с испанскими журналистами, подчеркнул, что его собственное отношение к смертной казни известно: «Любое наказание имеет несколько целей. Это исправление и кара. Никакого исправления при смертной казни нет, есть только кара. Непонятно даже, в отношении кого, потому что человек, которого государство физически ликвидирует, после этого ничего не чувствует». При этом, по мнению В.В. Путина, «общество это, конечно,

чувствует, потому что оно берет на себя право кого-то лишать жизни. И часто в судебной практике бывает, что по ошибке». «Это не единственный случай (применение смертной казни по ошибке. – *Авт.*) – не только в России, но и во многих других странах мира», – подчеркнул глава государства.

А заместитель министра юстиции, бывший директор ФСИН России Ю.И. Калинин по этому поводу говорил следующее: «Главный аргумент сторонников отмены моратория на смертную казнь – тяжелая криминогенная ситуация в стране. Но преступность растет во всем мире». По его словам, постановка вопроса о возобновлении смертной казни является ошибочной. Россия уже сделала выбор и вступила в ряды цивилизованных стран, где должны соблюдаться права человека. «Пожизненное заключение не менее суровое наказание, чем смертная казнь», – отметил экс-директор ФСИН России. И далее Ю.И. Калинин привел весьма любопытный факт: в США примерно 16 процентов осужденных приговорили к смертной казни в результате судебной ошибки. «Главное – не жестокость наказания, а принцип его неотвратимости», – подчеркнул бывший руководитель пенитенциарной системы России.

Напомним, что с 1996 года в России действует негласный мораторий на смертную казнь. Почему негласный? Да потому что никто официально такого моратория не вводил. В Указе первого Президента России Б.И. Ельцина, касающемся поэтапного сокращения применения смертной казни, на который обычно ссылаются, нет ни слова ни о каком моратории. Несколько позже Конституционным судом России было принято постановление о том, что смертная казнь не может применяться до тех пор, пока во всех субъектах РФ не будут созданы суды присяжных, так как вопрос о назначении наказания в виде смертной казни относится исключительно к компетенции именно судов присяжных.

Необходимо заметить, что если бы граждане, призывающие вернуться к применению смертной казни, уважали свою собственную Конституцию, то и разговор о возможности возобновления расстрелов они бы не вели, несмотря ни на какие трагические события и обстоятельства. Ведь часть 4 статьи 15 Конституции России устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Казалось бы, согласны мы или не согласны с тем, что смертная казнь должна быть отменена, вопрос этот не должен стоять вообще. Вступая в Совет

Европы, Россия дала обязательство о ратификации *в течение трех лет* Протокола № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающего полную отмену смертной казни. Несмотря на это, до сих пор данный шаг не последовал, хотя прошло уже времени значительно больше, чем отведенный для этого срок. Тем не менее этот Протокол считается находящимся в стадии ратификации. Да, кстати, и сама наша Конституция (ст. 20) говорит о том, что смертная казнь – явление временное и что она должна быть отменена. Именно на это указывает и судья Верховного суда РФ Владимир Давыдов в своем докладе, на основании которого и был направлен запрос в Конституционный суд. Он отметил также, что в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года, государство обязано воздерживаться от действий, запрещенных нормативными актами, находящимися на стадии ратификации.

Утверждение сторонников смертной казни о том, что эта мера действительно служит устрашением, и, соответственно, сдерживает преступников, неверно. К сожалению, человеку всегда было, есть и будет свойственно надеяться на то, что уж он-то окажется умнее других и его минует чаша сия. Хрестоматийный пример известен: во время казни карманников на Гревской площади в Париже (куда как показательно!) другие карманники в это время весьма удачно «бомбили» карманы любителей острых ощущений. Было ли им страшно? Наверное. Но этот страх не мешал им заниматься своим делом. И потому говорить о том, что смертная казнь вдруг возьмет да и предотвратит совершение противоправных действий, не совсем корректно. Сколько ни проводилось в различных странах исследований по вопросу, как влияет применение смертной казни на уровень преступности, ни одно не подтвердило, что наличие смертной казни этот самый уровень снижает. Действительно, тому же шахиду, обвязавшемуся поясом со взрывчаткой, смертная казнь не страшна – он сам желает умереть, ожидая, что после смерти его встретят десятки райских гурий.

Или такой вот факт: почему-то самый страшный в истории человечества теракт был произведен в США, где смертная казнь достаточно широко применяется, а вовсе не в Европе, где, хоть что соверши, к смерти не приговорят. Но почему-то смертники направили самолеты на башни-близнецы в Нью-Йорке, а не на какой-нибудь там Тауэр, Сикстинскую капеллу или Эйфелеву башню.

Статистика свидетельствует о том же, она говорит, например, что во многих странах, где смертная казнь не применяется, уровень преступности гораздо ниже, чем там, где она практикуется. Достаточно

просто сравнить уровень преступности в Западной Европе и в США. В США, несмотря на применение смертной казни, он гораздо выше, чем в Западной Европе, где ее нет. Да и в соседней с США Канаде, где смертная казнь давно уже отменена, уровень преступности также гораздо ниже. Одним словом, наличие в законодательстве нормы, предусматривающей смертную казнь, само по себе не способствует снижению уровня преступности.

Некоторые говорят, подумаешь, мол, расстреляли двух-трех невиновных, зато сколько действительно виновных было расстреляно! А кто, собственно, сказал, что их было два-три? Да, действительно, в России известно мало таких случаев: два человека погибли по делу Чикатило, да еще можно вспомнить «витебское» дело, где было расстреляно несколько человек, как впоследствии оказалось невиновных. Ну а сколько неизвестно? В тех же США недавно были обнародованы цифры: оказалось, что несколько сотен человек были казнены ошибочно! Хотелось бы спросить у сторонников применения смертной казни: а что, уже удалось изобрести «живую воду», побрызгав которой можно вернуть к жизни невинно расстрелянных, поджаренных на электрическом стуле или засунутых в газовую камеру?

А ведь Россию, чтобы там ни говорили, всегда отличали такие качества, как милосердие и сострадание. И смертная казнь, кстати, в России существовала не всегда.

Первую попытку отказаться от этого вида наказания сделала дочь одного из самых великих и вместе с тем самых кровожадных русских самодержцев – Петра I – императрица Елизавета, опубликовав 7 мая 1744 года сенатский указ, предписывающий прекратить на территории России экзекуции над приговоренными к смертной казни, заменив эту меру другими наказаниями. К сожалению, попытки Елизаветы избавить Россию от этого вида наказания не нашли поддержки в тогдашнем обществе (впрочем, идея отмены смертной казни никогда и в никаком обществе не находила поддержки). Противницей смертной казни была и императрица Екатерина II, хотя она и допускала ее применение, рассматривая ее как кару. При Екатерине смертная казнь применялась лишь дважды: был казнен поручик Мирович за попытку низложить Екатерину и был казнен Емельян Пугачев «со товарищи». Симптоматично, что попытки отменить смертную казнь в России осуществлялись именно при Елизавете и Екатерине II, видимо, женщинам все-таки более свойственно милосердие и сострадание. Очередная попытка отмены смертной казни была предпринята 19 июня 1906 года на заседании первой Государственной Думы при обсуждении проекта

закона об отмене смертной казни. Но принятый Государственной Думой закон не был утвержден Государственным Советом.

12 марта 1917 года Временное правительство своим постановлением полностью отменило применение смертной казни. Правда, уже через несколько месяцев она была восстановлена на фронте.

Советское государство в своей истории также знало периоды отмены смертной казни. Так, 26 октября 1917 года II съезд Советов отменил ее. Но с началом Гражданской войны она была восстановлена. После окончания Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года это наказание было отменено в мирное время, а преступления, за которые предусматривалась смертная казнь, наказывались лишением свободы сроком на 25 лет. Затем вскоре смертная казнь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам» допускалась в изъятие из предыдущего Указа. А с 1954 года смертная казнь допускалась в отношении осужденных за убийство при отягчающих обстоятельствах. А затем постепенно УК РСФСР и аналогичные кодексы союзных республик все пополнялись и пополнялись статьями, предусматривающими смертную казнь...

Применение смертной казни, как ни крути, есть не что иное, как варварство. Причем в самом неприкрытом виде. И не надо в этом случае кивать на США. К сожалению, даже в этой супердемократической стране общественное мнение за применение смертной казни, как, впрочем, и в Западной Европе. Но в том и состоит мудрость политиков, которые не всегда должны в своих суждениях опираться на общественное мнение, они должны быть более прогрессивны и не идти на поводу у избирателей. В конце концов, ведь принимаются многие законы и всякие там постановления, которые не нравятся избирателям (или избирателям нравится, когда повышают квартплату, различные пошлины или денежные оклады чиновникам?), но тут почему-то никто не ссылается на общественное мнение. А вот в случае смертной казни общественное мнение является их основным аргументом.

Вот что заявила по этому поводу Тамара Морщакова, бывший член Конституционного суда РФ: «Общество, говорят нам, не проголосует за отмену смертной казни. Верно. С этим никто уже давно не спорит и не только в нашем обществе. Российское общество абсолютно не отличается ни от каких других во всех странах мира, где смертная казнь отменена, не применяется или, напротив, применяется. Везде люди

голосуют за смертную казнь. Поэтому проведение референдума по такому рода вопросам не имеет никакого смысла. Но нужно понять, почему общество так голосует, и разбираться именно в причинах этого явления. Я не думаю, что людьми руководят только мстительные чувства. Позволю сказать, что они руководятся одним соображением – неудовлетворенностью тем, как государство борется с преступностью. Люди не могут найти тот путь, который обеспечил бы преодоление этого явления. Однако опыт давно показывает, что никакие смертные казни не помогают бороться с преступностью. Государство, сохраняя в своем законодательстве смертную казнь или даже идя на то, чтобы приводить приговоры смертные в исполнение, занимается обманом. Это такое поведение государства, которое позволяет ему показать неудовлетворенному обществу борьбу с преступностью. На самом деле такие меры не дают никогда эффекта в плане защиты людей от преступлений. Общество нуждается в защите от необоснованных казней. Общество нуждается в защите от насаждения жестоких нравов. Потому что мы потом живем среди людей, которые воспитаны в жестокости. И можем с разных сторон получить и по отношению к себе неадекватные, агрессивные, жестокие акции. Общество нуждается в том, чтобы совесть его освободилась от такой меры наказания, как смертная казнь».

Против смертной казни выступает и Русская Православная Церковь. «Конечно, лучше, чтобы смертной казни не было, – заявил глава синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин, – если общество достаточно сильно, чтобы обезопасить себя от преступности, злой воли, оно может проявить милосердие к преступникам и не лишать их жизни. Да, в Ветхом Завете даются прямые указания казнить определенных людей, в Новом Завете об отрицании смертной казни тоже ничего не говорится. Но христианское общество всегда нацелено на максимальное милосердие, на то, чтобы даже самый ужасный грешник имел время для покаяния». Сегодня у страны «достаточно внутренних сил для того, чтобы не практиковать смертную казнь», отметил протоиерей.

А вот что говорит по поводу смертной казни протоиерей Александр Новопашин, настоятель собора Александра Невского (Новосибирск): «Не мы жизнь давали – не нам ее отбирать. На мой взгляд, смертная казнь – облегченный вариант ускользнуть от наказания. За тяжкие преступления для садистов, террористов, убийц, как мне кажется, нужно давать несколько пожизненных сроков с гарантией, что изменившаяся ситуация в стране через несколько лет не станет причиной для их

освобождения. Я могу привести известный пример – главы сатанинской секты Чарльза Мэнсона, последователи которого зверски убили беременную жену режиссера Романа Полански и еще несколько человек. Мэнсон получил несколько пожизненных сроков и сидит уже сорок лет. Если бы ему было комфортно и легко, он не совершил бы несколько попыток самоубийства, после которых его возвращают назад. Пожизненное заключение никогда не будет для человека легким, но дает возможность некоторого искупления, переосмысления и покаяния».

Источники в кремлевской администрации также утверждают, что президент Дмитрий Медведев не намерен отменять действующее положение о неприменении смертной казни, а пресс-секретарь главы государства Наталья Тимакова официально заявила, что тема отмены моратория не рассматривается.

Одним из аргументов за применение смертной казни является тот, что, мол, она обходится государству и обществу гораздо дешевле, чем пожизненное заключение. Так ли это? В тех же США подсчитали, что каждый смертный приговор обходится казне в 30 миллионов долларов. В то же время даже пожизненное содержание преступника в тюрьме обходится налогоплательщикам лишь в 20 миллионов долларов за весь его срок пребывания в тюрьме. Может быть, именно поэтому за последнее десятилетие число выносимых ежегодно смертных приговоров в США сократилось почти втрое – с 300 до 115. Аналогичная тенденция наблюдается и в отношении самих казней.

В настоящий момент США тратят в год 137 миллионов долларов на содержание приговоренных к смерти и выполнение казни. Однако если отменить подобную «блажь», то даже пожизненное содержание тех же преступников обошлось бы всего лишь в 11,5 миллиона долларов в год, утверждает директор Информационного центра по смертной казни и руководителю проведенного социологического исследования Ричард Дитер.

Так, штат Нью-Йорк за 9 последних лет потратил 170 миллионов долларов на юридические процедуры, связанные со смертной казнью, после чего отказался от столь дорогого «удовольствия».

Постепенно тюрьмы переполняются смертниками, ожидающими приведения приговора в исполнение. Сейчас в камерах американских тюрем содержится более 3,3 тысячи приговоренных к смертельной инъекции и электрическому стулу.

Все эти немислимые расходы заставляют власти многих штатов отказываться от смертной казни или, по крайней мере, вводить мораторий на нее. Только в 2009 году с подобными инициативами выступили законодатели в 11 штатах.

И последнее. Хотят они того или не хотят, но и сторонники, и противники смертной казни, говоря о «полезности» или «неполезности» ее применения, в общем-то имеют в виду банальную месть преступнику. Только вот в чем состоит эта месть? И можно ли получить удовлетворение от такой мести? Определяя тот или иной вид наказания, подразумевается (какой уж тут секрет?), что наказанный будет терпеть либо нравственные, либо физические страдания. Причинение физических страданий в России запрещено (по крайней мере, считается незаконным). Сам же процесс убийства по приговору занимает несколько минут. Так что о физических страданиях приговоренного к смертной казни речи не идет – не успевает он помучиться (именно об этом и говорил В.В. Путин). Что касается нравственных страданий, то слишком мал тот срок, пусть он будет равен хоть пяти–десяти–двадцати и т.д. годам, (между вынесением приговора и его исполнением), чтобы человек мог в достаточной степени ощутить нравственные страдания и раскаяться. Так, в чем, собственно, состоит месть? Таким образом, даже с этой, низменной, точки зрения, применение смертной казни не дает ожидаемых результатов.

Ну и самое последнее. Выше уже говорилось, что ужесточение наказания вовсе не влияет на уровень преступности. В Китае за взятку всего в 5 тысяч долларов расстреливают принародно. Причем, расстреливают десятками человек. И что? Меньше берут? Отнюдь. Так что смертная казнь как метод устрашения не срабатывает. А раз не срабатывает – нужна ли она вообще?

Справка:

Наказание в виде смертной казни в России предусматривают 5 статей Уголовного кодекса: часть 2 статьи 105 – «Убийство»; статья 277 – «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»; статья 295 – «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»; статья 317 – «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»; статья 357 – «Геноцид».

Согласно статье 59 УК РФ: смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь; смертная казнь не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста; смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет.

«Красные» и «черные»

Август 2004 года. После нескольких пересылок меня и еще несколько человек везут почти с комфортом в автозаке к последней станции назначения – зоне строгого режима в поселке Уптар.

Выгрузились в «конверте» – отстойнике для въезжающих машин. Дежурный офицер нас посчитал, проверил данные – где родился, где крестился и на сколько лет. Потом гуськом, неся сумки с нехитрым зэковским скарбом, мы вышли в зону. Выйдя на тропу между локалками, я, словно споткнувшись, остановился с разинутым ртом.

Передо мной, по обе стороны тропы, стояли ровным строем зэки, а мы должны были идти сквозь этот строй. Все бы ничего, если бы не одна деталь, от которой я и впал в ступор: у всех, кто стоял в строю, на рукаве был четко виден ландух (повязка) с белыми буквами «СДП» (секция дисциплины и порядка).

Первая мысль: «Какая-то ошибка». По моим сведениям, лагерь «черный», а такого в черном лагере быть не может. Тут раздался окрик офицера:

– Чо встали, как бараны? Двигайте дальше и быстрее.

Я поборол свою нерешительность и сделал шаг. В спину мне воткнулся следом идущий паренек, которого подтолкнули сзади. Мы шли, а в спину нам неслись оскорбления:

– Черные есть? Дрочите жопы! Запасайтесь мылом! Вешайтесь, уроды!

Нас подвели к зданию, в котором предстояло пройти шмон. Одна стена коридора была без дверей, около нее стоял строй эсдэпэшников. Нас построили, подошел офицер (капитан), а с ним громадный зэк кавказской наружности. На левой руке у него тоже был ландух, но поменьше, чем у остальных, более аккуратный, с надписью «председатель СДП колонии».

Мне все стало ясно – «красная» зона.

А тем временем стоявший перед нами капитан начал свою торжественную речь:

– Граждане осужденные! Вы прибыли для отбывания наказания в колонию строгого режима АБ-261/4, находящуюся в поселке Уптар Магаданской области. Чтобы ни у кого не возникло вопросов, сразу говорю: зона наша – «красная». Сейчас вас обыщут, переоденут и отведут в карантинное помещение, где с вами будет проведена профилактическая работа. А сейчас по двое заходим в обыскную с вещами.

Пока шмонали да переодевали первых, ко мне подошел один из эсдэпэшников.

– Ты откуда?

– С Камчатки.

– Ого! Каким ветром?

– Попутным, – съязвил я.

А он, только уже фальцетом и громко:

– Ты чё, блатной?

– Поблатней тебя буду!

– Ну, сука!

Он даже задохнулся и побежал куда-то.

Подошла моя очередь идти на шмон. Я зашел в обыскную – большую комнату, с длинными столами в два ряда. Мне было видно, как тот, что только что разговаривал со мной, шептывает что-то чурбану (и капитан тоже наклонил к ним голову). Было ясно, что этот жук навозный говорил обо мне.

Прапор напротив меня промычал:

– Все из сумок на стол.

Тут вся троица направилась в нашу сторону. Подошли. Стоят, смотрят. Я начинаю распаковывать сумки: сигареты в блоках, пачки чая, консервы, пакет с лапшой, из другой – смена белья, пакет с гигиеной – бритва, мыло, зубная паста.

– Все выложил?

Прапор начал шмонать.

– А что это тебя с Камчатки сюда пригнали? – ехидным голосом, как бы между прочим спрашивает капитан.

А я возьми да ляпни в ответ:

– У вас что, все такие любопытные?

Рожа у капитана разом стала пунцовой, и он аж завизжал, обращаясь к прапору:

– Этого... этого... по полной программе... – И тут же в сторону чурбана: – Ибрагим, этого на особый контроль!

И, развернувшись на каблуках, вышел, хлопнув дверью. Следом утянулись его доверенные эсдэпэшники.

Прапор с особым рвением принялся выполнять приказ. Я вез с собой десять блоков сигарет, а этот урод вытряхнул их из пачек и стал методично ломать. Переломав все до одной, принялся за мыло. Достал из-за голенища сапога нож и стал крошить кусок за куском. Зубную пасту стал выдавливать из тюбиков в первый попавшийся пакет, а попался ему из-под хозяйственного мыла.

– Кто ж будет такой пастой зубы чистить?

– Ты и будешь! Пока зубы есть, – окрысился прапор.

Раскрошенное мыло, и туалетное, и хозяйственное, он ссыпал в один пакет.

– Стираться будешь! Ха-ха!

Было видно, что он сам собой очень доволен.

Потом всех переодели и повели в карантин, по дороге в который я ничего не успел разглядеть – я был как в тумане от злости на шмональчиков, но больше – на себя (кто, спрашивается, за язык тянул?).

Сам карантин – это своеобразный отстойник для вновь прибывших. Во всех лагерях, где пришлось побывать, есть такие карантин, но держат там везде по-разному: от недели до двух. За это время каждого осматривает врач, ведет работу психолог (это веяние последнего времени), кумовья пробивают, не привез ли чего запретного.

Нас ввели в большое помещение, две стены уставлены рундуками для сумок и вещей, несколько столов с электрочайниками и плитками, на подоконнике – небольшой аквариум с рыбками. Из этой комнаты – два выхода в спальные помещения.

Пацанята, что были со мной, оказались шустрыми: не успели мы войти, а один из них уже мастырил чифир.

– Молодец, парень! Чифир с дороги – первое дело!

Минут через десять чифир был готов, парняга разлил всем желающим, и мы с наслаждением поглощали этот душистый, обжигающий бальзам. Допив чифир, угостился у пацанов сигаретой. Ждал развязки. В том, что она скоро наступит, сомнений не было.

Через несколько минут нас всех собрали в спальном помещении. Само помещение было небольшое и уютное: вдоль стен – пять двухъярусных кроватей, в проходняках между ними – по две тумбочки, в торце комнаты стоял на резном столике телевизор, под ним несколько

полок с книгами и видеокассетами, рядом с телевизором – музыкальный центр и видеоманитофон.

Все пришедшие с главным эсдэпэшником Ибрагимом сидели на нижних шконках в первом проходняке, а мы вшестером стояли напротив – вдоль стены. Был еще седьмой, но он был обиженный и его уже определили в «гарем».

Какое-то время мы разглядывали друг друга – они сидя, мы стоя. Тишина стояла такая, что было слышно, как жужжат мухи на окне. Наконец один – тот, что сидел с краю, – спросил:

– Какой масти будете?

Никто не торопился с ответом. Каждый решал сейчас свою дальнейшую судьбу: жизнь здесь в лагере и после него.

Четверо объявились «черными». Я и тот шустрый парняга, что сгношил чифир, молчали. Все уставились на нас:

– Чего молчите?

– Кем будешь? – раздался окрик Ибрагима, обращенный ко мне.

Вероятно, он предвкушал, как сладко будет со мной отдельно работать по перекрашиванию. Все ждали, что я отвечу. Я не стал дальше накалять обстановку и сказал:

– «Красный»!

– Ты это только сейчас придумал? – спросил Ибрагим.

– Нет! Сидел на Камчатке, на Сахалине и везде был завхозом, – ответил я ровно и тихо.

– А что же ты на шмоне об этом не сказал? – не унимался Ибрагим.

– А меня разве об этом кто-то спрашивал?

– Ладно, разберемся... – Ибрагим почесал затылок и перевел взгляд на пацана, который до сих пор не определился: – А ты что притих?

– Я... это... на тюрьме баланду раздавал по прошлому сроку и освобожден с нее по УДО.

– Ясно с тобой, – резко сказал Ибрагим и продолжил: – Зона «красная», это вы уже поняли. А поэтому выход в лагерь либо через ландух, либо через метлу.

Ибрагим цепким взглядом вглядывался в лица тех четверых, которые назвались «черными».

– Если нет, тогда ШИЗО за отказ от общественных работ, статья 106 УПК РФ, которая гласит, что каждый обязан раз в неделю отработать бесплатно два часа на благоустройстве учреждения, в котором отбывается наказание. Все законно. Ну а коли вы «черные» – вам запаadlo метлу в руки брать и плац мести, а уж ландух надеть – тем более. Что

же, за убеждения пострадать – милости просим в ШИЗО... Вам час на размышление!

– Мне нечего размышлять, – взорвался один из четверки. – Метлу не возьму, ландух тем более не надену! Вызывай мусоров, пусть сажуют! Мне с вами, козлами, даже воздухом одним дышать – и то запахло!

– Ясно! – Ибрагим с жалостью посмотрел на него. – За козлов ответить придется!

Пять человек тут же подорвались со шконок и под руки вывели парня из спального помещения. Следом вышел и Ибрагим, а мы остались ждать, что будет дальше.

Минут через пятнадцать пришли два контролера, потом Ибрагим.

– Ну что, не передумали? – обратился он к трем оставшимся и посмотрел в ту сторону, куда увели первого парня.

Его как раз выводили из соседнего помещения, так как сам он на ногах не стоял – огребся по полной, хотя лицо было чистым (по лицу не бьют, зачем следы оставлять?).

Двое из троицы бросились на помощь. Оттолкнули тех, кто его держал, и сами взяли под руки своего товарища. А четвертый стоял, будто его заморозили, – наглядный пример того, что страх делает с человеком.

– Наш парень, – улыбаясь, похлопал его Ибрагим по плечу.

– А этих в ШИЗО! Бумаги потом составите за отказ... Ну, вы сами знаете, – говорил он контролерам, которые поспешили увести всех троих.

– Вот ваши шконки. – Ибрагим указал на три нижние. – Устраивайтесь. Потом познакомимся поближе и поговорим.

Он повернулся и пошел к выходу, за ним потянулись остальные.

Я прошел в первый проходняк, сел на шконку, с которой лучше виден телевизор, снял обувь и, не раздеваясь, завалился вверх одеяла, закинул руки за голову. Кто-то присел на мою шконку. Это был Шустрый (так я его для себя уже назвал).

– Я напротив устроился, ничего? – спросил он.

– Ты бы представился, что ли, – сказал я, не открывая глаз.

Он словно спохватился, привстал, неуверенно протянул руку.

– Димон. С Магадана.

– Альберт. С Камчатки, – ответил я и пожал ему руку.

Его худая ладошка оказалась сухой и теплой. На меня смотрели голубые чистые глаза.

– Я буду звать тебя Шустрый, ты не против?

– Вообще-то на первом сроке меня Малым дразнили, но это погоняло мне больше нравится. Я согласен.

– Вот и ладно! Тогда иди чай заваривай, будем новое погоняло обмывать. И еще: там у меня в сумке найдешь лапшу – завари. Тушенка там тоже есть. В общем, сделай, чтобы всем пожрать хватило.

Он убежал. Такого паренька надо при себе придержать. Вроде неглупый, неискушенный, лагерным дерьмом не провонявший. Слабохарактерный, исполнительный, шестерит без проблем – такие люди нужны, главное, с умом подойти... Ладно, пусть будет рядом...

И тут же объявляется Шустрый с кружкой свежего чифира.

– Все готово, – радостно пропел он. – Кукса запаривается, тушенку на сковородку кинул, две банки.

– Нормально! – похвалил я его. – Эй, парняга, – окликнул я сидевшего в трансе через шконку от нас свежеперекрашенного. – Кружку давай, чифирнешь – и мир проще покажется, а жизнь веселей. Пей чифир. Нормально все будет. Того, что случилось, уже не изменишь. Теперь надо думать, как жить дальше, в новой шкуре, – подсыпал я ему соли на рану.

Он со вздохом сделал глоток и сморщился – крепок чифирек оказался. Сделал второй глоток и сказал:

– Меня Серегой зовут. Сижу первый раз. Срок – восемь лет. За разбой. Погремухи нет...

Мы не стали его больше тревожить – пусть отходит сам.

Локалка с лязгом открылась, и в карантин зашел Ибрагим, а с ним контролер:

– Выходи строиться на проверку!

Во дворике собрались все жители карантина. Отдельно стояли обиженные.

– Построились!

Прапор читал карточки, а мы, услышав свою фамилию, называли имя-отчество, статью, срок.

Просчет закончился. Я присел на лавочку и закурил. Подсел Ибрагим:

– Поговорим?

– Давай.

– Я вижу, ты мужик грамотный, посидел по разным управам и лагерям, многое повидал, ситуацию сечешь... Ты это, сильно не гони за случившееся на шмоне. Сигареты мы тебе вернем. Поможем. Сам пойми – непонятка вышла. Мы тебя за блатного приняли и решили показать, чья здесь власть. А капитан этот – большой человек здесь. Заместитель начальника колонии. Без него здесь ничего не решается, его

слово – закон. Курирует СДП. В общем, наш папа. Зовут его Сергей Дмитриевич Феденков. Карьеру сделал в несколько лет. Года три назад был еще лейтенантом, связистом. В зоне бардак был: пьянки и все вытекающие последствия. Его тогда не видно и не слышно было, а как лагерь перекрашивать стали – тут он вылез. На ниве СДП... В общем, думаю, ты все понял. Такие, как ты, нам нужны. Лагерь хоть и наш, да все равно на бараках бардак. Путевых, знающих свое дело завхозов мало. Да и не каждый пойдет на эту должность...

Ибрагим посмотрел на меня. Глядя ему в глаза, я спросил:

– Сколько нас здесь продержат?

– Дней десять. А что, в лагерь торопишься?

– Нет, не тороплюсь. Определяюсь во времени.

– Это понятно... Впереди выходные, два дня балдейте. Никуда дергать не будут. Только про проверку не забывайте и в помещении поменьше курите – серьезное нарушение. Получишь – снимать устанешь. Тут хоть и слышно, как локалка открывается, да порой не уследишь. Слушайте музыку, телик смотрите, после отбоя «атас» выставляйте: спалют, что телик смотрели, телик могут забрать, догоняй потом. На «атас» – обиженные есть. Закурить-заварить не забывайте им давать. Я их здесь для этого и держу. Будут вопросы, проблемы – телефон есть. Звони на вахту и скажи, чтоб меня позвали. Зачем – объяснять им ни к чему. Я приду, все порешаем. Ну ладно, думаю, все ясно.

Я кивнул. Ибрагим встал и протянул мне руку. Я пожал ее, и он пошел к выходу. Сам своим ключом открыл локалку и закрыл с той стороны.

Если у него свои ключи, значит, у него зеленая по передвижению и, значит, мусора ему доверяют.

Подкатил Шустрый:

– Пойдем поедим, а? Я по новой все разогрел, а то с голоду можно опухнуть со всеми этими заморочками.

– Молодец, Шустрый, я в тебе не ошибся.

Мы вошли в комнату, где на столе стояла сковорода, от которой шел теплый аромат.

– Неплохо! Позови Серегу и садитесь тоже. Давайте поедим, а потом посмотрим телик. Интересно, что у них тут в Магадане творится...

В считанные минуты все было съедено. Я включил телик, а пацаны убрали со стола. Пощелкав каналы, я остановился на местной программе. Шли новости, и симпатичная дикторша рассказывала о каком-то празднике местных аборигенов «орачей». Слушая вполуха, я почувствовал, что сейчас усну, и позвал Шустрого:

– Слушай и запоминай. Если будете смотреть телик после десяти, обязательно поставьте на «атас» пидора. Насыпь ему чая и дай сигарет. Я отрубаясь, а ты смотри, чтоб все красиво было.

Так прошел мой первый день в «красной» зоне строго режима в поселке Уптар.

– Альберт! Вставай, вставай! Ну, просыпайся же ты! – тряс меня за плечо Сергей. – Проснулся наконец! Вставай!

– Зачем?

– На завтрак идти, в столовую!

Я ополоснул лицо и вышел на улицу. Там все уже были в сборе. Было семь утра, на дворе свежо, хотя стояла всего середина августа. Колыма!

В столовой в нос ударил запах свежего хлеба, хлорки и еще чего-то кислого. По-моему, этот запах во всех лагерных пищеблоках одинаковый.

– Сначала хлеб, потом баланда, – неопределенно махнул рукой сопровождавший нас прапор.

За стойкой получили по куску мандрухи (хлеба), в окне раздачи – баланду. Давали вполне приличную молочную кашу. Нормально, жить можно...

После завтрака в карантине нас ждал Ибрагим и какой-то незнакомый парень.

– Знакомься, это Колючий, старшина седьмого барака. Пойдешь к нему в помощь, а там посмотрим.

Я протянул руку:

– Альберт. А имя у тебя, Колючий, есть?

– Сергей, – ответил тот.

Рука у него была жесткой и мозолистой. По нему, высокому, плотного сложения, видно было, что он – бывший спортсмен.

– Если будешь идти в ногу, на пятки не наступать, воду не мутить, чтоб пораньше на место теплое устроиться, – тогда сработаемся.

Голос у него был таким же жестким, как и рука.

– О'кей, сработаемся! И коль вы уже за меня решили, на какой барак мне идти, значит, и за него решите, – показал я пальцем на Шустрого. – Его – со мной.

Ибрагим улыбнулся:

– Решим и это. Смотри, не подведи меня. Я за тебя мазу перед Дмитричем потянул. Больно ты его разозлил. Едва удалось внушить, что ошибка вышла, непонятка. Поработаешь пока с Колючим, посмотрим

на тебя. А там и сам барак возьмешь... если потянешь. Да, и вот еще. – Он протянул мне пакет. – Тут по мелочи – насущка. Кончится, шумни, еще загоним – не бедствуем.

Я взял пакет и передал его Шустрому:

– На, разберись.

Он без слов взял пакет и вышел.

– Ясно, что за него хлопочешь. Шустро ты себе людей подбираешь, – похвалил Ибрагим. – Ладно, не скучай тут. Позже еще загляну. Ну, пошли, что ли, Колючий.

Выходные тянулись нудно и тускло. В воскресенье было очень жарко, и я немного позагорал на скамейке. Но здесь и в солнечный жаркий день, когда температура зашкаливает за 30 градусов, стоит только облачку закрыть солнце – моментально наступает жуткий холод. Колыма – вечная мерзлота...

В понедельник, после утренней проверки, началась кутерьма. Сначала нас повели в санчасть. Осмотрели, обмерили, что-то прослушали, записали и отпустили. Из санчасти повели в штаб на беседу с психологом: куча глупых вопросов, какие-то картинки, тесты и т. п. А потом нас всех сфотографировали и отвели обратно в карантин.

А вот вечер после проверки выдался веселым. Сначала пришли Ибрагим с Колючим. Шустрый мигом собрал чайку, и мы провели час за беседой.

Ибрагим вкратце рассказал о лагере, а Колючий – в общих чертах – о своем бараке, куда мне предстояло попасть после распределения. В конце недели нас должны были выпустить в зону.

Подшли еще двое. Ибрагим познакомил нас. Партизан Вовка, старшина пятого отряда, и Удав, старшина второго. Глянул я на этого Удава и сразу признал в нем того, кто перед шмоном задавал мне вопросы, а потом сдал меня Ибрагиму с Дмитричем. Внешность у него была отталкивающая – длинное лицо, чем-то похожее на селедку, блеклые, чуть навывкате глаза.

– А, любитель постучать, – не стесняясь, сказал я. – А за суку еще ответишь.

– Да я не думал, – зачастил он, – не думал, что ты нашим окажешься.

– А какая разница? Людей располагать к себе нужно, а не сучить с порога кого ни попадя.

– Ладно, мужики, не собачьтесь. Мы сюда не затем пришли, чтобы обсуждать вчерашнее да забытое. Мы пришли поговорить с Альбертом, узнать, не причисывает ли он нам уши...

– Ну наконец-то, а то я впрямь было подумал, что на лохов нарвался. А раз проверку закатили, то все нормально, уважаю.

Дело в том, что в старшинской работе есть масса нюансов, которых, если ты завхозом не был, ты знать никак не можешь. Так что учесть очень просто.

Начались вопросы-ответы. Из всего разговора я понял, что один Колючий и есть настоящий завхоз, который знает все тонкости этого ремесла. Партизан – так себе, а вот Удав... Это кому ж в голову пришло такого завхозом поставить?

С Колючим мы сразу поняли друг друга и просто потешались над Удавом. Тот краснел, много курил и заикался от волнения. Хотели устроить экзамен мне, а вышло – Удаву. Все остались довольны. Перед уходом подошел Удав и, протянув руку, сказал:

– Ты извини, некрасиво получилось.

– Ладно, не парься. Все нормально.

– Вижу, конфликт улажен, – сказал подошедший Ибрагим. Он махнул рукой, подзывая Колючего с Партизаном. – Пошли, что ли?

Неделя оказалась хлопотной: получали постельные принадлежности, робу, подгоняли ее по себе, подписывали и подшивали бирки. Каждый день водили в штаб на различные собеседования. Потом меня вызвал к себе Дмитрич. Зайдя, я представился, как положено, и застыл в ожидании.

– Расслабься, «блатной». Проходи и садись, – и указал на стул, представленный к столу. Я сел и уставился на начальника.

– Листал я твое дело, – начал он, – уголовник ты со стажем, многое повидал и знаешь. Люди с опытом нашей работы всегда нужны, работы хватает. На некоторых отрядах – полный бардак, поэтому присматривайся, поскорее вживайся, а там – посмотрим. Получишь отряд – работай. Справишься?

Я кивнул.

– Просьбы, жалобы есть?

– Сейчас нет, – сказал я. – Если только потом, в процессе работы...

– Ну, тогда иди готовься. Завтра распределение и на отряд...

В коридоре меня ждал Ибрагим.

– Ну как? – спросил он.

– Нормально. Обещал отряд дать. Не сразу, конечно, но обещал.

– Ну слава Богу! Я-то я боялся, что ты с ним опять рогами зацепишься... Завтра распределение. Потом сразу на бараки пойдете. Вы

с Шустрым – на седьмой, а ты, – указал он на Серегу, – на первый. Первый – это отряд Дмитрича, лучший, показательный. Там все бытовые условия на уровне и, соответственно, с режимом все строго... Ну, я пошел. До завтра, значит...

– Ни фиги себе! Вот оно, попадалово! Серега, ты чё, на этот козлятник пойдешь? – засуетился Шустрый.

– А куда деваться? Назвался груздем, полезай... Я для себя все решил: буду жить по режиму, высываться не буду, глядишь, и до УДО дотяну как-нибудь...

– Шустрый, ты не туда ноздри суешь. Сообрази-ка лучше пожрать да будем телик смотреть. Последний вечер отдыхаем. Завтра наступит другая жизнь...

На следующий день после обеда нас повели в штаб на распределение.

Зачем эта формальность, если давно решено, кого куда? За длинным столом сидит практически вся администрация – от начальников всех отделов до отрядников, санчасть, бухгалтерия, спецотдел. Тебя разглядывают, оценивают. Как и было заранее решено, меня и Шустрого распределили на седьмой отряд, а Серегу – на первый.

Вернувшись в карантин, застали там ожидавших нас Ибрагима, Колючего и Мотю, старшину первого барака. Мы наскоро свернули «рулеты» и, взяв свои сумки, отправились по баракам.

День выдался солнечный, и практически все обитатели барачных локалок: всем хотелось посмотреть на вновь прибывших.

Седьмой отряд оказался на втором этаже. Расположение отрядов в принципе везде одинаково: несколько спальных помещений, комната ПВР, туалет, умывальник, каптерка, кабинет начальника отряда.

За Колючим мы прошли в первую секцию, из всех проходняков на нас смотрели те, с кем нам теперь предстояло жить под одной крышей. Наши места оказались почти в конце секции: вторая от стены двухъярусная шконка.

– Вот здесь теперь жить будете. Ты, Альберт, на низ, а друган твой помоложе, пускай на «лиану» лезет. Бирки на шконки и на тумбочки позже принесу. Располагайтесь. А потом ко мне в каптерку зайдите, нужно ваши данные в амбарную книгу занести, с порядком ознакомить, за жит-быт на бараке расскажу, кто есть кто... Жду.

Колючий ушел, а к нам тут же потянулись местные аборигены, стали знакомиться. Кто-то принес целый литр чифиру, кто-то – конфет.

Заправив свою постель, вышел из проходняка, давая возможность заправиться Шустрому. Подошел дедок, протянул руку:

– Саня. Хапуга.

Я тоже протянул руку, назвался. Глаза у него, несмотря на возраст, были очень живые.

– Добро пожаловать в пионерлагерь «Звездочка», – своеобразно приветствовал он нас.

– Интересно тебя дразнят – Хапуга. Прикольно...

– Дела давно минувших дней, но если будет интерес – как-нибудь под чифирек с грохотулькой расскажу. А ты, я слышал, аж с Камчатки?

– Да, оттуда. Никогда не думал, что на Колыме побывать придется, хотя очень много слышал за ваши лагеря.

– Да какие лагеря! – перебил Хапуга. – Это раньше были лагеря. А сейчас всего-то осталось этот да еще общий режим в поселке Талая. Все остальные разогнали. Вот лагеря были: чаю с куревом – валом, водки – хоть залейся. А что сейчас? Пионерлагеря!..

Мы чифирили и беседовали про лагерь.

– Че вы тут расселись? Там вас Колючий уже устал ждать, – наехал на нас шилом бритый мужичок.

– Ты хавальник-то свой закрой! Не видишь – люди разговаривают, – выписал тому стон в гору Хапуга. – Этот шныреныш и вашим, и нашим готов служить. Сейчас у Колючего подвизается – типа дневной дневальный. Дразнят его Кочаном. За чифир на все готов, кого угодно продаст...

– Ладно! От души – за чай, за встречу... Пойдем мы, – поблагодарил я и поднялся. – Веди, Кочан.

– Вы чего так долго? – встретил нас Колючий.

– Да парни в секции чифирили – проставились. Пока познакомились, поговорили, время и пролетело...

– Понятно. Вот вам бирки на шконки и на тумбочки – приклеите. Тут с этим строго.

– А с чем тут не строго?

– Да, пожалуй, расслабона нет ни в чем, менты цепляют за все: курение, не встал по подъему, не вышел в столовую... Да что тебе объяснять? Пока тебя не знают – лишний раз не нарываешься, а там время покажет. Нас пока не кантуют, но и мы повода стараемся не давать. Давайте я ваши данные в амбарную книгу занесу...

Потом Колючий ознакомил нас с распорядком и вновь предупредил, что выход в столовую обязателен, так как на входе делают просчет.

– Раньше проще было – хочешь иди, хочешь не иди. Сейчас обязателька. В секции, где вы будете жить, одни «красные». Во второй есть «черные», но они все спят по верхам – распоряжение самого Дмитрия. Он следит за этим строго, многих в ШИЗО за это упрятали, кто не хотел с этим смириться. От «черных» за бараком смотрит Гаврила, мужик понимающий. У нас с ними вроде как перемирие: мы их не трогаем – они сидят тихо. Ты в черном лагере сидел? Так вот, здесь все наоборот. Здесь наша масть правит бал. У них, конечно, и общак есть, небольшой, и они держат дорогу в ЗУР (зона усиленного режима – отдельный штрафной барак). Греют своих, под крышу в ШИЗО грёв гоняют. Мы в этом плане им не мешаем: сам понимаешь, грёв – святое. Ну и так, по мелочам, среди своих порядок поддерживают, чтобы свары ненужной не было. «Атас» они ставят – выгодно всем. На «атас» собирается раз в месяц, с магазина – по пачке сигарет, по заварке чая. Плюс – за уборку территории. А кто не хочет платить, телик после отбоя не смотрят и метлой сами машут – все просто и по совести. Мне Ибрагим наказал тебя повсюду с собой водить, чтобы скорее в курс вошел. Он хочет тебя баракком озадачить. Потянешь?

– А кто за лагерем смотрит? – вставил я вместо ответа.

– За зоной смотрит Саня Лысый. Сейчас он на больничке и в зоне практически не появляется.

Дверь в каптерку открылась, и вошел здоровый мужик в хорошем спортивном костюме, кроссовках, с сигаретой в зубах. На вид ему было лет сорок – гладко выбритый череп, умное волевое лицо, на подбородке – шрам.

– Ого! Сам Гаврила к нам заглянул. Проходи, присаживайся, – пригласил Колючий вошедшего. – Знакомьтесь, это смотрящий за наш барак, Гаврила. А эти двое только с карантина вышли, Альберт и Димон, – представил нас Колючий.

– Здорово были, – поприветствовал нас Гаврила, но руки не подал.

Мы в ответ:

– Здорово!

Прищурившись, Гаврила молча рассматривал нас. Молчание затянулось, и мне стало как-то неуютно под этим цепким взглядом.

– Кто такие? Откуда будете? Статьи? – перешел он к вопросам.

Я не торопился отвечать и толкнул локтем в бок Шустрого, давая понять, чтобы говорил первым.

– Я – Димка. Погоняло – Шустрый. Сам с Магадана.

– Откуда? – последовал вопрос.

– Жил на набережной реки Магаданки, в восьмом доме, недалеко от центра.

– Я знаю город, – оборвал его Гаврила. – По какой статье заехал? Где раньше сидел?

– Сейчас – по 161-й (грабеж). Срок четыре года. А первый раз сидел на тюрьме по 158-й (кража). Два года был в хозбанде, оттуда освободился по УДО, – прямо по-армейски отвечал Шустрый.

– С тобой ясно, – сказал Гаврила и перевел взгляд на меня.

– Я с Камчатки. Шел на Ванино, но в Хабаровске на центральном режиме поломали, и, чтобы не ждать этап на Камчатку, а он ходит один раз в год, меня завернули сюда. Сажу по 158-й, срок – пятилетка. Сидел пару раз на Камчатке, на строгом. Был на Сахалине по малолетке. Все срока был завхозом отряда и раз – завхозом зоны.

– Да ты уже матерый... А лагеря у вас какие – «красные» или «черные»?

– У нас три лагеря: малолетка вместе с бабами, один – строгий, один – общий. Лагеря считаются «черными», хотя на общаке уже стали вводить СДП, – ответил я, а про себя подумал: странно, он подобные вещи должен знать, у «черных» связь поставлена... значит, проверяют... ну и пусть, мне переживать не за что... пусть сами переживают – власть потеряли, под «красных» строятся.

– Ну что же, – сказал Гаврила, – посмотрим на тебя.

– И чего высматривать будете? – спросил я.

– О, да ты с гоном!

– Да я с кем ни говорю, все смотреть чего-то хотят. Достало уже.

– Ну а ты как хотел? Конечно, надо посмотреть, что ты за человек, на что способен, чего ждать от тебя... Правильно говорю, Колючий?

– Да, безусловно, посмотреть надо, – отозвался тот.

– Ну что ж, смотрите, – пробурчал я и сделал вид, что собираюсь идти.

– Стой! Куда собрался? У Гаврилы наверняка еще вопросы есть к тебе, да и я хотел с тобой поговорить, – остановил меня Колючий.

– Нет, вопросов у меня больше не будет, – сказал Гаврила и вышел.

– Ну ты даешь! С ним даже равные так не разговаривают. Это ж прямой вызов его авторитету. Хотя... мужик он справедливый. К нему даже «красные» ходят за советом, разобрать рамс какой-нибудь. Смотри, с огнем играешь, – говорил Колючий. – Хоть лагерь и наш, но их тоже со счетов сбрасывать не следует. Почти половина «красных» перекрашена силком, и если что – опять станут на их сторону. У них агитация на уровне, что ни месяц, кто-нибудь скидывает ландух. И каж-

дый скинутый ландух – минус нам, а им – плюс. Мы, конечно, принимаем меры: через пару-тройку дней этот герой летит в космос... для начала суток на 45 в ШИЗО, потом в ЗУР, а там условия – врагу не пожелаешь. Многих такая перспектива пугает, и они пляшут под нашу дудку. Но и «черные» не дремлют... Все. Время на ужин собираться. Одевайтесь и выходите в локалку, – засуетился Колючий.

– Это куда ж мы попали? В какое болото нас занесло? – сказал Шустрый, когда мы, выйдя из каптерки, шли в секцию.

– Не ссы, прорвемся. Рядом держись, и все будет как надо.

Не успели мы дойти до своего места, чтобы надеть лепни и взять посуду, как раздался оглушительный звон. Я аж замер. Но больше звон не повторился, а зычный голос произнес: «Выходи строиться на ужин!»

Не мешкая, мы пошли на выход из локалки, где уже толпился народ. В стороне стояла и ждала своей очереди группа обиженных. Я остановился и стал их разглядывать, стараясь сразу всех запомнить, чтобы потом не попасть в какую-нибудь непонятку. Это увидел Шустрый и тоже тормознул.

– Ты чё, Альберт, встал? Пошли уже. Чё ты этих пидорасов рассматриваешь?

– Да хочу запомнить их на будущее. Вот прикинь: сколько времени пройдет, пока ты их всех узнаешь?

– Да на фига они мне нужны?

– А вот выйдешь ты завтра из секции да прикурить попросишь у одного из этих. Он ведь пидор, ему безразлично, как на тебе это отразится. Какой с него спрос? Ты ведь сам у него попросил. И ехать тебе в гарем после этого, там шустрить... задом.

Шустрый посерьезнел и тоже стал внимательно вглядываться в лица петухов. При этом он смешно морщил нос, будто чувствовал вонь, от них исходящую.

– Ладно, пошли, – потянул я его. – Их все равно с одного раза не запомнишь.

Когда весь барак построился, раздалась команда Колючего: «Пошли!» – и весь отряд нестройно поплелся к столовой. У дверей отряд остановился, и Колючий вошел один. Через минуту вышел с дежурным контролером – тот вел подсчет, сверяя количество людей с цифрами на доске, которую держал в руках.

– Первая! – скомандовал Колючий, и первая пятерка по одному стала заходить в столовую.

В столовой во все время ужина – невероятный гам и звон посуды. Когда все поели, Колючий снова скомандовал:

– Выходи строиться!

Строем по пятеркам дошли до локалки. Стоило первой пятерке дойти до локалки, как весь отряд ломанулся к двери в барак. Я подошел к Колючему, который со стороны наблюдал эту сцену – протискивание народа через узкую дверь.

– Вот быдло! Никак не приучу их нормально заходить. Я даже просил дежурного сопровождать их до барака – без толку. Только доходят до барака – как с цепи срываются. И куда торопятся? Заходят нормально, только когда Дмитрич на аллее стоит – бояться его. Ладно, пошли, через полчаса вечерняя проверка...

После вечерней проверки к нам в проходняк потянулся народ – знакомиться, узнать про лагерь на Камчатке... Эки – народ любопытный. Чифиру выпили целое ведро. Несколько раз прибежал шнырь от Колючего, но уходил один: я не мог – из уважения – оставить гостей.

Незаметно подкрался отбой. Снова этот душераздирающий звон – и свет погас. Я долго лежал и проживал заново весь этот долгий день...

Выходные прошли, как всегда, – разговоры, нарды, карты и т.п. А с понедельника началась рабочая круговерть. Колючий повсюду таскал меня за собой – знакомиться с лагерем, с его подводными течениями. Ходили на собрание СДП, слушали отчеты о проделанной работе. Вся краснота собиралась в комнате ПВР первого отряда. На одно из таких собраний зашел Дмитрич. Народ сразу напрягся.

– Ну, братцы, – взял слово Ибрагим, – СДП в лагере работает плохо. Нарушений масса, а ведь наша прямая работа – пресекать их. В отрядах курят, днем спят, в карты шпилят... Дошло до того, что во втором отряде, – глянул он на Удава, – черные затащили в «курочку» эсдэпэшника и нагрели его на десять блоков сигарет. Это что? Это – прямой плевок нам в лицо. С любителем потянуть удачу за бороду мы уже разобрались – сидит в ШИЗО. Выйдет – посмотрим. А ты, Удав, куда смотрел? Это уже не первый случай, когда наших затащивают в игру. Еще раз такое повторится – вылетишь с барака и пойдешь в патруль по зоне. Ясно?

Удав, весь пунцовый, попытался оправдаться, но ему не дали: заткнись, мол, сиди и слушай.

– Со всеми этими нарушениями можно справиться, – продолжал Ибрагим. – В каждом отряде достаточно членов СДП, им нужно серьезно относиться к своим обязанностям. Увидел, что курят в секции, – подойди

и укажи им на это нарушение. – При этом Ибрагим выразительно глянул на Дмитрича, и тот утвердительно кивнул. – Вот, значит, указал им на нарушение и тут же к старшине, писать докладную записку: осужденный такой-то допустил такое-то нарушение режима содержания, на замечания не реагирует, продолжает нарушать... И все. Коротко и ясно. По этим докладным будут приниматься меры: если первый раз – выговор, особо отличившихся – в ШИЗО. Чем больше докладных, тем лучше поставлена работа СДП на отряде. И это – большой плюс старшине.

«Да, – подумал я. – Это уже не игрушки. Писать зэку на зэка – так можно и заточку под ребро получить».

Поднялся Дмитрич и подошел к трибуне.

– Архаровцы! – начал он. – Прежде чем предложить вам этот метод борьбы с нарушениями, мы все тщательно взвесили, и главное – это касается безопасности каждого члена секции. Не бойтесь писать, ничего вам не сделают – не то время, не тот контингент. Духу мало, никто не пойдет на заведомую раскрутку. Все вопросы по нашей с вами работе прорабатывались совместно с психологом, и выводы однозначные – бояться нечего. Конечно, разговоров будет много, но это только вначале. Потом движение наше войдет в нормальное русло, к нему привыкнут и примут... Те, кто давно здесь, помнят, как начинали перекрашивать зону – боязно было, но ведь никого же не зарезали! А потому, парни, нужно серьезно отнестись к возложенной на вас работе и доверию. Вы – сила! И эту силу все должны ощущать на себе двадцать четыре часа в сутки! Сейчас вы вернетесь в свои бараки. Языками не треплите, ведите себя естественно, как всегда. А на утренней поверке я объявлю, что начинается новая жизнь и те, кто хочет жить, должны решить это сейчас и сразу, а кто не согласен, пусть выйдет из строя и остаток срока будет досиживать в ЗУРе.

– Всем ясно? – Дмитрич обвел всех вопросительным взглядом.

Все кивали, а он пристально вглядывался в наши лица и глаза.

– Вот и ладненько, вот и порешили. Ибрагим, проводи меня.

Когда они вышли, воцарилась тишина – каждый думал о том, что его ждет в дальнейшем. Принять решение легко, а вот претворить его в жизнь – дело другое.

Я толкнул Колючего в плечо. Он находился как будто в трансе и посмотрел на меня отсутствующим взглядом.

– На бараке поговорим, – услышал я через какое-то время.

– Ну что, обдумали? – задал вопрос Ибрагим сразу, как вернулся. – Пускай каждый выскажется. Ты, Колючий, что скажешь?

– Я скажу, что это полный бред! Как вы себе представляете – ээк будет писать на ээка? Это ж бомба! Ментам на нас плевать. Мы для них – никто. Поножовщины, может, и не будет, но челюсти и хребты затрещат. Однозначно. И после первого такого инцидента многие поскидывают ландухи. «Черным» терять уже нечего: у них все забрали, они даже спят все на пальмах. Ментам все мало... они еще и эту хрень задумали. С психологом они советовались! А что знает этот психолог, кроме своих тестов да учебников? Ээк уже не тот, и бояться нечего, заявляет она. А что она скажет, когда «черные» зашлют пару торпед, а те ёбнут какого-нибудь особо ретивого писаку? Торпед посадят в ЗУР, их даже не крутанут, так как станет известно, что по вине администрации эздэпэшники перегнули палку, превысили свои полномочия, что и привело к конфликту. А «черные» этих торпед объявят героями, если не святыми... разведут агитацию, которая у них поставлена на уровне, и потянется к ним народ, а мы снова в жопе окажемся – не уберегли своих. Поэтому, думаю я, зря это все. Надо искать другие пути, – закончил свой горячий монолог Колючий.

– А ты, Камчатский, что скажешь? – обратился Ибрагим ко мне.

– Я здесь человек новый, и мне трудно сейчас что-либо сказать, но я знаю одно – крыса, загнанная в угол, кусается. Это одна сторона, а другая... Вот представьте, какое поле деятельности для наших, нечистых душой и на руку. В душу-то каждому не заглянешь. Вот, например, не нравится мне рожа Васи Пупкина, косо посмотрел или еще что, а тут этими докладными можно любого укатать... Кто проверять будет, правду написал или нет? Я думаю, что прав Колючий, – нужно другие способы искать...

– А чё, нормальная мысль, – встрял Удав, не дожидаясь, когда его спросят. – Прокатится один-другой в изолятор, потом в ЗУР, а дальше станут задумываться. Нормально все будет.

– А что скажет нам товарищ Жуков? – на манер Сталина сказал Ибрагим.

– Да нормально все будет, – начал Ванька Жуков, земляк Ибрагима, которого тот взял под крыло и сделал завхозом четвертого барака. – Прорвемся! Бояться они сами нас будут и меньше нарушать. Ведь СДП для того и создана, чтобы пресекать правонарушения. Или я не прав?

Мнения разделились примерно поровну. Те, кто мог заглянуть в будущее, были против. А те, у кого мозгов на это не хватало, поддерживали предложения Дмитрича и Ибрагима. Таким козлам, как Удав, вообще нельзя власть в руки давать. Дел натворят – не разгребешь! С такими мыслями я шел с Колючим к себе на барак.

Затею с докладами старались пропихивать во многих лагерях, но чтобы самому оказаться втянутым в такое... Это полная неожиданность.

– Парни, обождите! – крикнул нам Ибрагим. – Пошли до тебя, Колючий, поговорим, – сказал он, догнав нас.

– Дружно вы идею отбрили, точно сговорились, – начал Ибрагим. – Вы разве не понимаете, откуда ветер дует? Откуда это исходит?

– Почему не понимаем? Прекрасно понимаем. И тем не менее я лично против, я за себя говорю. Эта канитель нам боком выйдет. Вот увидишь, Ибрагим, добром это не кончится. Не спустят нам «черные», будет гнусь какая-нибудь от них. Мы оба были когда-то в их шкуре и хорошо знаем их. Сделают вид, что смирились, а сами замутят что-нибудь, и вылезет эта муть, когда ее и не ждешь. Разве не так? Ну скажи, что не согласен со мной, – закончил Колючий.

– Правильно все говоришь, Серега! Согласен. В душе согласен, а на деле нет. Говорит же Дмитрич, что просчитано все. Конечно, если мы начнем шашками махать по беспределу и писать докладные за всякую ерунду, тогда, может, и так. Но мы сделаем тонко: мы на первый раз предупреждать будем, а потом, когда они на наши требования реагировать не будут – а реагировать они не будут, это точно, – вот тогда смело пишем. Не понимает человек, пусть сам на себя и обижается...

– Да пойми, Ибрагим, не дело это – за мусоров бумаги писать. Не поймут нас. Не простят. Не век же ты здесь сидеть будешь, на волю через год, а там не будут долго разговаривать – край холодный, да головы горячие. Выловят тебя из Колымы с проломленной башкой, и вся недолга. Там тебя никто слушать не будет. Себя вспомни: много ты слушал, когда сам блатовал? Вот и я так же... А ты, Альберт, что думаешь?

– Да так же и думаю. В любом случае хотелось бы до дому доехать без приключений. Мне ведь никто охрану до Камчатки не даст. Не канает это. Другие способы воздействия нужно искать.

– Ладно, понятно ваше мнение. Честно – уважаю вас за это. Не стали пыль в глаза пускать. Да и не вы одни так думаете, видно, не время еще. Рано Дмитрич замутил это. Что-то я и сам начинаю сомневаться в их расчетах. Разберемся! Вы только палки в колеса не вставляйте, коли сами не хотите участвовать. Пошел я. Отбой сейчас будет, а мне еще в карантин надо.

Ибрагим пожал нам руки и вышел.

– Да, дела творятся! Куда катимся?! – в сердцах воскликнул Колючий, когда за Ибрагимом закрылась дверь. Добром эта канитель не кончится. Перегибают они палку, как бы не сломалась... В карантин

он пошел... А ты знаешь, что там за беспредел? Там чуть ли не через хуй перекрашивают: или ландух, или в жопу... Чо творят – сами не ведают. Ладно, пошли спать, отбой уже был, засиделись мы.

Я пошел в секцию, а он в пэвээрку, где смотрели какой-то фильм.

– Ну наконец-то! Я уже три раза жрать разогреваю! Чего так долго? – встретил меня Шустрый.

– Да так, засиделись... Куча проблем, пока порешали... Потом с Ибрагимом в каптерке засели, вот и пролетело время. Ты ешь, я не буду, чаю напился. Иди, тебе больше достанется.

Я не раздеваясь завалился на шконку. Нужно было собраться с мыслями...

В понедельник на утренней проверке Дмитрич объявил, что секция СДП в колонии начинает работать в новом режиме. Кто с этим не согласен – его проблемы, пусть прямо сейчас выйдет из строя, но такие должны знать, что в дальнейшем срок они будут отбывать в ЗУРе. Значит, будет так...

Пока он говорил стояла гробовая тишина.

А только закончил...

– Козлы! Совсем оборзели!

Это был единственный возглас. Крикуна тут же скрутили и отволокли в ШИЗО.

После проверки в каптерку зашел Гаврила.

– И как это понимать? Что за наворот вы замутили?

Взгляд его не обещал ничего хорошего.

– Суть такова, – начал Колючий. – Если эсдэпэшник увидел нарушение – курение, игра или еще что, – он обязан сделать замечание. А если его игнорируют, он вправе написать на нарушителя докладную записку. Это все. И поверь, Гаврила, мы с Камчатским были и останемся против и делать ничего подобного не станем. За эсдэпэшников отрядных тоже можете не волноваться. Если и будет кто-то писать, то все эти бумаги будут проходить через меня. Все будет под контролем – обещаю.

– Хорошо. Но это на нашем бараке. А что на других? – спросил Гаврила.

– За других сказать не могу. Многие поддерживают эту бредовую идею Дмитрича.

– Ладно, все понятно.

Гаврила собрался уходить.

– Подожди минуту, – остановил его Колючий. – Вы это... не вздумайте поднять бузу на бараке. Пацанов моих не трогайте.

Не успел Гаврила выйти, как в каптерку ввалилась толпа эсдэпэшников отряда. Все говорили одновременно, задавали вопросы – гул стоял такой, что разобрать что-либо было невозможно.

– Тихо! Чего разорались?! – крикнул Колючий и, дождавшись тишины, стал объяснять: – Ситуация под контролем, бояться нечего. Я только что разговаривал с Гаврилой по этому поводу – он сейчас успокаивает своих. Никто ничего писать не будет. Или есть такие, кому этого хочется?

Он обвел всех взглядом. Люди молчали.

– Поэтому, – продолжал он, – вы все должны отвечать одно: «Писать нечего, если видим нарушение, делаем замечание, все реагируют позитивно, потому и не пишем». Всем ясно?

Толпа одобрительно зашумела. Колючий снова заговорил:

– Возможны провокации со стороны «черных» – не ведитесь. Сразу сообщайте мне или Альберту – разберемся. И не дай Боже вам кого-то спровоцировать – не обижайтесь потом... И без того ситуация взрывоопасная. Всем ясно? Идите и занимайтесь своими делами. Все нормально.

Народ успокоился и стал расходиться. Когда за последним закрылась дверь, Колючий дал волю эмоциям:

– Вот, блин, геморроя подкинули! Им что? Они замутили, а ты тут на месте разруливай!

Чай пили молча.

Еще минут через пять появился Гаврила. Он улыбался. Мир в бараке был восстановлен.

Прошел август, кончался уже и сентябрь. Осень на Колыме короткая – еще вчера было тепло, а сегодня – холод страшный.

К нам заглянули Ибрагим с Партизаном. Собрались у Колючего в каптерке.

– Ну, Альберт, собирайся, – начал Ибрагим. – Сначала на недельку на первый, а потом завхозом на второй. Решили Удава менять. Натворил он дел да еще по морде от «черных» получил.

– А что произошло? – оборвал его Колючий.

– Да как дали зеленую с этими докладными, – стал рассказывать Партизан, – Удав и начал стараться: за месяц больше пятидесяти бума-

жек накатал. – Кому это понравится? Зашли в каптерку и дали по соплям.

– А я что говорил?! – подскочил Колючий. – Когда это произошло?

– Сегодня, после утренней проверки, – вступил Ибрагим. – Отличились Куба и Тушка. Сейчас оба в изоляторе. Чтобы кипеша избежать, пришлось Удава на первый отправлять. Барак неделю будет без завхоза. За это время ты, Альберт, подберешь себе людей для дальнейшей работы, а мы поразгоним «черных» со второго по другим баракам. Иди, Альберт, собирайся. Твоя и Шустрого карточки уже на первом.

Встретил нас Мотя-завхоз, проводил в секцию, показал наши места.

– Располагайтесь, потом зайдете ко мне.

Мы не стали тянуть и, быстро заправив свои шконки, поспешили к нему в каптерку.

– В общем, так, – начал он. – Здесь режим, и этим все сказано. Вы на недельку всего, поэтому не устанете. Подъем, отбой – строго по звонку. Шконки – заправка по-белому. Сидеть, а тем более лежать запрещено. Если ничем не занят, вон пэвээрка – сиди, смотри телек. Уборка – по графику, но вас я не включаю. Ты, Альберт, приглядывайся к народу, знакомься, выбирай, только на работяг глаз не клади. Человек десять я тебе уступлю. И вот еще что, после вечерней проверки надо будет сходить в карантин – Ибрагим звал.

Я сделал вид, что не понимаю, и спросил: «Зачем?».

– Вчера этап был, человек десять привезли, все – «черные».

– Понятно, – сказал я и вышел в секцию.

Я не спал, вновь и вновь вспоминал и прокручивал недавний разговор на сходняке, где собрались лидеры обеих мастей.

С неделю назад меня позвал Колючий. Когда я вошел, по лицу его понял – что-то произошло.

– Суть такова, – начал он. – До Ибрагима председателем СДПК был Саня Крюк. Год назад он освободился по УДО. Между нами говоря, сука конченная. С его подачи поломали и перекрасили силой кучу народа, били смертным боем, пока человек не соглашался ландух надеть. Это сейчас Ибрагим либеральничает, а Крюк лук с ними не чистил, подходил жестко. Крови на нем много... В общем, убили его на воле. Нашли его где-то в городе с вилкой в голове. Перед этим, говорят, били его нещадно, живого места на теле не было. А его предупреждали: вали с Магадана... Короче – слух по лагерю разлетелся мгновенно. «Черные» агитацию усилили, и в итоге десять человек ландухи скинули, в основном те, кого насильно перекрасили. Дмитрич орет, ногами топа-

ет, Ибрагим ходит злой... Короче, Ибрагим забил им стрелку на пятом бараке: будут все смотрящие, а может, и Лысый подойдет. Вот такие дела. Сбор сегодня, после вечерней проверки.

После вечерней проверки у первого отряда собралось человек сорок. Минут через десять вышли Ибрагим с Мотей.

– Смотрите, парни, диалог будет серьезный. На провокации не вестись. А они будут. Однозначно. Драка нам ни к чему, но уж коли случится, то старайтесь на совесть. Всё, двинулись, – сказал Ибрагим и направился к локалке пятого барака.

Все двинулись за ним. Собрались в пэвээрке. От нашего барака были Гаврила с Тимохой. Лысого не было. От каждого барака выставили по два человека – смотрящий и еще один. Снова Ибрагим подсутился, чтобы лишних не пускали. Получалось, что «черных» оказалось в три раза меньше.

– Ну, все в сборе? Начнем, – Ибрагим вышел вперед.

Две противоборствующие силы сидели напротив друг друга.

– У нас уже был диалог, на котором мы решили ряд вопросов касательно нашей жизни. Все сводится к одному: вы не лезете к нам, не мешаєте нашей работе, а мы не трогаем вас. А что получается на деле? Только прошел слух за Крюка, и буквально на следующий день десять человек скидывает повязки. Нам известно, что с ними проводилась серьезная агитационная работа на примере гибели Крюка. А как же договор? Или вы решили объявить нам войну?

– О какой войне ты здесь толкуешь? – поднялся Гаврила. Поговорили мы с молодыми, объяснили им уклад жизни и то, что выбранный ими путь по жизни может завести их в тупик. Пацаны сделали правильный вывод. К вам мы не лезем. Я уж молчу за ваши дела в карантине. Нам хорошо известно, как вы людей в секции загоняете и сколько по беспределу, через силу, через жуть загоняли.

– Насильно мы не перекрашиваем. Да, морды приходится бить, не без того, я и не скрываю. Если человек за базаром не следит или кидается на меня, я молчать не буду. Все знают, что сам я никогда и никого не сдавал и не потерплю, чтобы кто бы то ни было меня козлом называл.

– Ты, Ибрагим, правильно говоришь, но ведь суть одна: запугать, загнать в угол и в итоге в секцию. Мы здесь не дети и все понимаем. Так и в этом случае: ну, скинули ландухи ваши пацаны – это ваша вина, а не наша. Плохо работаете, – с издевкой сказал Гаврила.

– Если бы не лезли в наши дела, то никто ничего бы и не скинул.

– Ну, Ибрагим, если мы совсем закроем глаза на весь ваш беспредел, тогда вы полностью берега попутаете. С докладными какой наво-

рот устроили? Ни в какие рамки не лезет: ээк на ээка бумаги пишет – куда катимся? О чем вы на своих собраниях думаете? Ведь ни один подобный зехер безнаказанным не оставался и не останется. Не век же вы сидеть здесь будете! Вот мы и привели в пример Крюка – что с суками бывает... Рано или поздно отвечать придется. Или не так, Ибрагим?

– Эти вопросы сейчас неуместны. Так мы ничего не решим, обвиняя друг друга. Мое предложение: вы не лезете к нам, мы не трогаем вас. В противном случае придется объявить вам войну через ментов.

– Ты, Ибрагим, мусорским не прикидывайся. С режимом мы сами разберемся. Ты прекращай в карантине беспредел – это главное наше требование. Не трогай молодых, которые только в зону пришли. Спроси, хотят или нет, и все. Зачем показательные побоища устраивать?

– Хорошо. А вы не трогаете тех, кто уже носит ландух, не агитируете их.

– Договорились. Но еще ты умерь своих писак, а то на втором бараке уже пятеро наших под крышей парятся по этим письмам...

На этом сходняк закончился.

После вечерней проверки я не пошел барак, а остался в локалке.

– Чё домой не идешь? – спросил Шустрый.

– Ты иди, Димон, а я Мотю жду. Ибрагим в карантин звал. А ты иди, знакомься с людьми, только лишнего не трепли, не говори, что народ подбираем к себе на второй барак. Усек?

– Ага, – сказал Шустрый и убежал.

Мотя и еще шесть человек спортивного телосложения как раз выходили из барака. По дороге к нам присоединился Партизан со своими людьми, потом Валька Жуков да с ним еще четверо, последним подтянулся Колючий с двумя качками. К карантину подошли все вместе, человек тридцать.

Ибрагим уже ждал нас.

– Так, все делаем по старой схеме. Никого не щадим, но работаем аккуратно – никого не ломать, не увечить. Все десять – «черные»: двое первоходов, их пока не трогаем, а остальные восемь – отрицалово конкретное.

– Стройся, болваны! – заорал Ибрагим, едва мы вошли. – Сейчас будем смотреть, что вы за отрицалово! Никто не передумал масть сменить? Я же говорил, что выйти отсюда можно только через ландух или метлу.

Я протиснулся сквозь толпу и увидел, что вдоль стены стоят восемь человек, а двое – отдельно. Ибрагим встал перед ними, в одной

руке – метла, в другой – стопка ландухов. Подошел к первому, протянул ему обе руки: «Выбирай!». Парень смотрел на Ибрагима так, будто перед ним – сам дьявол.

Все произошло буквально в секунды: он выхватил у Ибрагима метлу и замахнулся ею. Ибрагим моментально среагировал, уклонился и прямым ударом в лицо вырубил бунтаря.

Кто-то из восьмерых кинулся к пострадавшему:

– Пацаны, мочи их! – и первым кинулся на Ибрагима, а остальные кинулись на нас.

Драка была жестокой и короткой. В пару минут все было кончено. Силы были чересчур неравные. Все восемь лежали на полу, залитом их же кровью.

– Тащите их в умывальник по одному, пусть умоются, а там продолжим, – сказал Ибрагим и повернулся к двум первоходкам. – Видели, что бывает с тупыми?

Те кивнули в ответ.

– Я еще раз объясню вам истинное положение жизни. Так вот, лагерь «красный», балом правит наша масть. Блатная романтика и прочая хрень – уже прошлый век. Сейчас другая жизнь. Все другое. Зачем вам губить молодые годы, оставляя здоровье по изоляторам и ЗУРам? Разве вас дома мамы и жены ждут калеками? Думайте!

Мы прошли в умывальник. Двое еще лежали, а двое пытались подняться. Лица у всех были разбиты, стены забрызганы кровью. Ибрагим подошел к тому, что кинулся на него, и с оттяжкой пнул в живот.

– Ты на кого, пададь, бросаешься? Мразь! Да я тебя на куски рвать буду!

И стал пинать лежавшее на полу тело, и не пытавшееся сопротивляться. Когда удары попадали в лицо, кровь брызгала в разные стороны.

Пока Ибрагим избивал этого парня, остальные поднялись и безумными глазами смотрели на происходящее.

– Ну! Будете перекрашиваться? Или продолжить? – крикнул им Партизан.

– Ничего вы этим не добьетесь, – ответил один из них. Ну, поломаете нас сейчас, а дальше что? Земля круглая... Неужели вы думаете, что вам этот беспредел сойдет с рук?

– Вот сука! Он еще и жуть нам гонит! Да я тебя за этот базар переломаю всего, а потом обоссу – кто за пидора предьявлять будет?

Парень даже не шевельнулся.

– Сейчас сила на вашей стороне, – продолжал он спокойным голосом, но имейте в виду, что, опустив нас, вы автоматически подписыва-

ете себе смертный приговор. Хуй с вооружения снят уже ворами давно, и вы не можете этого не знать. За этот беспредел каждого из вас, где поймают, там и убьют: этап, пересылка, лагерь – вам не скрыться.

Партизан уже был готов ударить его, но Ибрагим крикнул: «Стоять!»

– Приводите себя в порядок. Сейчас вызову наряд – вас в ШИЗО за отказ от работы по благоустройству. Вы сами выбрали себе дорогу. Что ж, страдайте. Может, и доживете до звонка, но зачем инвалидам свобода? Пятнадцать минут вам на все, и обижайтесь сами на себя, – сказал Ибрагим и вышел.

На улице стояли все наши и те двое первоходов с новыми ландухами СДП.

– Добро пожаловать, пацаны!

– Ты, Альберт, присмотришь к ним. Парни хоть молодые, но с головой. Опять же и с воли поддержка имеется, что немаловажно, – сказал Ибрагим.

Я отошел к лавочке, стоящей в дальнем углу двора. Я сидел, курил и прокручивал только что увиденное. За это наказание одно – пика в бок. Разбираться никто не будет, участвовал – не участвовал, присутствовал – и точка.

Лязг открываемой локалки. Пришли менты за отказниками.

– Нельзя было поаккуратней, Ибрагим? Смотри, вот этот как бы не загнулся. Его бы в санчать, а не в ШИЗО...

Ибрагим хотел что-то ответить, но мусор махнул рукой и пошел к выходу, бормоча что-то себе под нос.

Все следующие дни ушли на подбор нужных людей. Желающих было много, никто не хотел оставаться на первом.

На шестой день меня позвали к Моте в каптерку, где меня ждал Ибрагим.

– Ну как, людей подобрал? – спросил он.

– Да, десять человек да еще тех двоих с карантина.

Я подал ему список.

– Ха! Вот молодец! Все до одного – с богатой родней, – воскликнул Мотя, поглядев мой список.

– Их переведем после распределения, а ты с Шустрым едете на второй послезавтра. Сразу говорю – барак сложный. Основная масса – матерые ээки. Если кто будет сильно мешать, сразу говори – переве-

дем. Но позвали мы тебя вот зачем... – Ибрагим посмотрел на того, кто сидел рядом с ним, но до сих пор молчал. – Это Колян Серов, мы хотим, чтобы он был у тебя председателем СДП-отряда.

Я его уже встречал и знал, что он с Ванина, там был «черным», а здесь перекарасился, одним словом – мутный тип.

– Да я хотел на месте определиться, – сказал я в ответ. – Сами же говорите – барак сложный.

– А его и не надо сразу председателем объявлять. Обживетесь немного, а там и объявите. Вопрос этот решен и не обсуждается, он едет с тобой, – сказал Ибрагим.

– Вам видней, – согласился я и тут же подумал, хорошо хоть представили, могли бы по-тихому свои глаза и уши заслать. Теперь хоть знать буду, от кого страховаться надо.

Вернувшись в секцию, я попросил Шустрого собрать по списку всех, кто едет с нами. Все собрались, и я спросил:

– Знаете, зачем позвал?

– Догадываемся.

– Если кто-то не уверен в себе, пусть скажет сразу. Если согласились только ради того, чтобы сорваться с первого, то потом не обижайтесь. Если вопросов нет, то послезавтра после утренней проверки быть готовыми к переезду.

На следующий день за мной зашел Ибрагим и повел на второй – знакомиться.

Зайдя в отряд, я сразу обратил внимание на то, что на тумбочке нет телефона и отсутствует дневальный. Ибрагим попросил подождать, а сам пошел к смотрящему, у которого были ключи от каптерки. Я шел за ним.

Смотрящий лежал на шконке и курил.

– Пошли в каптерку, поговорить надо, – обратился к нему Ибрагим.

– Говори здесь, у меня секретов от братвы нет, – ответил тот и сплюнул на пол. – А что, Ибрагим, может, докладуху на меня напишешь?

Он явно провоцировал Ибрагима, но тот не повелся.

– Пошли, разговор серьезный. После, если посчитаешь нужным, расскажешь своей братве.

– Ну, чё за базар? – спросил смотрящий войдя в каптерку.

– Я пришел познакомиться тебя с новым завхозом, который завтра переедет на барак. Знакомьтесь, это Саня Шайба, смотрящий за барак, а это – Альберт Камчатский.

– Ты, Ибрагим, нам никого не навязывай. Мы, может, уже нашли завхоза, своего.

– Ты вначале узнай человека, а потом выводы делай, – сказал я ему.

– А он еще и борзый... Ты кого, Ибрагим, привел? Это, по ходу, про тебя вчера Гаврила говорил? Ты был на седьмом?

– Был!

– Ну, тогда ладно.

– А у вас на бараке кто-нибудь посылки, передачи получает? На свидания ходят? – спросил я.

– Ходят. Получают. А ты к чему спрашиваешь?

– А как их вызывают?

– Ты чё, затупить меня хочешь? – Шайба напрягся. – Звонят по телефону и вызывают. Не в рельсу же...

– А я думал, именно в рельсу! Телефон где?

– Как где? На тумбочке.

– Ну да! А я что-то не заметил, когда входил. Обрывки проводов видел, а телефон – нет.

– Ты мне это прекращай! Найдем и телефон, и все остальное, но лишь в том случае, если найдешь с нами общий язык.

– Найдем, можешь быть уверен. Пошли посмотрим секцию.

Секция была наполовину пуста, а на остальных шконках спал народ.

– Нормально. Зэк спит – срок идет. Все с ночной смены, наверное, – начал Ибрагим.

– Ты что, к нам цепляться пришел? – раздались голоса. – А эти кто с тобой? Не завхоз ли новый? А Шайба в курсе?

– В курсе все, кроме тебя, – в тон ему ответил Ибрагим.

– Видно, не положено, раз не знает, – поддержал я.

– Да я тебя! – подскочил мужичок.

Мы молча смотрели на этот спектакль. Тот увидел наши спокойные лица, понял, что его никто не поддерживает, махнул рукой, живи, мол, пока.

Мы обошли все секции, представились и собрались уходить.

– О, заработало! – услышали мы крик.

Мы поспешили к выходу и увидели, что на тумбочке стоит телефон, а какой-то парень приложил трубку к уху, слушает.

Когда шли назад, я попросил:

– Ибрагим, дай на время телик с карантина, а мы новый затынем – вернем.

– Хитрый ты! Ладно, бери, а то не отстанешь.

На следующий день, когда мы подходили ко второму барaku, раздался крик атасника:

– Новый завхоз идет!

Я сразу провел всех тех, кто был переведен со мной, в секцию, разложил по спальным местам и только потом пошел в каптерку.

– Значит, так, Камчатский, – раздался голос Шайбы, который сидел посреди каптерки на табурете. – Ты и вся твоя голытьба живете до первого зехера. Если начнете свои штучки с докладухами или еще что – будем мочить. Ты здесь только потому, что Гаврила отзывался о тебе как о знающем и понимающем нашу жизнь. Но учти, с тебя я спрошу в первую очередь.

Я хотел было сказать, что зря он так, но он опередил меня:

– Мне плевать на то, что ты имеешь сказать, на то, что ты думаешь. Я все сказал.

Понемногу мы приводили отряд в божеский вид: все отмыли, отремонтировали кухню и пэвээрку, в которой поставили новый телевизор. Ибрагим отдал и музыкальный центр, а колонки мы развесили по всему бараку.

Жизнь вошла в нормальное русло, и ничто не предвещало беды.

21 ноября после ужина ко мне зашел Шайба.

– Разговор есть. Все, что я тебе скажу, должно остаться в этих стенах. Дело очень серьезное. На бараке еще никто об этом не знает. Сегодня ночью зуровцы выйдут в зону и пойдут по всем баракам, ломать будут «красных», всех подряд. Основная цель, конечно, Ибрагим, Мотя, Партизан. Остальные – до кучи.

– А как они выйдут? Я был там – все заварено.

– Да нашли одно окно без решеток, досками заколоченное. Пока чухнут, они успеют все сделать. Я не хочу, чтобы ты пострадал, поэтому предупреждаю, но учти: если информация просочится, я сам лично тебя мочить буду.

– Спасибо! – только и смог я сказать.

В голове был хаос. Я ведь знал, что это должно случиться, но не думал, что так скоро. Я понимал, что должен передать эту информацию и тем предотвратить акцию, но тогда жизнь моя будет висеть на волоске и отсчет ее пойдет по минутам.

Я выглянул в коридор и попросил позвать Шустрога.

– Слушай, – сказал я, когда он вошел. – Если жить хочешь, с этой минуты будешь делать только то, что я тебе скажу.

Он кивнул, ничего не понимая.

– Для начала найди какой-нибудь повод и напои наших бойцов перед самым отбоем крепким чифиром, чтобы в эту ночь ни один не

смог уснуть. Сам тоже хапни и не вздумай уснуть. Ложись не раздеваясь и будь готов вмиг подняться и быть рядом. Ясно?

– Скажи, Альберт, что ты задумал?

– Спаси твою шкуру и свою тоже. И молчи. Хоть слово кому скажешь – ты труп.

Перед отбоем я вышел, чтобы обойти секции, и сразу увидел, что телефонный шнур оборван. В дверях своей секции стоял Шайба, и я сделал вид, что ничего не заметил.

Обойдя все помещения, я лег на свою шконку и спросил Шустроого:

– Ты все сделал, как я просил?

– Да. Пришлось соврать, что у меня днюха сегодня. Выпили пять литров конкретного «ядку», так что вряд ли кто-то сразу уснет.

– Лежи и жди, – сказал я.

Я вновь и вновь прокручивал давно созревший план обороны. Надо было уповать на то, что бойцы не подкачают: все, кого я подобрал, были знакомы с борьбой, боксом и другими единоборствами.

Конечно, поставь я их в курс дела, было бы лучше, но этого я сделать не мог.

По моим расчетам, зуровцы должны были нагряться ближе к двум часам, потому что в час идут менты по обходу, а следующий обход в четыре, значит, все произойдет в промежутке между двумя и четырьмя часами. Больше валяться не было терпения, и я пошел в пэвээрку, где смотрели какой-то фильм. Просидел там до первого обхода и, когда менты ушли с барака, толкнул Шустроого:

– Не спишь?

– Нет.

Время тянулось очень медленно. Я смотрел в окно, все было тихо, на вышке осмотра локалок горел свет, и было видно, что локальщик там на вышке читает книгу.

«Вот так тебя и возьмут», – подумал я, и тут свет на вышке погас.

Началось.

Часы показывали час сорок. Зайдя в секцию, я увидел, что в свете ночника ясно видны ландухи на рукавах лепней, висящих на спинках шконок. Я бросился их снимать. Шустрый увидел это и стал помогать мне. Когда с этим было покончено, послал Шустроого будить наших, но будить тихо.

Все поднялись, и я в двух словах объяснил ситуацию. Все поняли меня без лишних вопросов – на кону стояла жизнь.

– Всем сбиться в кучу в конце секции.

Только все заняли позиции, как с лестницы послышался шум и топот ног.

– Началось! Крепитесь!

Пришедшие не кричали, но и не старались шуметь поменьше. Они методично крушили все подряд, и тумбочку дневального, и стенды наглядной агитации. Шум стоял страшный, отряд просыпался. Уже слышны были крики и стоны из других секций.

Хоть мы и были готовы, но, когда вдруг объявилось человек десять в масках и с арматурами в руках, мы были ошарашены. Они подходили к шконкам и рассматривали лепни, но тут увидели нас.

– Вот они, суки краснопузые! – крикнул один из них.

И все дружно кинулись на нас. Тот, кто кричал, замахнулся, но получил сильный удар в лицо и надолго ушел в отключку. Остальные не ожидали сопротивления и замерли.

– Валите отсюда, – попросил я их. – Мы не хотим драки, но коли придется...

Крик «Мочи их!» не дал мне закончить. Кто-то из моих взвыл от удара прутом по плечу и, упав, закатился под шконку. Тут все наши кинулись на пруты, которыми особо размахивать из-за тесноты не было возможности. Нападающие дрогнули и стали отступать. Больше никто из моих не пострадал.

– Валите, пацаны, – попросил я еще раз.

Теперь в руках моих бойцов тоже были арматурины.

– Уходите! Не злите народ!

– Ну, суки! – крикнул кто-то из них, и в этот момент в секцию ворвалось еще человек шесть. Драка была короткой: ослабленные от долгого сидения в ШИЗО и ЗУРе не могли отбиться от сытых и физически подготовленных бойцов. Многие остались лежать, другие спасались бегством.

Мы забаррикадировали вход в секцию шконками и стали ждать. Зажгли свет. Наши потери были минимальными – разбитое плечо и пара сломанных рук. В других секциях было плохо, избивали практически всех «красных», ни один эсдэпэшник не спасся. Разбитые головы, сломанные руки, ноги и ребра. Повсюду лужи крови.

Очень сильно пострадал Серега Королев: голова была пробита в четырех местах, пальцы на руках сломаны, лицо – сплошная гематома. Он лежал в луже собственной крови без признаков жизни.

Я насчитал еще пятерых, которым срочно нужна была помощь, но телефон не работал. Да и куда звонить? Неизвестно, что там творится. Однако нужно было что-то делать. Я взял в спутники лучшего бойца, и мы вдвоем вышли из барака. Я глазам своим не поверил: за такое короткое время зону разгромили так, словно тут землетрясение случилось.

В локалке пятого барака кого-то грузили на носилки. Это был Ибрагим. Я узнал его только по одежде, а лица у него не было – месиво кровавое.

– Живой? – спросил я.

– Вроде дышит пока, – сказали санитары из местной больнички.

– Там, на втором бараке еще шестеро тяжелых, им срочно нужна помощь.

– Сегодня многим нужна помощь... Доигрались! Мы уже двадцать человек на больничку перенесли, а сколько еще будет... Дойдет очередь и до ваших, ждите.

И санитары понесли то, что осталось от Ибрагима, – мешок с костями. На вахте дежурный держался за голову.

– Трупы есть? – спросил он, когда я вошел.

– Нет, но будут. Нужна медпомощь, у пятерых пробиты головы – мозги видно.

– Тут кругом так. Санитары работают, – неопределенно ответил он. Да и что он мог сделать?

– Это у тебя на бараке дали отпор? Молодцы, не испугались!

– Жить захочешь – о страхе забудешь.

Тут раздался телефонный звонок. Дежурный послушал и сказал:

– Запускайте!

– Спецназ приехал, – сказал он нам и побежал встречать.

Ворота конверта уже открывались, в них въезжал автобус, который остановился у входа в ЗУР. Когда за последним омонцевцем закрылась дверь, я сказал:

– Пиздец зуровцам!

– Да, – ответил дежурный и поспешил туда.

Через месяц после побоища, на очередном собрании, где Дмитрич настойчиво требовал продолжить работу с докладными записками, я снял ландух. Освободился через год. За забором меня ждал Шустрый с бутылкой водки.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушения прав заключенных (сентябрь – ноябрь 2009 года)

Башкирия

14 сентября 2009 года

В Башкирии **в СИЗО Белорецка** 24 осужденных утром 13 сентября **попытались устроить массовый бунт**. Об этом сообщает начальник пресс-службы ГУ ФСИН по Башкирии Ильшат Бикбулатов: «Они стали призывать, чтобы их поддержали остальные подследственные и осужденные, однако поддержку не получили».

Инициаторы бунта выражали недовольство требованиями администрации изолятора, в частности по досмотру передачи посылок от родственников. Ведется расследование обстоятельств произошедшего.

В Белорецком следственном изоляторе находится более 280 человек.

Челябинская область

22 сентября 2009 года

ЧП в исправительно-трудовой колонии в Челябинской области: в учреждении ЯВ-48/11, по предварительным данным, **покончил жизнь**

самоубийством осужденный по статье 158 (кража) УК РФ Юсупов. Следователи отработывают несколько версий, в том числе и доведение до самоубийства.

Псковская область

23 сентября 2009 года

13 сотрудников УФСИН по Псковской области *привлечены к дисциплинарной ответственности* по факту применения физической силы и спецсредств к осужденным ИК-6 (Себежский район). Также материалы о незаконном применении спецсредств и физической силы в ИК-6 направлены в Опочецкий межрайонный следственный отдел следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Псковской области для принятия решения в порядке ст. 144–145 УПК РФ. В настоящее время принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по данному факту.

Липецкая область

24 сентября 2009 года

Прокуратурой области выявлены нарушения законности в деятельности ФБУ «Усманская воспитательная колония» УФСИН России по Липецкой области, явившиеся основанием для принятия мер прокурорского реагирования. Так, в нарушение требований закона должностными лицами колонии не регистрировались в установленном порядке сообщения о преступлениях, совершенных воспитанниками до их направления в воспитательную колонию, ненадлежащим образом содержались санитарные узлы, в здании школы отсутствовал туалет для учащихся, оборудование компьютерных классов не отвечало санитарно-гигиеническим требованиям.

Одновременно с этим установлено, что воспитательная работа с осужденными носила формальный характер, что повлекло увеличение количества допущенных злостных нарушений режима.

По результатам проверки прокурор области внес представление в адрес начальника Управления ФСИН России по Липецкой области с требованием о принятии исчерпывающих мер по устранению выявленных нарушений и привлечению к ответственности виновных должностных лиц колонии.

Кемеровская область

24 сентября 2009 года

Старший прапорщик мариинского исправительного учреждения Сергей Саянов **пытался пронести на территорию колонии семь свертков с героином**. Общий вес зелья составил около 3 граммов. Сбыть наркотики осужденному работнику колонии так и не удалось, их изъяли при личном досмотре.

По данным СКП РФ, приговором суда Саянову назначено наказание в виде 4,5 лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима.

Башкирия

1 октября 2009 года

В Башкирии осужден 41-летний бывший **заместитель начальника отдела безопасности** исправительной колонии № 9, который **обещал осужденному условно-досрочное освобождение за 50 мешков цемента**.

«Установлено, что сотрудник колонии обратился к осужденному, отбывающему уголовное наказание, чтобы его родственники безвозмездно передали в пользу исправительного учреждения цемент в количестве 2,5 тонны для осуществления ремонтно-восстановительных работ на защитных ограждениях. За это он обещал, в силу занимаемого должностного положения, положительное заключение со стороны администрации колонии о целесообразности условно-досрочного освобождения осужденного. Об этом преступлении стало известно от матери осужденного, которая обратилась в правоохранительные органы с заявлением о том, что ей позвонил сын, отбывающий наказание в колонии, попросил для его условно-досрочного освобождения передать сотруднику учреждения 50 мешков цемента.

Калмыкия

2 октября 2009 года

В Элистинский городской суд для рассмотрения по существу направлены материалы уголовного дела в отношении начальника отряда № 4 отдела по воспитательной работе с осужденными ФБУ «Исправительная колония № 1» республиканского УФСИН. **42-летний сотрудник исправительной колонии обвиняется в получении взятки**.

По версии следствия, 42-летний обвиняемый в августе 2009 года с целью незаконного обогащения вымогал и получил от одного из осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии общего режима, взятку в размере 20 тысяч рублей. За эти деньги он обещал осужденному подготовить документы, необходимые для представления к условно-досрочному освобождению, в том числе положительную характеристику и заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности условно-досрочного освобождения.

Астраханская область

5 октября 2009 года

В исправительной колонии строгого режима № 2 в Астраханской области **произошли массовые беспорядки**, сообщает пресс-служба областного управления ФСИН. Беспорядки произошли 29 сентября, а сейчас ситуация в колонии находится под контролем.

По словам начальника пресс-службы Алексея Таптыкова, в колонии проводились оперативные мероприятия по досмотру помещений и осужденных. В этот день масштабы оперативных мероприятий были больше, чем обычно, так как в них принимали участие дополнительные силы. В ответ заключенные устроили акцию неповиновения, протестуя против действий охраны и администрации. Осужденные наносили себе порезы острыми предметами, двоим осужденным понадобилась срочная медицинская помощь.

О происходящем в колонии стало известно родственникам осужденных, которые стали собираться у ворот колонии. По словам Алексея Таптыкова, родственников среди пришедших было примерно 17 человек, еще около 40 человек было зевак и сочувствующих.

«Провокаторы стали кричать: наших детей там убивают, хотя ничего такого нет, потому что в колонии находились и работники прокуратуры, и представители по правам человека, но пока никаких нарушений там не нашли», – сообщил начальник пресс-службы УФСИН.

По заверению Алексея Таптыкова, обстановка в исправительном учреждении нормализовалась.

Омская область

5 октября 2009 года

Прокурором Омской области Спиридоновым А.П. осуществлен выезд в исправительную колонию № 6 УФСИН России по Омской области

с целью проверки соблюдения уголовно-исполнительного законодательства администрацией данного учреждения.

В ходе проверки выявлен ряд нарушений закона в части материально-бытового обеспечения осужденных, соблюдения режима отбывания наказания, раздельного содержания осужденных, в работе с письменными обращениями граждан.

Иркутская область

8 октября 2009 года

Факты помещения заключенных в штрафные изоляторы по надуманным основаниям были **выявлены** в одном из исправительных учреждений Иркутской области **в ходе прокурорской проверки**.

Установлено, что администрацией лечебно-исправительного учреждения № 27 ГУ ФСИН России по Иркутской области не соблюдаются требования уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующего порядок привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности.

В частности, в июне этого года к одному из осужденных было применено взыскание в виде водворения в штрафной изолятор на 15 суток за нарушение установленного порядка отбывания наказания. Фактически сотрудники учреждения изъяли у него два мобильных телефона, но документально изъятие телефонов оформлено не было, факт совершения осужденным нарушения установленного порядка отбывания наказания в соответствующей документации не зарегистрирован.

Впоследствии осужденный был привлечен к ответственности по надуманным основаниям и направлен для дальнейшего отбывания наказания в ИК-25, где и был водворен в штрафной изолятор. С учетом нарушений закона соответствующее постановление начальника учреждения прокурором было отменено.

По аналогичным основаниям отменено и постановление начальника этого учреждения о водворении в штрафной изолятор другого осужденного. В целях укрытия факта изъятия у него мобильного телефона начальник учреждения водворил его в штрафной изолятор за грубость в адрес представителей администрации.

По выявленным нарушениям закона в адрес начальника ГУ ФСИН России по Иркутской области внесено представление, по результатам рассмотрения которого трое сотрудников колонии привлечены к дисциплинарной ответственности, виновным должностным лицам объявлены предупреждения.

Новосибирск

19 октября 2009 года

В Новосибирске **задержан замначальника областного управления ФСИН.**

Его арестовали при получении взятки в размере 20 тысяч рублей. Имя сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний пока не разглашается. Как отмечают в ГУВД, подозреваемый получил взятку за положительное решение по ходатайству об условно-досрочном освобождении женщины. Ее осудили за торговлю наркотиками.

Против замначальника уже возбуждено уголовное дело. В Новосибирске за последнее время это уже не первый случай, когда за руку пойман высокопоставленный руководитель.

Свердловская область

20 октября 2009 года

В Серове задержан сотрудник ИК-14, подозреваемый в вымогательстве денег у осужденного.

Операция по задержанию вымогателя была проведена 19 октября сотрудниками оперативного отдела объединения исправительных колоний № 4 ГУ ФСИН России по Свердловской области и ОБЭП УВД по Серовскому и Сосьвинскому городским округам.

В 15.50 в почтовом отделении № 12 Серова при получении денежного перевода в сумме 30 тысяч рублей от гражданки Ф. был задержан старший лейтенант внутренней службы О. – начальник отряда ФБУ ИК-14 ОИК-4.

Гражданка Ф. является женой осужденного, который отбывает наказание в ИК-14. По сведениям сотрудников оперативного отдела ОИК-4, задержанный вымогал деньги у осужденного, угрожая ему тем, что создаст невыносимые условия пребывания в исправительной колонии. Жена осужденного перевела 30 тысяч рублей сотруднику ИК-14 в качестве оплаты за предоставление ее мужу льгот в местах лишения свободы.

Волгоградская область

20 октября 2009 года

16 октября в 17-ю Вологодскую колонию был введен **спецназ ФСИН** (15–20 человек), который **избил заключенных**. Жалобы заключенных администрация колонии не принимает. Последовавшее за избиением

посещение колонии прокурором никак не изменило положение заключенных. Это сообщение передано организацией «Солдатские матери СПб» 18 октября.

Калининградская область

21 октября 2009 года

В калининградской колонии строгого режима № 13 погиб заключенный Анатолий Батуренко, протестующий против действий администрации. Об этом 19 октября сообщил депутат Калининградской областной думы Владимир Султанов, к которому обратилась жена Батуренко Анастасия.

По информации Султанова, вены себе вскрыли 12 человек, отбывающих наказание в ЕПКТ (единое помещение камерного типа), одним из них был погибший Батуренко. Он умер в медсанчасти, однако руководство калининградского УФСИН, направив уведомление его жене, официально отрицает факт его самоубийства.

Султанову сообщили по телефону из колонии, что 18 октября еще 2 человека – Михаил Желобяков и Евгений Ивкин – «вскрылись» в ШИЗО той же колонии, еще один заключенный, Василий Бубнов, объявил голодовку.

Двое заключенных, являющихся, по мнению руководства колонии, зачинщиками, вывезены за пределы колонии, и их местонахождение неизвестно.

Пресс-секретарь калининградского УФСИН Регина Ржевцева на просьбу прокомментировать событие заявила, что заключенные таким образом «пытаются расшатать систему» и что прокуратура, приехавшая на место, не нашла никаких нарушений законодательства со стороны руководства колонии.

Омская область

22 октября 2009 года

Отделом по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Омской области **завершено расследование уголовного дела в отношении старшего оперуполномоченного** оперативного отдела федерального бюджетного учреждения «Исправительная колония № 3 УФСИН России по Омской области». Он обвиняется в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159 УК РФ (мошенничество).

Следствием установлено, что оперуполномоченный с целью личного обогащения предложил близким одного из осужденных оказать содействие в решении вопроса об условно-досрочном освобождении за денежное вознаграждение. В феврале 2009 года женщина передала обвиняемому через посредника денежные средства в сумме 25 тысяч рублей, после чего оперуполномоченный был задержан с поличным сотрудниками управления ФСБ России по Омской области.

В настоящее время уголовное дело с утвержденным прокурором обвинительным заключением направлено в суд для рассмотрения по существу.

Свердловская область

29 октября 2009 года

Прокурор Свердловской области Юрий Пономарев *инициировал проверку по факту причинения телесных повреждений четырем заключенным исправительной колонии № 13.*

Прокурорская проверка была инициирована после того, как в ряде СМИ появилась информация об избиении четырех заключенных пени-тенциарного учреждения № 13. При этом ни имена, ни характер якобы нанесенных повреждений, ни даже ориентировочная причина ссоры между заключенными и охраной, которая могла бы повлечь драку, названы не были.

Юрий Пономарев приказал провести всеобъемлющую проверку распространяемой информации и дал указание нижнетагильскому прокурору по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях изучить все обстоятельства дела.

Республика Адыгея

30 октября 2009 года

Заключенные одной из исправительных колоний на территории Адыгеи *применили насилие в отношении сотрудников учреждения в связи с фактом нарушения их прав.*

В ходе проверки было установлено, что некоторые осужденные, длительное время содержащиеся в колонии, неоднократно выводились из камер сотрудниками исправительного учреждения при прокурорских проверках с целью сокрытия допущенных нарушений и воспрепятствования общению осужденных с работниками прокуратуры. Заявления осужденных о переводе в другое исправительное учреж-

дение должностными лицами не принимались и не направлялись адресатам, в том числе в прокуратуру и в аппарат УФСИН РФ по Адыгее.

Все осужденные, незаконно находившиеся в камерах ШИЗО, в ходе проверки освобождены по постановлениям прокурора. При этом при обходе единых помещений камерного типа установлено, что в четырех камерах находились осужденные, у которых имелись многочисленные телесные повреждения. Отсутствовала регистрация факта причинения осужденными телесных повреждений работникам колонии.

В целях устранения выявленных нарушений закона в адрес начальника УФСИН РФ по Адыгее внесено представление. В настоящее время начальник колонии отстранен от должности. Приказом руководителя УФСИН России по республике девять сотрудников исправительной колонии и управления привлечены к дисциплинарной ответственности.

Челябинская область

12 ноября 2009 года

В исправительной колонии № 8 в южноуральской столице **персоналом избиты пятеро осужденных**. Как сообщили родственники осужденных, заключенные поплатились за то, что отказались просить у родственников деньги, чтобы потом передать их на нужды сотрудников пенитенциарного учреждения. Такая практика в местах лишения свободы считается обычным делом, но в этот раз что-то не сработало. Пресс-служба главного управления Федеральной службы исполнения наказаний РФ по Челябинской области очередное ЧП не комментирует.

Ранее сообщалось, что отдел следственного комитета при прокуратуре РФ по УрФО предъявил начальнику ГУ ФСИН Челябинской области Владимиру Жидкову обвинение в совершении преступлений, предусмотренных статьей 316 УК РФ «Укрывательство преступлений», частью 3 статьи 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», частью 2 статьи 292 УК РФ «Служебный подлог» и частью 3 статьи 33 – частью 3 статьи 306 УК РФ («Организация заведомо ложного доноса»). Генерал-лейтенант находится под подпиской о невыезде. Накануне его отстранили от должности. В целом к уголовному делу, возбужденному по факту смерти четверых заключенных в пересыльном пункте копейской колонии № 1, привлечено 18 должностных лиц. Сейчас расследование находится в стадии завершения, следствие продлено до 1 января 2010 года.

Ростовская область

13 ноября 2009 года

Двух заключенных в колониях Ростовской области убили не сотрудники ГУ ФСИН, а сама судебнo-следственная система Российской Федерации. К такому выводу пришли члены общественной наблюдательной комиссии Ростовской области, которые изучили материалы по делу о фактах смерти Элдари Гогуа и Александра Чуйко. **Гибель осужденных стала следствием стихийного несогласия обоих с методами следствия** и с тяжестью вынесенных им приговоров.

Общественники заявляют, что подобное несогласие в местах заключения носит массовый характер. Оно спровоцировано обвинительным уклоном в работе системы МВД и следственных органов страны, а также судов.

Согласно официальным данным, Элдари Гогуа в июле этого года умер в исправительной колонии № 19 Ростова с официальным диагнозом «отек головного мозга в результате туберкулезного менингита». Родные утверждали, что 26-летнего чемпиона России по тайскому боксу администрация колонии просто замучила наказаниями. Большой туберкулезом молодой человек не выдержал прессинга. Он долго и мучительно умирал, лишенный, как утверждают родственники, элементарного медицинского ухода, практически на глазах у бездействующей администрации.

Родные Александра Чуйко также не верят в то, что в августе этого года их Саша повесился в камере.

Тем не менее комиссия в результате расследования пришла к выводу, что официальные сообщения о смерти заключенных соответствуют истине. Но правозащитникам все же удалось докопаться до глубинных причин случившегося. По крайней мере, они так думают...

Республика Коми

17 ноября 2009 года

В исправительной колонии № 29 поселка Нижний Доманик было обнаружено тело повесившегося осужденного.

Тело было найдено в одном из классов профессионального училища, осужденный повесился на трубе отопления. На место была вызвана следственно-оперативная группа УВД города Ухты. В ходе обследования следов насилия не обнаружено.

Следствию предстоит выяснить причину суицида. Погибшему уроженцу Печоры было 24 года. Летом 2004 года был приговорен к семи с половиной годам заключения за мошенничество и разбой.

Между тем, как сообщил пожелавший остаться неизвестным, погибшему оставалось сидеть не больше месяца. По неподтвержденным данным, до самоубийства его довела администрация колонии. Эти сведения в ГУ ФСИН России по РК опровергли, отметив, что «к суициду приводят самые различные причины: от домашних неурядиц до психических расстройств».

В учреждениях ГУ ФСИН России по Республике Коми в 2009 году расстались с жизнью девять осужденных.

Ямало-Ненецкий АО

17 ноября 2009 года

На Ямале в ходе прокурорской проверки следственного изолятора № 1 УФСИН **вскрыты многочисленные нарушения действующего законодательства.**

Установлено, что заключенный, содержащийся в карцере, выполнял ремонтные работы камеры карцера и осуществлял побелку стен. Между тем администрация следственного изолятора оплату труда не произвела.

Кроме того, при проверке карточек осужденных, оставленных в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, установлено, что 3 осужденным заработная плата за один месяц начислена менее 4 тысяч рублей (ниже минимального оклада, который составляет 4 тысячи 300 рублей). Также выявлены факты использования труда осужденных на должностях, не предусмотренных штатным расписанием.

По результатам проверки начальник и 3 ответственных сотрудника следственного изолятора № 1 привлечены к дисциплинарной ответственности.

Челябинская область

17 ноября 2009 года

Заключенные из ИК-8 в Челябинской области **написали заявление о том, что сотрудники исправительной колонии «периодически применяют физическую силу, избивают их, оказывают психологическое давление».** В знак протеста пятеро осужденных съели

крючки от панцирных кроватей и отказались от пищи, сообщили в пресс-службе следственного комитета при прокуратуре Челябинской области. Заключенным была оказана медицинская помощь, их жизнь и здоровье вне опасности.

Следственный отдел по Калининскому району проводит проверку в порядке статей 144–145 УПК РФ по заявлению осужденных о превышении должностных полномочий сотрудниками исправительной колонии. По окончании проверки следственным органом будет принято процессуальное решение.

Напомним, в 2008 году в колонии Копейска в Челябинской области сотрудники ГУ ФСИН избили до смерти четверых заключенных, а затем инсценировали бунт: по распоряжению начальника ГУ ФСИН заявили, что пытались утихомирить взбунтовавшихся осужденных. Начальнику ГУ ФСИН по Челябинской области Владимиру Жидкову было предъявлено обвинение в укрывательстве убийства четверых осужденных. 22 октября 2009 года Жидков отстранен от должности.

Приморский край

20 ноября 2009 года

В ФБУ ИЗ-25/2 **чуть не заморозили несовершеннолетних подозреваемых**. Их держали в помещениях СИЗО, не соответствующих санитарно-эпидемиологическим условиям.

Прокуратурой Приморского края проведена проверка соблюдения законов в деятельности администрации следственного изолятора ФБУ ИЗ-25/2 ГУ ФСИН России по Приморскому краю (Уссурийск). В ходе проверки установлено, что в помещениях, предназначенных для содержания несовершеннолетних, не были созданы надлежащие санитарно-эпидемиологические условия, обеспечивающие охрану их здоровья. В частности, температура воздуха в помещениях оказалась ниже нормативной.

Александр Реймер

[Светлое тюремное будущее]

В условиях развивающихся демократии и рыночной экономики в России до сих пор сохраняется советская исправительно-трудовая система. Все это предопределило необходимость изменения уголовно-судебной и уголовно-исполнительной политики. <...>

В настоящее время прорабатываются предложения о создании такой системы исправительных учреждений, в которую будут входить тюрьмы, колонии-поселения, учреждения для несовершеннолетних. Сегодня во время конференции можно подумать, что это будет – колонии, тюрьмы, центры, лечебные исправительные учреждения.

Отдельно хочу затронуть вопрос о следственных изоляторах, которые не являются исправительными учреждениями, но выполняют функции таковых в отношении определенной категории осужденных и входят в уголовно-исполнительную систему. Изучается вопрос о создании двух видов таких учреждений с разным уровнем обеспечения изоляции и охраны для подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений различного характера и степени общественной опасности. Что же касается собственно исправительных учреждений, то осужденные совершеннолетние мужского пола в зависимости от тяжести совершенного преступления, наличия рецидива и факта отбывания наказания за совершенные ранее преступления в местах лишения свободы будут отбывать наказания в тюрьмах и колониях-поселениях.

А.А. Реймер – директор ФСИН.

Доклад А.А. Реймера на научно-практической конференции по вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы (Москва, 10 сентября 2009 г.) публикуется с незначительными сокращениями. Заголовок – от редакции. Полностью текст доклада опубликован в «Ведомостях уголовно-исполнительной системы», № 10, 2009.

Вероятно, тюрьмы будут подразделяться на два основных вида в расчете на преступников-рецидивистов и лиц, осужденных к лишению свободы впервые. Для осужденных к пожизненному лишению свободы будут созданы отдельные тюрьмы – это практически те колонии особого режима, которые сегодня есть. Осужденные совершеннолетние женского пола, осужденные несовершеннолетние будут отбывать наказание соответственно в учреждениях двух видов режима в зависимости от характера совершенного преступления и вида рецидива. <...> Вообще режим содержания осужденных в исправительных учреждениях, особенно в тюрьмах, должен быть продуман таким образом, чтобы в процессе приема пищи, прогулок, работы, учебы, досуговых мероприятий и т.д. рецидивисты и другие опасные преступники не могли общаться с другими категориями осужденных.

Осужденные к лишению свободы за неосторожные преступления, а также лица, впервые осужденные к лишению свободы за нетяжкие преступления, будут отбывать наказание в колониях-поселениях. Эти учреждения также будут подразделяться на два вида: с усиленным наблюдением и без такового. Основным принципом направления в них осужденных также будет учет тяжести совершенного ими преступления и наличия рецидива. Колонии-поселения с усиленным наблюдением предполагается организовывать как стационарные учреждения, с развитым производством и жизненной инфраструктурой. Колонии-поселения обычного типа предполагается создавать для временного размещения и работы на строящихся или иным образом развивающихся государственных объектах. Вероятно, во многом эти колонии-поселения будут напоминать существовавшие в прошлом спецкомендатуры для отбывания таких уголовно-правовых мер, как условное осуждение с обязательным привлечением к труду и условное освобождение из мест лишения свободы с направлением на стройки народного хозяйства.

Конечно, вовлечение осужденных в общественно-полезный труд потребует совершенствования законодательства в целях создания продуманных организационно-правовых механизмов, позволяющих исправительным учреждениям конкурировать с другими товаропроизводителями. <...> Работа в этом направлении уже начата, и, надеюсь, мы сегодня получим от вас дельные предложения по этому направлению.

Предстоит большая и кропотливая работа по определению, в том числе на концептуальном, организационном и законодательном уровне, какой должна быть новая тюрьма. Необходимо решить вопросы о том, какова норма жилой площади, на сколько человек рассчитана камера, ка-

ков распорядок дня, порядок проведения свиданий, покупки предметов первой необходимости и продуктов питания, порядок привлечения к труду, проведение воспитательной работы, обучение, порядок наложения взыскания и поощрения осужденных. Словом, все то, что в настоящее время понимается под условиями отбывания наказания.

Требуется уточнить и места наиболее оптимального расположения исправительных учреждений. Это очень важно. Это в первую очередь должно лечь на начальников территориальных органов, и от вас мы должны получить предложения – каждый по своему субъекту, а затем – по федеральным округам – и определить, как наиболее целесообразно определить географию расположения наших учреждений. Пока представляется, что тюрьмы следует создавать в первую очередь на базе существующих исправительных колоний, не имеющих развитого производства, а там, где есть развитое производство, организовывать колонии-поселения с усиленным наблюдением. Еще раз повторяю, что география расположения учреждений требует особого внимания. В связи с этим поручаю Научно-исследовательскому институту информационных и производственных технологий ФСИН России разработать типовой проект по перепрофилированию исправительной колонии в тюрьму и в колонию-поселение, исходя из лимита наполнения по 1000 человек в каждом учреждении. Научно-исследовательскому институту ФСИН России поручаю подготовить научно обоснованные расчеты численности персонала исправительных учреждений всех видов с перспективами его сокращения за счет внедрения современных форм, методов и технологий, строительства, оборудования, охраны и контроля, причем контроля не только за осужденными, но и за персоналом.

Должен акцентировать ваше внимание на том, что это положение незыблемо, и мы будем его добиваться. Отношение отдельных руководителей к этому подходу, что проблему надо решать только путем увеличения штатной численности, приниматься не будет. Когда я первый раз поставил задачу просчитать примерное необходимое количество штатной численности, мне доложили, что ее нужно увеличить на 76 тыс. единиц, когда завернул – доложили второй раз – на 72 тыс., завернул третий раз – на 31 тыс., в четвертый раз – уже приближается к нулю. <...>

Для решения вопроса о создании тюрем следует иметь в виду требования Генеральной прокуратуры РФ о том, что территория тюрьмы должна быть надлежащим образом обособлена, иметь собственную линию охраны и отдельный контрольно-пропускной пункт. Начальникам территориальных органов необходимо лично организовать и лич-

но контролировать работу подчиненных им служб и учреждений по перечисленным направлениям, имея в виду то, что к моменту принятия нового законодательства мы должны иметь исчерпывающее представление о том, каким образом будем реализовывать на практике требование закона.

Так, по линии охраны и инженерно-технического обеспечения необходимо определиться, что конкретно необходимо сделать и в каких объемах при перепрофилировании исправительных учреждений в тюрьмы. При этом необходимо максимально использовать уже имеющиеся средства охраны и надзора, а также интегрированные системы безопасности, продолжать работу по внедрению инновационных технологий. Переход от колоний к тюрьмам объективно означает существенное изменение условий содержания осужденных, поэтому потребуются качественно новый уровень охраны и надзора, включая дистанционное блокирование помещений, внедрение технического видеодокументирования происшествий в тюремных помещениях, совершенствование тактики применения силы и средств при пресечении преступлений и возникновении чрезвычайных обстоятельств, а также оптимизации служебной нагрузки на личный состав.

Следует проработать вопрос корректировки мероприятий, проводимых в рамках государственной программы вооружения, федеральной целевой программы развития уголовно-исполнительной системы, ведомственной целевой программы повышения уровня технической безопасности объектов уголовно-исполнительной системы, а также проекты государственной программы вооружения на период до 2020 года и внести соответствующие предложения.

Учитывая масштабность реформирования системы исправительных учреждений, в целях детальной проработки конкретных вопросов в создании новых учреждений считаю необходимым на базе конкретных учреждений осуществить так называемые пилотные проекты тюрем и колоний-поселений, причем всех видов, по результатам которых можно внести определенные корректировки наших действий по решению поставленных задач. <...>

Должны быть приняты во внимание также результаты завершаемого в декабре этого года в колонии-поселении УФСИН России по Воронежской области эксперимента по применению электронной системы мониторинга и слежения за осужденными. Здесь используются браслеты израильского производства. Сегодня есть образцы, производимые в Пермской области, которые по отдельным моментам более качественные, чем израильские, и, соответственно, их производство в на-

шей стране и применение ФСИН России обходится дешевле, чем импортные. Прежде чем кидаться за импортными образцами, давайте разберемся, есть ли у нас свое производство в стране такого вида продукции. Предварительные результаты этого пилотного эксперимента свидетельствуют об эффективности данного направления деятельности, поскольку уменьшается нагрузка на персонал при одновременном увеличении возможности осуществления контроля за поведением большего числа поднадзорных, экономятся финансовые средства. <...>

Пока мы обсуждаем в основном перспективы дальнейшего развития, но не следует забывать, что уже сегодня в рамках действующего законодательства можно осуществить мероприятия, отвечающие характеру и духу предстоящей реформы. Например, это касается раздельного содержания в местах лишения свободы рецидивистов и впервые осужденных. Согласно ч. 2 ст. 80 УК РФ, лица, впервые осужденные к лишению свободы, содержатся отдельно от осужденных, ранее отбывавших лишение свободы. Однако на практике требования закона не исполняются. Я предупреждаю, с сегодняшнего дня объяснение о том, что это сделать невозможно, не принимается. В Челябинской области этот вопрос решен. По согласованию с органами прокуратуры пошли по пути разделения существующих исправительных колоний общего и строгого режима на учреждения, предназначенные для раздельного содержания указанных категорий осужденных. <...>

То же относится и к переводам из исправительного учреждения одного вида в исправительное учреждение другого вида, предусмотренное ст. 78 УК РФ. Сам по себе институт перевода нуждается в дальнейшем совершенствовании с тем, чтобы максимально исключить возможности для коррупции. Уже сегодня Федеральный закон от 10.06.2008 № 76 «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» позволяет привлекать к решению вопросов о переводе членов общественных наблюдательных комиссий, чем и нужно пользоваться.

Перепрофилирование исправительных учреждений, следственных изоляторов, перестройка уголовно-исполнительной политики требуют кадрового обеспечения, подготовки к работе в новых условиях во вновь создаваемых тюрьмах и колониях-поселениях, социальной защищенности персонала учреждений. В этой связи стоят задачи разработки научно обоснованных нормативов штатной численности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, потребуется изменение структуры обучения сотрудников в плане расширения воз-

возможности для организации обучения персонала реорганизуемых учреждений по программам дополнительного профессионального образования, профессиональной переподготовки и повышения квалификации, в том числе по специальностям, по которым подготовка специалистов сегодня не осуществляется, таким, как, например, в сфере охраны и конвоирования.

Предполагается целесообразным рассмотреть вопросы: специализации учебных заведений ФСИН России, исключая территориальный принцип их комплектования; разработки новой и переработки действующей нормативно-методической и учебно-методической документации в организации учебно-воспитательного процесса и высшего и дополнительного профессионального образования службы ФСИН России; обеспечения повышения статуса сотрудников. Реформирование уголовно-исполнительной системы должно быть подкреплено научно обоснованными выкладками и решениями.

В этой связи от Научно-исследовательского института ФСИН России, других научных и учебных учреждений требуются: глубокая, на основе анализа отечественного и зарубежного опыта деятельности пенитенциарных систем, проработка и анализ проблем системы; прогнозирование криминологических, социально-экономических и иных последствий вносимых предложений; выработка и внедрение в практику современных методов и форм работы с осужденными; пересмотр планов научной деятельности. Особо подчеркиваю, что сегодня львиная доля научных исследований для практики равна нулю, в том числе дистанционные исследования. Необходимо развивать прикладную составляющую науки. Наука должна работать на практику, а не существовать сама для себя. <...> В ноябре текущего года запланировано важное мероприятие – всероссийская перепись осужденных. НИИ, начальники главных управлений и управлений по субъектам Российской Федерации должны обеспечить высокое качество ее проведения и обработки собранных данных, получение достоверных данных переписи осужденных. Это будет та уникальная информационная база, которая позволит с высокой степенью точности решать вопросы, связанные с реформированием уголовно-исполнительной системы.

Реформирование системы не может рассматриваться как наше внутреннее дело. Поэтому при решении многих вопросов, особенно связанных с созданием рабочих мест, воспитательным процессом, социальной реабилитацией осужденных, необходимо обеспечить самое тесное взаимодействие с органами исполнительно-законодательной власти как на федеральном уровне, так и в субъектах Российской Фе-

дерации. Большую помощь в этой работе могут оказать общественные объединения, Общественная палата Российской Федерации, Общественный совет при службе, общественные советы при территориальных органах системы и религиозные организации. Отдельные направления работы как в Центре, так и в субъектах Российской Федерации, как то: изучение и формирование общественного мнения о проводимых уголовно-исполнительной системой преобразованиях, понимание общественностью наших проблем и наших действий, помогут нам достичь поставленных целей.

Изложенное позволяет констатировать, что предстоит большая ответственная работа. Для ее выполнения руководители служб центрального аппарата, территориальных органов должны, в первую очередь сами для себя, четко представлять масштабы и цели реформирования, мобилизовать личный состав на их безусловное выполнение. <...>

Реорганизация системы учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы

Исходными положениями реформирования системы учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, являются:

- максимальная дифференциация исполнения наказания в виде лишения свободы в зависимости от личности осужденного и степени общественной опасности совершенного преступления;
- переход к содержанию осужденных к лишению свободы в условиях тюрьмы, что предполагает:
 - а) покамерное размещение осужденных (до 4 человек в камере);
 - б) исключение общения между осужденными, содержащимися в разных камерах на протяжении всего срока отбывания наказания;
 - в) привлечение осужденных, отбывающих наказание в тюрьме, к труду, исключающее общение между осужденными, содержащимися в разных камерах;
 - г) дифференциация и индивидуализация применения мер поощрения и взыскания к осужденным с учетом вводимого принципа их покамерного размещения.

Таким образом, система исполнения лишения свободы должна быть представлена следующими видами учреждений:

- 1) исправительные учреждения открытого типа, к которым относятся:
 - а) колонии-поселения;
 - б) колонии-поселения с усиленным наблюдением;
- 2) исправительные учреждения закрытого типа, в числе которых:

¹ Из сборника: Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект. Под общ. ред. А.А. Реймера. М.; Рязань: Академия ФСИН России, 2009. 72 с.

- а) воспитательные центры для несовершеннолетних;
- б) лечебные исправительные учреждения;
- в) лечебно-профилактические учреждения;
- г) тюрьмы для женщин, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, а также ранее осуждавшихся к лишению свободы;
- д) тюрьмы общего режима трех категорий для мужчин: категории «А», категории «Б», категории «В»;
- е) тюрьмы усиленного режима;
- ж) тюрьмы особого режима.

В исправительных учреждениях открытого типа (колонии-поселения и колонии-поселения с усиленным наблюдением) осужденные содержатся без охраны, но под надзором администрации.

В колониях-поселениях отбывают наказание лица, совершившие преступления по неосторожности и ранее не отбывавшие наказание в виде лишения свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, против общественной безопасности, разбойные нападения, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также совершившие умышленные преступления небольшой и средней тяжести и ранее не отбывавшие наказание в местах лишения свободы. Осужденные размещаются в комнатах общежитий по 4–6 человек, имеют правовой статус и условия содержания, определенные действующими нормами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

В колониях-поселениях с усиленным наблюдением отбывают наказание остальные лица, совершившие преступления по неосторожности, а также лица, совершившие преступления небольшой и средней тяжести и ранее осуждавшиеся к наказаниям, не связанным с лишением свободы, за умышленные преступления. По решению суда с учетом характера преступления и данных о личности осужденного в колонии-поселения с усиленным наблюдением могут быть направлены лица, осужденные впервые за тяжкие преступления в сфере экономической деятельности, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, преступления в сфере компьютерной информации, преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Кроме того, в колониях-поселениях с усиленным наблюдением могут отбывать наказание лица, впервые осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, а также впервые осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких

преступлений на срок не более шести лет по отбытии не менее трети назначенного наказания.

В колониях-поселениях с усиленным наблюдением осужденные размещаются покамерно с соблюдением принципа раздельного содержания осужденных (мужчины отдельно от женщин, больные различными инфекционными заболеваниями от здоровых осужденных, впервые осужденные от ранее отбывавших лишение свободы), установленного ст. 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, по 4–6 человек, имеют правовой статус и условия содержания, определенные действующими нормами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. В часы от подъема до отбоя осужденным разрешается свободное передвижение в пределах границ территории колонии-поселения с усиленным наблюдением, а равно за ее пределами, если этого требует характер выполняемой ими работы, учебы, реализации иных прав и законных интересов, предусмотренных законом.

В воспитательных центрах отбывают наказание несовершеннолетние осужденные к лишению свободы, а также осужденные, оставленные в воспитательных колониях до достижения ими 20 лет с соблюдением соответствующих условий охраны и надзора. Предположительно воспитательные центры будут разделены на две категории. В воспитательных центрах первой категории (общего режима) отбывают наказание несовершеннолетние, впервые осужденные к лишению свободы. В воспитательных центрах второй категории (усиленного режима) отбывают наказание несовершеннолетние, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы.

В лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях отбывают наказание осужденные, указанные в ч. 2 ст. 101 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Лечебно-профилактические учреждения выполняют функции исправительных учреждений в отношении находящихся в них осужденных. В лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях могут создаваться изолированные участки, функционирующие как исправительные центры. Порядок создания указанных участков определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

В тюрьме общего режима категории «А» отбывают наказание мужчины, впервые осужденные к лишению свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений.

В тюрьме общего режима категории «Б» отбывают наказание мужчины, осужденные за преступления небольшой и средней тяжести, ранее осуждавшиеся к лишению свободы за преступления небольшой или средней тяжести, а также совершившие преступления небольшой или средней тяжести в колониях-поселениях.

В тюрьме общего режима категории «В» отбывают наказание мужчины, осужденные за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы, а также осужденные за преступления небольшой или средней тяжести, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы за тяжкие или особо тяжкие преступления.

В тюрьме усиленного режима отбывают наказание мужчины, ранее не менее двух раз отбывавшие лишение свободы за совершение умышленных преступлений, и вновь осужденные за совершение тяжких или особо тяжких преступлений.

В тюрьме особого режима отбывают наказание мужчины, отбывающие пожизненное заключение, а также совершившие тяжкое или особо тяжкое преступление в период отбывания лишения свободы в тюрьме.

Предполагается, что лимит наполнения тюрьмы общего режима не должен превышать 1500 осужденных, тюрьмы усиленного режима – 1000, тюрьмы особого режима – 500 осужденных. По самым ориентировочным оценкам, жилая площадь тюрьмы общего режима с лимитом наполнения 1,5 тыс. человек должна при планируемых социальных и санитарных нормах быть не менее 6 тыс. м², а общая площадь тюремных помещений – с учетом этажности зданий, особенностей и специфики их планировки и состояния внутренней инфраструктуры – не менее 12–15 тыс. м². Указанные пропорции, отражающие взаимосвязь площади тюремных помещений с численностью и условиями отбывания наказаний содержащихся в них осужденных, способны лежать в основе предварительной оценки искомых величин в учреждениях остальных категорий. Так, для тюрем усиленного режима жилая площадь может составлять не менее 4 тыс. м², а для тюрем особого режима – 2 тыс. м².

Учитывая необходимые требования санитарных норм и правил, предъявляемых к строительству гражданских и жилых объектов, и иные объективные факторы и условия, касающиеся проектирования тюремных помещений, можно предположить, что общие площади этих учреждений способны находиться в пределах 8–10 тыс. м² и 4–6 тыс. м² соответственно.

В тюрьмах осужденные содержатся в камерах (до четырех человек в каждой). При этом предполагается выделение изолированных блоков

(карантинный блок, блоки для содержания осужденных и адаптационный блок; см. приложение 3). Кроме того, в каждом блоке предусматривается создание секторов для реализации основных средств исправления осужденных, их прав и потребностей (секторы социально-психологической работы, секторы отдыха, рабочие секторы, коммунально-бытовые, приема пищи и т. п.). Каждая камера в обязательном порядке оборудуется индивидуальным спальным местом, шкафом для одежды и белья, радиоточкой, санузлом и умывальником. Телевизор, аудио-, видеотехника приобретаются по желанию и за счет средств осужденного.

Осужденные, отбывающие наказание в тюрьмах особого режима, находятся в условиях постоянной изоляции с предоставлением возможности реализации их прав и законных интересов согласно требованиям соответствующих статей Уголовно-исполнительного кодекса РФ и иных нормативных правовых актов.

К осужденным, содержащимся в исправительных учреждениях, применяются меры поощрения и взыскания, определенные положениями Уголовно-исполнительного кодекса РФ. При этом в колониях-поселениях обоих видов предусматривается создание штрафных изоляторов, в воспитательных колониях – дисциплинарных изоляторов, в тюрьмах – карцеров с одиночным содержанием до 15 суток и блоков усиленного режима, в которые переводятся осужденные, признанные злостными нарушителями режима, на срок до шести месяцев с содержанием до 4 человек в камере (как прообраз помещений камерного типа).

Ввиду внедрения системы покамерного содержания осужденных в тюрьмах предполагается упразднение института изменения вида исправительного учреждения в качестве меры взыскания.

Переход на камерную систему содержания осужденных не исключает возможности привлечения их к труду. Усовершенствованные условия содержания обуславливают необходимость дифференцированного подхода к реализации данного средства исправления. В частности, предполагается полная или частичная занятость осужденных на имеющемся производстве, организуемая в рабочих камерах, оборудуемых в блоках для проживания осужденных.

На первом этапе отбывания наказания (предположительно до трех месяцев) осужденные содержатся в камерах в условиях максимальной изоляции с возможностью вывода только на прогулку в целях осмысления и раскаяния в содеянном преступлении, определения психологической совместимости осужденных при последующем распределении по камерам, а также психологического и физиологического восприятия уголовного наказания.

На втором этапе осужденным предоставляется возможность реализации их прав и законных интересов, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством (прогулки, свидания, телефонные переговоры, получение и отправление посылок, передач, бандеролей, денежных переводов и т. п.). При этом объем указанных правомочий дифференцируется в зависимости от поведения осужденного.

На третьем этапе (за шесть месяцев до освобождения) осужденный с учетом его отношения к основным средствам исправления в период отбывания наказания (за исключением лиц, содержащихся в тюрьмах особого режима) может быть переведен в адаптационный блок, где ему предоставляются: право передвижения без конвоя, проведение длительного отпуска с выездом за пределы исправительного учреждения, увольнение за пределы исправительного учреждения в выходные и праздничные дни и др.

Эффективность реформирования уголовно-исполнительной системы по предложенной модели зависит от оперативности рассмотрения и принятия законов, регламентирующих социальную адаптацию лиц, отбывших уголовное наказание, и установление за ними мер постепенного контроля специализированным государственным органом. Одним из проблемных вопросов остается отсутствие механизма контроля за лицами, освобожденными досрочно от отбывания лишения свободы. В связи с этим актуальной задачей является дальнейшее развитие системы уголовно-исполнительных инспекций с их последующим преобразованием в службы пробации, исполняющие наказания, альтернативные лишению свободы, и осуществляющие пред- и постепенный контроль (контроль за условно осужденными, условно-досрочно освобожденными и административный надзор).

Совершенствование механизма условно-досрочного освобождения от отбывания наказания

Позитивная оценка института условно-досрочного освобождения дается всеми специалистами без исключения. В основе такого единодушия лежит тот очевидный факт, что возможность досрочного освобождения от наказания является сильнейшим стимулом к исправлению осужденного, то есть способствует скорейшему достижению целей наказания, предусмотренных законом. В силу этого бесспорна необходимость существования данного института в УК РФ. Проблема заключается в том, чтобы его законодательная регламентация позволяла оценить условно-досрочное освобождение от отбывания наказания как справедливое и гуманное средство и эффективно его использовать.

Сложность применения на практике условно-досрочного освобождения заключается не только в большом количестве образующих его элементов, но и главным образом в том, что их фактическое содержание значительно шире и полнее буквального выражения в законе, нормы которого в ряде случаев недостаточно разработаны и в некоторой степени противоречивы. Определенное влияние оказывает чрезвычайное многообразие практических ситуаций, в которых применяется законодательство об условно-досрочном освобождении, а также то, что применение его связано с другими институтами уголовного права, такими как множественность преступлений, судимость и т. п.

Принятие решения об условно-досрочном освобождении должно основываться на правильной оценке личности осужденного. Установление факта отсутствия необходимости полного отбывания наказания для применения условно-досрочного освобождения представляет собой познание личности осужденного, выявление соответствия ее внешних положительных проявлений внутреннему содержанию, тем новым качествам, которые осужденный приобрел под влиянием исполняемого наказания. Это имеет важное значение, поскольку каждый осужденный должен точно знать, какое поведение должно служить безусловным основанием для применения к нему условно-досрочного освобождения. Однако законодатель не закрепил в ст. 79 УК РФ критерии, свидетельствующие о процессе исправления осужденного (примерное поведение, отношение к труду и т. д.), что осложняет работу правоприменителя. Часть 1 ст. 79 УК РФ содержит расплывчатую формулировку характеристики поведения осужденного, необходимого для его условно-досрочного освобождения: «если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания».

Решение о применении условно-досрочного освобождения должно быть принято при наличии устойчивого правопослушного поведения, под которым следует понимать поведение осужденного и его отношение к исполнению обязанностей, дающие основание полагать, что после освобождения он не совершит нового преступления. Критериями оценки правопослушного поведения могут являться, в частности, соблюдение требований режима отбывания наказания, количество и характер поощрений и взысканий, отношение к труду и т. д.

На основании изложенного представляется необходимым изложить ч. 1 от. 79 УК РФ в следующей редакции:

«1. Лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобож-

дению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. При признании осужденного исправившимся и не нуждающимся в полном отбывании наказания суд должен руководствоваться данными о его положительном поведении, полном или частичном возмещении ущерба или заглаживании вреда, причиненного преступлением, наличием постоянного места жительства, возможности реального трудоустройства после условно-досрочного освобождения и иными обстоятельствами, положительно характеризующими осужденного. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания».

КОМИТЕТ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА

**межрегиональная общественная благотворительная
правозащитная организация**

Адрес для писем: 127562, г. Москва, ул. Санникова, 7–21.

Адрес приемной: 129224, г. Москва, пр-д Шокальского, д.61, к.1.

Телефон/факс: 478-95-15, 478-08-47.

Прием граждан строго по записи, которая производится по указанным телефонам.

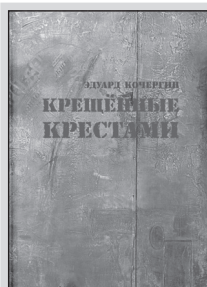
Председатель – Бабушкин Андрей Владимирович.

Ответственный секретарь – Габисов Валерий Георгиевич.

Исполнительный директор – Воробьев Д.В.

Пресс-служба – zagrorg@yandex.ru

Адрес сайта <http://zagr.org>

Эдуард Кочергин
Крещённые крестами: Записки на коленках.
 СПб.: Вита Нова, 2009. 272 с., 51 ил.

[Главы из книги]

Несолоно хлебавши

Бежал я удачно только на второй год пребывания в молотовском приемнике. Первоначально по старой моей схеме: на товарняке. Но товарняк мой где-то на границе с Удмуртией стал. Мне удалось почти на ходу вскочить в пассажирский поезд, шедший на Ижевск, и опять snykаться в кочегарке. В ней я преодолел несколько остановок до станции Чепца. На ней лягашка-кондукторша заметила меня, выходящего из закрытой кочегарки. Слава богу, что произошло это, когда поезд остановился у платформы, и мне удалось смыться из-под ее рук с выходящими пассажирами.

Пробившись через массу людей с мешками, корзинами, чемоданами к концу платформы, я было почувствовал себя в безопасности, как вдруг кто-то схватил меня за запястье. Я обернулся и увидел крепко держащего меня рябого человека неопределенного возраста – не молодого и не старого, который, обращаясь к двум другим дядькам, сказал:

– Смотри-ка, какой форточенок подходящий. От кого летишь, оголец? Не бойсь, не бойсь, не обидим. А откуда выдру-то достал?

В спешке и в суматохе моего бега я забыл snykать поездной ключ, и он предательски торчал у меня в правой руке, зажатой клещами рябого.

– А ну, отдай-ка мне это вещественное доказательство, шкет.

«Во влип-то, не повезло крепко», – почему-то без всякого страха подумал я. Дядьки не похожи были на ментов, даже переодетых.

– Пора канать отсюда, не то на тебя, как на живца, мухоморов нашьют и нам всем баранки накрутят, – произнес старший, отойдя порядочно от вокзала. Рябой обратился ко мне:

– Давай знакомиться. Откуда сбежал-то, Спирька, и куда бежишь?
– Бегу из челябинского детприемника к матке в Питер.
– Давай, оголец, приходишь к нам, в нашей работе такой складной пацаненок, как ты, пригодится.

Так, неожиданно, я оказался поначалу обласканным, а затем повязанным с кодлой поездушников-скачков-майданников¹ в качестве «резинового-складного» пацанчика, который мог засунуться в любую щель, не говоря уже о собачьем ящике (в ту пору во многих старых вагонах существовали такие остатки прежнего сервиса). С этими тремя дядьками, несшими за спиной по хорошему сидору, обойдя стороной станцию, вышли к реке и по берегу притопали на край малой заросшей деревушки, где и приютились в сторонней солидной, со всеми атрибутами – русской печкой, сеньями, горницей, с красной геранью, – избе. Встретила нас добрая тетенька Василиса.

– Знакомься с прибавком, Вася, на станции обнаружили «пионера» с выдрой в руках, во как! Придется взять в семью и учить подворыша шлиперскому² уму-разуму.

Вот так после всех моих разнообразных учений я, несолоно хлебавши, стал осваивать один из самых опасных видов воровского заработка – майданно-поездушный.

Трижды пришлось мне встречать в промысел скачков в качестве резины-форточонка или «крана» – помоганца-гаврика в разных местах эсэсэсэрии по моему кривому маршруту на родину. Трижды меня могли выкинуть с поезда под откос рассвирепевшие пассажиры, но Бог миловал. С другой стороны, вряд ли я обошел бы этот промысел стороной при моем нелегальном бесплатном шестилетнем движении из Сибири на запад по нашим железным дорогам да при этом без грошей. Во все случаи моего служения шлиперскому делу посвящать вас не стану, но про обучение и первые мытарства в нем попытаюсь рассказать.

Школа скачка-поездушника

Обучали, то есть натаскивали меня, как собачонку, все трое. Шеф кодлы – Рытый, или Батя, – из них самый опытный и хитрый мастер, второй помощник – Пермьяк и третий – Антип. Попал я к ним, очевидно, в их «отпуск». И они по восемь–десять часов в сутки мутузили меня. Что только ни делали со мной: с утра, кроме всех бегов, приседаний, отжимов, зас-

¹ Майданник – поездной вор (*блатн.*).

² Шлипер – вор (*блатн.*).

тавляли по много раз складываться в утробную позу, причем с каждым днем сокращая время, пока не добились буквально секундного результата. Затем вдвоем брали меня за руки за ноги, раскачивали и бросали с угорья вниз под откос. На лету я должен был сложиться утробой и плавно скатиться по траве шариком. Учили мгновенно превращаться в пружину и, с силой отталкиваясь от ступени крыльца-подножки, прыгать вперед, на лету складываясь в зародыша. Упаковывали меня в огромный ватник, на голову нахлобучивали и завязывали зимний малахай и колошматили по мне кулаками, заставляя отбиваться. Чем быстрее я отвечал им сопротивлением, тем похвальнее. Добивались одновременной, а лучше опережающей реакции с моей стороны. В конце концов после многочисленных посинений я начал звереть раньше побоев. Они добились своего: выработали у меня мгновенную реакцию. После такого обучения за всю последующую жизнь никто не поспевал меня ударить: я либо быстро выворачивался, либо бил первым.

Научили ближнему воровскому бою, то есть приемам защиты и одновременно отключению нападающего: противник думает, что он мною уже овладел, прижал к стенке, но вдруг сам неожиданно падает на землю, на время лишаясь памяти. Такой древний воровской прием – одновременный удар локтем в сердце и костяшками кулака в висок – называется «локоть»: это расстояние у человека природа сделала равным локтю.

Обучили пользоваться нож-финку, держать ее правильно, по-воровски, и перебрасывать за спиной, когда нападающий пробует выбить ее из рук. Научили ловко и незаметно ставить подножки, перекидывать преследующего мента или кого другого через себя при кажущемся падении и многому другому.

Научили идеально упаковывать вещи, складывать рубашки, пиджаки, брюки так, чтобы они занимали минимальное место в воровской поклаже. Научили ловко скручивать простыни, полотенца, белье для сохранения товарного вида после раскрутки.

Большая часть упаковки, в том числе краденые «углы»-чемоданы, выбрасываемые с поезда, как вещественное доказательство сжигалась или оставлялась в каком-либо схроне – кустарнике, канаве, овраге, а содержимое складывалось и скатывалось в мешки-сидоры из парусины защитного цвета (чтобы не привлекать внимания людей) и в таком виде доставлялось в «ямы» (места хранения) или «хазы» в руки законных каинов – скупщиков краденого.

Условия работы

Профессия скачка-маршрутника требовала не только ежедневных тренировок, но и холодного расчета, смекалки, наблюдений, разведки.

Во-первых, необходимо было наизусть выучить расписание движения поездов. В сталинские годы пассажирские поезда ходили четко, не опаздывая. Во-вторых, поездушники хорошо знали все географические особенности маршрута – все виражи, повороты, заставляющие поезда двигаться медленнее, все подъемы на высоты и спуски с них, где поезда также понижали скорость. Знали, в какое время тот или иной состав будет проезжать эти места. Предпочитали поезда, которые проходили в нужной географии ночью. При посадке пассажиров наблюдали, кто с чем в какой вагон садится, и намечали два-три объекта для «кормления». Воры знали, в какое время на каком маршруте контролеры проверяют проездные билеты. Никогда не начинали работать сразу после посадки. Давали кондуктору и вагону время успокоиться, залечь, заснуть. И только потом начинали действовать.

Поначалу отсиживались в тамбурах или кочегарках в конце состава. Выдры-отмычки имели всех типов. Когда поезд покидал станцию и набирал скорость, с нужной паузой проходили в намеченные вагоны по крышам, чтобы лишний раз ни перед кем не засвечиваться. Такой номер назывался «перейти по хребту крокодила». Иногда этот трюк проделывался с чемоданами. В ту пору закрытых переходов – кожаных диафрагм, как в современных пассажирских поездах, еще не было. И при ловкости им ничего не стоило мгновенно забраться на крышу или в полной темноте при движении эшелона перейти по бамперам и крюкам подвески из вагона в вагон, по ходу вскрыть торцевую дверь.

Засветившись на маршруте Кауровка-Мулянка между Свердловском и Молотовом, когдла скачков переезжала в другую область, где у них тоже все было отработано. Запомнилось, что по маршруту Молотов–Киров они имели три ямы-хавиры. В одной маруху прозывали Косой Матреной, во второй – Ганькой-торопышкой, а в третьей – просто Фроськой.

Работа

Перед началом операции один из скачков – антип (самый незаметный) – производил разведку: проходил сквозь выбранные во время посадки вагоны и выяснял, где больше поживы, кто едет, каков кондуктор, нет ли ментов... Маршрутники «распечатывали» намеченный для работы вагон, то есть открывали все двери с обеих сторон. В том числе и торцевые. первым в вагон входил главный спец – пахан скачков, самый

опытный вор. Он на глаз определял, как лучше брать. Ловко, без звуков вытаскивал «углы» из-под полка или доставал их с полка и выставлял в проход. Второй шел мимо и, подхватив вещи, выносил их в противоположный от кондуктора-лагаша тамбур. Главный обрабатывал сонников в следующем купе и, если оно намечалось последним, третий атасник, всю дорогу бывший у двери кондуктора, проходя, забирал и этот товар. Все действия скачков поражали абсолютной выверенностью. К концу операции змея поезда входила в поворот или забиралась на гору, сбавляя скорость. Воры распахивали входные двери, бросали под откос чемоданы, баулы, мешки и вслед за ними прыгали сами.

Много позже, оформляя номера и программы в цирке, я часто вспоминал моих скачков. Они спокойно могли бы работать на арене фокусниками, силовыми акробатами, прыгунами, эквилибристами, ходили бы по канату. Такие подвиги им были бы нипочем. Тогда в пассажирских вагонах деревянные стенки купе доходили только до третьих полков, а верхнее пространство между ними разделяла металлическая труба. Я, будучи подворышем, по третьим полкам проникал в нужное купе, пролезая спокойно между трубой и полкой, спихивал чемодан с полки вниз. Его ловил проходящий скачок, причем ловил в обхват, без звука и исчезал с ним из вагона. Второй, проходящий мимо, забирал меня на свои плечи, превращая в «кран». В другом купе на плечах нижнего «силового акробата» я двумя руками сдвигал баул тоже с третьей полки и отправлял вниз. Вернувшийся скачок на лету подхватывал его и уносил в противоположном направлении. Причем все это происходило невероятно быстро. Без специальной подготовки такие трюки сделать было невозможно. Как и цирковое дело, эти воровские приемы требовали длительных тренировок и колоссальной сосредоточенности. Со стороны, ежели оценивать специальность маршруточников, то, пожалуй, она может показаться даже романтической, но меня такая романтика никак не привлекала. Да еще Антип стал приставать ко мне со всякими непотребными нежностями, и перед Кировом я растворился в пространстве. То есть исчез с глаз долой, оборвался: был я, и нет меня. Недаром имел кликуху Тень. Хватит, и так они пасли меня три месяца. В Кирове сдался государству и был отправлен в местный детприемник.

На север

Про кировский ДП, пожалуй, сказать особенного ничего не смогу. Ни хорошего, ни плохого. Да и в памяти моей осталось от него что-то серое. Под конец пребывания, то есть к следующему лету, подружился я там с пацанчонком из Архангельской области по кличке Буба. С

ним-то и бежал. Кликуху такую пацан заработал тем, что учил уроки вслух – бубнил. Предки его были лесосплавщиками. Почему их выселили первоначально в Сибирь, а затем на Урал, Буба не мог сказать. Отец его погиб в штрафбате под Курском. Матери с двумя малолетками позволили вернуться на родину, а Бубу по непонятным причинам сдали коптеть в кировский детприемник. С тех пор он спал и видел свою архангелогородчину. Он-то и уговорил меня драпануть с ним на север в Устьянский край к лесорубам, а уже оттуда через Вельск-Вологду дунуть на Питер.

Короче, как всегда, свалили мы из ДП с приходом тепла – в середине мая. Перед этим неплохо подготовились – накопили в двух схронах сухарей, сахару, соли и пропали, провалились, смылись.

Опыт моих нескольких бегов пригодился. Мы рванули в обратную сторону от станции к путям, где формировались грузовые составы, направлявшиеся на север. Один из них, состоящий из нескольких рабочих теплушек с металлическими печными трубами на крышах и большого количества платформ, загруженных мостовыми фермами, стоял уже под парами. Для нас – лучший вариант, какой только мог быть. Нам надобно быстрее исчезнуть из города. Обойдя состав с обратной стороны, мы двинулись к теплушкам, надеясь найти хотя бы одну открытую и пустую, но таковой не оказалось. Из двух работных вагонов доносились разговоры. Буба, приставив ухо к стенке теплухи, вдруг сообщил мне:

– Слышишь, они бают по-нашему..

– Ну и что? Все говорят по-нашему!

– Да нет, по-северному, как моя мать, как я сам. Эти люди – архангельские. Хочешь, я с ними поговорю?

– Нет, Буба, погоди – опасно. Давай еще пошукаем, где сныкаться можно. Когда отъедем на хорошее расстояние, тогда и тараторь на своей архангельской фене. Нас здесь уже ищут.

Пока говорили, состав дернулся, и нам ничего не оставалось, как вскарабкаться на платформу с фермами и засесть за бревенчатыми опорами, на которых они стояли. И только мы успели все это проделать, как поезд снова рванулся и медленно-медленно пополз вперед.

Поезд двигался на север в сторону Котласа. На два первых часа мы с Бубой застыли и не высывались, но к вечеру стало прохладней, и боязнь замерзнуть заставила нас хоть как-то обустроиться на ночь. Обшарив всю территорию платформы, обнаружили много сосновой щепы и только. Опоры под фермы, очевидно, рубили прямо на месте. Мы сгребли всю щепу к срубам передней опоры. Сделав из нее гнездо-

вище, забралась внутрь его и привалилась к срубам. Он защищал нас от ветра, но не от холода. Ночью из-за холода почти не спали. Поспать удалось утром, когда нас чуть пригрело солнцем. Поезд шел довольно скоро, почти без остановок. Проснувшись, поели и уснули снова в полном спокойствии – для вятского начальства мы уже недосыгаемы.

Разбудили нас два дядька в железнодорожных фуражках и робах с вопросами:

– Кто такие? Как сюда попали? Куда едете?

Поезд стоял на каком-то разъезде у небольшой реки. Дядьки из работных вагонов обходили платформы с проверкой – все ли в порядке, и обнаружили двух спящих цуциков под фермами в дурацком гнездовище из щепы. Говорили дядьки по-архангелогородски: с вопросительной интонацией в конце предложения. Буба с той же интонацией по их фене донес им, что рождением он с реки Устьи-Ушьи и едет к матке с сестрою и братиком, что батя его погиб под Курском, на дороге денежков нет, а я, его дружок, совсем без отца и матери, оттого он пригреет меня в своей деревне, если дядьки не погонят.

Мы замолились им, чтобы не гнали нас, а провезли до Котласа и сдали там милиции, коли так положено. А мать с Бестожево приедет да заберет – там недалече.

– Дак ты с Бестожево? У нас с тех мест техник – второй начальник. Вон там на реке раков ловит. Выбирайтесь из своего гнездовища и дуйте к нему.

Техник оказался из Шангалы, что по дороге на Вельск от Котласа. По местным расстояниям село Бестожево от станции близко – всего километрах в шестидесяти. Шангалец пообещал разжалобить начальника инженерного относительно нашего путешествия.

Вечером нас пристроили в третьей теплушке среди ящиков с оборудованием и инструментом. Да еще отвалили несколько поношенных ватников, большую миску горячей пшенной каши, чаю и велели не высовываться на станциях. Земляк Бубы объявил, что от Котласа мостостроительный отряд Северной железной дороги пойдет в район Сольвычегодска – там строят мост через железную дорогу. А нам надо на запад, в сторону Шангалы–Вельска, к кому-то прибиться.

Перед Котласом мостостроители выдали нам сухой паек: пшено, чай, сахар, соль – и оставили по ватнику. Ватники мы превратили в гуньки-телогрейки, отрезав рукава (так легче скручивать).

В Котласе техник устроил нас на грузовой поезд, уговорив сопровождавших архангелогородцев довезти землячков хотя бы до Увтюги. Ночью перед Увтюгой товарняк затормозили на малом полустанке, и

нам велели быстро смыться из вагона, так как на станции шухер – НКВД шмонает составы: из каких-то лагерей сбежали ээки. Если нас обнаружат, никому мало не покажется.

– Дуйте в обратную сторону, справа через полтора километра находится куст деревень. Там переждете.

Так мы с Бубой нежданно-негаданно оказались в неожиданных двух полуопустевших с войны деревнях, знаменитых своим старичьем: одна – древним Лампием, другая – ведуньей Параскевой.

Лампий

Первая деревня, в которой мы ночевали только одну ночь, в округе считалась чудной. Колхозные поля в ней засевали по приказу районного начальства день в день, а свои огороды – только по совету Евлампия, по-местному Лампия, древнего мужичка, который уже давно стариковал на печи собственной избы.

По весне перед посевной деревня стаскивала его с печи, заворачивала в овчинный тулуп и выносила на крыльцо Евлампиевого родового дома. Сажала на скамью и спрашивала:

– Ну, как, Лампий, пора нам сеять али не пора?

Он доставал из нагретого тулупа правую руку, мочил слюной указательный палец и выставлял его на ветер. Одну-две минуты молчал, держа поднятую ладонь со слюнявым пальцем. Вся деревня замолкала в ожидании приговора.

– Не пора, родимые, не пора. Обождите, – говорил Лампий, опуская и пряча в тулупе свой метеорологический прибор. Его уносили на печь.

Через три-четыре дня Евлампия опять выносили на крыльцо. Он снова слюнявил палец и снова выставлял его на ветер, и вдруг в тиши рядов ожидавших сельчан раздавалось долгожданное:

– Пора, родимые, пора... сажайте...

И только после этого его высочайшего разрешения деревня сеяла и сажала в своих огородах. Колхозное наполовину гибло, так как померзали семена, а свое, посеянное позже, вырастало и давало благодаря местному барометру Лампию замечательный урожай.

Параскева

Во второй деревеньке приютились мы, или пригрелись по-местному, в большой старой избе у древней бабки Параскевы. Про нее деревня хвалилась: «Наша старуха с языком до уха. Слушайте ее, но не прислушивайтесь – иной раз такое снесет, что мало не покажется».

Убедились мы в этом при первой же встрече на крыльце ее избы. Вдруг без здоровканья обратилась она к нам, пацанятам, указывая своим лисьим подбородком на журчавшие кругом ручьи:

– Гляньте вон, весна пришла, щепка на щепку лезет, вороб на воробке сидит.

А затем прямо на крыльце объявила:

– Ежели таскать чего или двигать что, то сами. У меня от спинной болезни ноги отпали, не стоят, по нужде на карачках хожу, самовар черпаками наливаю...

Уже в избе спросила, *откуда* мы взялись и куда землю топчем. Узнав, что добираемся до села Бестожево Устьянского района, обругала тамошних мужиков-плотогонов пьянью бесстыжею.

– Кормятся они не землей, а лесом, валят его, плоты сбивают и по Устье вниз до железки гонят водою. Меня туда при царях горохах не ввели, но, слава Богу, не вышло. У них и колхозов нет. Заправлят там лесхимпромхоз какой-то. Они, окромя плотогонства, сосны, прости господи, доят, как лешаки: смолу собирают – дикари прямо какие-то. Когда я увидала, как они сосны мучают, жениха побила да бежала от них. Если там что и делают хорошо, так это пиво варят вкусное, и то с участием поганого.

Из сеней проводила она нас прямо в прируб, где стояли две пустые металлические кровати. Выдала два холщовых подматрасника, велела набить их сеном на сеновале, а после устройства жилья жаловать в избу к чаю.

В избе кроме нас оказался ползающий по полу в одной короткой рубашонке без штанов крошечный мальчонка, которого бабка Параскева обозвала последышем, явно внук или правнук ее. Бабка, одарив нас чаем, объявила, что сегодня мамка последыша должна вернуться с Котласа и что она ученая, в колхозе счетоводом служит.

По приезде дочери или внучки с подарками сыну-ползунку бабка велела сразу не давать их, а snyкать:

– Пускай сам усмотрит-то среди взрослых вещей свое да попросит поиграть.

А когда внучок обнаружил игрушку и без всякой просьбы схватился за нее, она обратилась к нам как к свидетелям случившегося безобразия с осуждением происшедшего:

– Не успел из жопы выпасть, как за игрушку схватился. В моем девотстве такого и быть не могло. Колобашку без разрешения в руки не возьмешь. Поленце куклу изображало, и то по разрешению. Семи-то год-

ков из тряпья сама себе машку сшила да нянькала ее, спрятавшись, а тогда что у девок-то было – три дороги: замужество, монастырь али с родителями бобылить. А теперь как, а? Вон матка-то его свою любилку к залетке военной пристроила, так насвистел он ей пузыря – вишь, на полу кряхтит, встать собирается, ползать надоело. Теперешним временем антихрист правит, отсюда все накось да покось – вон сплошные войны да потехи, кровью крашенные. Мужиков всех перевели, оттого и бабы шалуют. На залетку бросились, как мухи на мед. Вокруг его срачиц хоровады водили, смехи да хихи строили. От заезжего кутака три девки забрюхатились. Урожайным оказался, вишь, трех осеменил. А деревня-то рада-радешенька, прости меня, заступница бабья Параскева Пятница, три мужичка из них выползли взамен погибших. Один вон перед вами, вишь, попердывает. А залетка что – осеменил да полетел, как змей летучий. так и не узнал, что трех сыновей разным маткам оставил. Но самое дивительное: на деревне пустые девки понесшим завидуют...

У бабки Параскевы мы гостевали четверо суток. Отработали хлеб-соль мужицкими работами: чисткой ее запущенного двора да столь же заброшенного колодца и заготовкой дров для русской печи. В деревянной бадейке в колодец, естественно, опускали меня. Из него я выгреб множество грязи и всяческих бяк. Колодец не чистили лет двадцать. Работая внутри его, я сильно озяб, и, чтобы не заболел, Параскева заставила меня выпить чаю с водкой. Так я впервые в жизни в доме деревенской ведуньи познакомился (правда, по нужде) с нашим знаменитым «лекарством».

Пятым днем мы с Бубой опять чепали по железнодорожным путям, чепали почти весь день. На нашем полустанке ничего не останавливалось. К ночи подошли к Увтюге. Там уже все было спокойно. Переночевали под колодою снегоградительного забора на еловом лапнике и сене. От холода спасли ватники, отданные нам мостостроителями. Поутру на очередном товарняке двинули в Шангалы – столицу Устьянского края. Шангалы запомнились лозунгами-призывами вроде «Шангалыцы и шангалки! Будьте бдительны!» и «Славу Родины умножь, что посеял, то пожнешь!».

Пейте пиво, вытирайте рыло

От станции Шангалы, столицы Устьянского края, до Бестожево не менее шестидесяти километров добирались по-всякому на перекладных: машинах, тракторах, подводах, пешком. Через реку Устью переправлялись множество раз на старых изношенных паромках.

Поредевшие народом с войны путевые деревни кормились лесоповалом, рыбной ловлей и скудным огородничеством. Суровый климат, тощие земли и еще не ведаю что заставляли их кучковаться в артели. В отличие от уральских бурундуков жили бедностью и людской добротой. Большею частью местного пространства заправлял леспромхоз. Возможно, поэтому жизнь в устьянских деревнях отличалась некой свободой в сравнении с совхозно-колхозными селениями.

Народ низовых деревень рассказывал, что на пути к пропойскому селу Бестожево стоит деревенька Верхопутье, что днями у них произойдет престольный праздник и что они богаты источником замечательной воды, из которой к празднику варят пиво древним способом, так, как нигде более в России уже не варят.

Благодаря местным возилкам (так называют в этих краях шоферов), собственным ногам и везению мы оказались в Верхопутье накануне их деревенского праздника. Притопав на деревню, не обнаружили там никого, кроме ребячьей мелюзги, которая с испугом вытаращилась на нас.

На вопрос, куда делись взрослые сродники, они, повернувшись в сторону загона и леса, долго молчали. Только после Бубиноного торможения старшего тот, вынув палец из носу, указал им на лес и произнес, не выговаривая букву «р»:

– На лугу пиво валят.

Во, интересная фигня! Как так на лугу пиво варят? Мы двинулись в сторону пацаньего пальца, преодолев загон, и поднялись в лесок. Пройдя по нему метров сто, почуяли запах дыма и услышали характерное потрескивание костра. Протопав на запах по перелеску еще сколько-то метров, оказались над большим, почти круглым, покрытым зеленой травой лугом.

То, что мы увидели на нем перед собой, пересказать и представить себе трудно. Поначалу даже испугались... Нам почудилось, что из нашего времени мы шагнули в какую-то легенду, сказку, колдовское место, где происходит загадочное ритуальное действие, управляемое шаманами, жрецами.

В центре колдовского круга, опираясь на три огромных камня, врытых в землю рядом друг с другом тысячелетие назад то ли ведунами, то ли природой, стояла здоровенная дубовая бочка, первоначально принятая нами за котел. Из нее в пасмурное северное небо поднимался пар. С трех сторон, с земли до верха камней приставлены были мостки из теса. По оси к каменному треугольнику, шагах в восьмидесяти располагалась кострище из березовых чурок, с правой стороны которого

находилась поленица, а с левой – уложенные пирамидой на льняном полотнище отборные, тщательно вымытые булыжники. С обратной стороны бочки, по обе стороны мостка возвышались горка венков, сплетенных из стеблей сухого гороха, и колода перевязанных крестом пучков ржаной соломы с метелками зерен.

Поверх горловины бочки лежала поседевшая от времени доска с вырезанной на боковом торце полукруглой выемкой для палки-затычки, называемой стирем. Стирь – сердечник, ось, круглая прямая палка с заточенным нижним концом. Она проходит сквозь всю бочку точно по центру и плотно затыкает сливное отверстие, выбитое в днище бочки.

Из виденного на лугу мы сообразили, что варили пиво в деревянной бочке... булыжниками. Да-да, именно булыжниками – специально отобранными округлыми камнями, нагретыми до «заячьего цвета», то есть добела. В центре колоды-кострища раскаляли камни, затем специальными захватами забирали их из огня и поднимали по мосткам к горловине бочки. Внутри этой загадочной архитектуры находилось четыре человека. Зато шагах в тридцати от нее, почти на краю луга стояла вся отогнанная от священнодействия деревня (в основном в женском составе) с ведрами, бидонами, бутылками в руках. Руководил ритуалом строгий седой дед лет восьмидесяти с бородой, в красной нарядной косоворотке, подпоясанный плетеным шелковым поясом. Смотрелся старик в этом пространстве прямо каким-то жрецом или ведьмаком. Прислуживали ему два крепких молодых парня. Кострищем ведал ловкий инвалид-обрубок по прозвищу Деревянная Нога.

По началу действия дед надевал на стирь венок из гороха, поверх него – ржаной крест и погружал их в бочку. Его помощники, забрав из кострища своими захватами раскаленные добела камни, с двух сторон по мосткам поднимались к бочке и опускали их на затопленные венки. К небу взрывался пар. Как только пар остывал, дед снова одевал на стирь венок и крест, и парни снова опускали очередную порцию раскаленных камней. Так повторялось до тех пор, пока будущее пиво не начинало кипеть. Старик замедлял ритм работы, но следил за постоянным кипением. По ему только известным признакам определял готовность напитка и снимал с него пробу, поднимая стирь с помощью ритуального рычага: ножа, воткнутого в стирь и опиравшегося на топор, лежащий на доске. Ежели колдуну казалось, что пиво не готово, то все повторялось сначала, и снова взрывалась бочка, и пар поднимался в небо.

Только после третьей пробы по решению пивного начальника-деда колдовство вокруг бочки прекращалось, и к «святым святым» подпускались деревенские дольщики, принесшие сусло. Они выстраивались

в очередь перед сливным желобом и каждый, в зависимости от количества принесенного сусла, получал свою долю.

Главный пивовар, стоя на камне, своим незатейливым рычагом поднимал и опускал стирь, и солнечный напиток стекал по долбленке в мерное ведро. Командир ведра, безногий инвалид благословлял на прощание каждого мужского или женского человечка, наполнившего свой сосуд:

– Пейте пиво, вытирайте рыло, гуляйте спокойно!

Начальник огня, Иваныч, обрубок последней немецкой войны, и приютил нас. Спали мы в его пустой избе на лавках, вдоль стены. Семьи у него не было – жена умерла, сыновья погибли в сорок первом под Москвой. Утром, в честь праздника, хозяин налил нам по стакану колдовского пива с советом пить не торопясь:

– Оно крепко сварено – для мужиков, а вы пока пацанье.

Этот древний напиток, посвященный солнцу, пробовали мы впервые. Ничего подобного позже в своей жизни я не испытывал. Помнится мне, что в их языческом вареве кроме привычного вкуса солода, хмеля и воды присутствовал вкус дубовой бочки, гороха, ржи, камней, травы – всей природы Устьянского края, Северной Швейцарии, как обзывали архангелогородцы эти земли.

Пьянская столица

В день престольного праздника отчалили мы из Верхопутья в Бестожево на попутке – крепком «студебеккере». В деревне нарядно одетый народ украшал зеленые угорья пьянским шатай-болтаем. Возилка оказался родом из Шангал. Работал в управлении местных леспромохозов. Со станции поставлял в подведомственные устьянские деревни товары первой необходимости: продукты, лекарства, а заодно и почту. В дороге Буба спросил дядьку шофера, не слышал ли он про его матку Пелагею Васильевну Устьянову, полтора года назад вернувшуюся на родину в Бестожево с малым братиком и сестрою. Дядька сказал, что слышал от сменщика полгода назад про какую-то женщину с детьми, приехавшую из ссылки домой в Бестожево, а дом ее родовой оказался занят под управу сельсовета. Но что с нею стало потом, он не ведает. Буба сильно расстроился. Для отвлечения его от мрачных мыслей я задал нашему ангелу-хранителю шоферу вопрос:

– Отчего Бестожево местные жильцы обзывают пьянской столицей Устьянского края?

– Обзывалка эта давнишняя. По легенде деревня считалась когда-то лихой, разбойной да и пьянской. Закон в ней существовал для мужиков-лесосплавщиков: мужик должен или стоять, или лежать – сидеть не имел права и считался бездельником. А главным гимном деревни была частушка:

Пьем и водку, пьем и ром,
Завтра по миру пойдём.
Вы подайте, Христа ради,
А то лошадь уведём.

К вечеру мы въехали в Бестожево – красиво расположенную в излучине реки довольно большую по местным меркам деревню. Добрый возилка наш остановил «студебеккер» у главного места в ней – магазина. Магазин оказался закрытым, но в окнах еще не погас свет. Шофер, постучав в дверь, назвался, и ему открыла плотная приятная тетенька, наверное, продавщица. Минут через шесть-семь он вместе с нею вышел на крыльцо и подозвал нас.

– Михалыч, какой из них Устьянов? – спросила продавщица.

– Вон тот, что выше.

– Боже мой, смотри, какой парнище вымахал, а был ведь вот таким Коленькой, – и показала рукой ниже колен. – Мать-то тебя не дождалась, уехала отсель. Дом ваш власть реквизировала. Жить здесь им стало негде, да и начальники боялись брать ее на работу после ссылки. Кормилась поденщиной – грибами, ягодами: собирала и сдавала в пункт приема.

Поначалу поселилась с детьми из милости у бобыля Макарыча в пристройке, но, намаявшись, решила податься к родственникам твоей бабки в Никольский район Вологодской республики. Там про нее никто не знает, муж погиб, может, и устроится, да и крыша не чужая. Тебя искала по всем начальствам, письма писала, да и теперь ищет. Адрес свой оставила у Макарыча. Даже конверт с адресом, чтобы отправили с вестью, коли что узнают про тебя, а ты, вишь, свалился вдруг да еще сюда... Михалыч, отведи их к бобылю Федору Макарычу. Вон, смотри, с краю деревни дом стоит. Да и сам у него заночуй, а по утру с товаром разберемся.

Так вместо дома Бубы-Коленьки мы притопали в дом старого Макарыча. Изба действительно оказалась древней – еще не пиленой, а рубленой – с огромной глинобитной русской печью, с красным углом, где под киотом с Христом, Божьей матерью и Николой-чудотворцем висели портреты Ленина и Сталина, вырезанные из «Огонька».

Макарыч, прознав, кто мы такие, достал из-за иконы почтовый конверт с маркой и написанным адресом матери Бубы и велел ему снять копию для себя, а в конверт вложить письмо для нее с сообщением: «Жив, здоров, бежал на родину в Бестожево, денег не имею, что делать далее, не знаю, ответь мне, твой Николай».

– Понял!

– Ну, так давай, калякай!

Да, нам не повезло. Оставаться в Бестожево не имело смысла не только мне, но и ему. Надобно было скорее снова возвращаться в Шангалы, а оттуда ему рвануть в Вологодчину к матери с братиком и сестрою, а мне – через Вологду в Питер.

Наш возилка дядька Михаил тоже смекнул положение неприкаянности и согласился отвезти нас обратно, но только после возвращения в Бестожево с северных лесопунктов, которые обязан отоварить. Рано утром мы помогли разгрузить машину поначалу для магазина, а затем для почты. В магазине работали весь день: сортировали, укладывали по полкам крупу, консервы, в подпол носили мясо, рыбу. Вчерашняя доброжелательница тетка Капа зарплату за работу выдала продуктами – сахаром, подсолнечным маслом, хлебом. Продукты в ту пору в этих краях считались гораздо важнее денег.

Три дня мы гостевали в древней черной избе деда Макарыча, не выходя из нее. Три дня мы слушали былины архангелогородского старика про житие-бытие крестьянствующих людишек в объятиях советской власти. Говоренное им запало в память какой-то отрешенной манерой повествования сильно натерпелого человека: «Родился я в так называемом рудном дому. Сейчас говорят „курная изба“ – это тоже можно так принять. Рудный, вероятно, потому, что из рудного леса построен. Самый крепкий лес – это рудовый лес. А откуда это, я не знаю, не изучал. Печка битая, вон смотри: две семьи умещаются на ней.

Занимались сельским хозяйством в основном. Ну, сельское хозяйство у нас так себе... Видели – косогоры. Да с них много ль чего получишь хлебного-то. Чтобы кормить семью, пришлось нашим родителям другое еще подспорье смекать. Вот, например, мой отец Макар Андреевич, мастеровой человек, до восьмидесяти шести лет жил. Самое ремесло его было в том, что он валенки катал. Дед его Ефим Иванович – шерстобит. Жернов у нас такой был еще, как мельница, муку молот. Люди приходили, пользовали жернов-то. Отец еще овчины делал, скорняжил, значит. Дядя Максим матерый мастер был, дровни делал. Это такие рабочие сани, на которых лес возили, сено, дрова... Вот так.

Но многим семьям, в том числе и нашей, хлеба не хватало никогда. Я помню, редко когда хлеба доставало от старого до нового урожая – земля не хлебородная. Летом было такое время, когда кормились одной рыбой.

Лесом также раньше занимались, но в аккурате: валили только зимою. Зимою же лошадьми бревна к реке волокли, готовили, значит. У нас в реках вода поздно становится в берега после половодья, как в этом годе. Да к моменту такому плоты сбивали и по Ушье с плотогонями вниз до реки Ваги отправляли, а там по Ваге – до железки. Этим делом специальные семьи занимались, мастера по сплаву были. Как сейчас: „кинь в реку – само плывет“ – такого не было безобразия. Строевой лес берегли, он тоже служил нашим кормильцем.

А еще у нас в деревне сеяли много репы. Репа товарным продуктом была. Сеяли в лесах, разрубали подсеку так называемую, жгли подлесок и там участок репой засевали. Репы – сочной, ядреной – рождалось много. Даже сравнение такое с человеческим организмом существовало: крепкий, как репа, или „смотри, девка какая красивая, ядреная, как репа“. Деревня-то кустовая была, центральная. Вокруг к ней еще четыре малых деревни принадлежало. Оттого у нас две церкви стояло: одна большая, в два этажа, а другая малая. Красивые такие, богатые. Первую – большую – снесли еще в двадцатых годах, а во второй, маленькой, теплой, – Казанской Божьей матери долго служили потихоньку, как говорят, покуда начальники страны не приказали закрыть и рассыпать веру.

При мне колокола с церкви снимали, увозили. Я, правда, не видел этого, но вот Алешка Ушаков говорит, прошлого году мужик пришел, паникадилу хрустальную колом разбил, так вот бают, что он хороший мужик.

В тридцать седьмом году увозили у нас священника, который беднее всякого человека был. Поп из простого народья, без образования совсем – в такой маленький приход обученного-то в академиях не пошлют. Как везли его на тарантасе ОГПУ, дак все жалели, конечно, что ни за что. За что, по што – не знаем...

С тех пор как село обезглавили, духовных занятий лишили, все пошло-поехало. К темному прошлому повернулись. Народу одно осталось развлечение – пить горькую. Первые поселенцы-то в здешних лесных краях – беглые людишки из московских земель, многие из коих разбоем жили...»

Дед до глубокой ночи жалился про бестожевские «безобразия». На третий день, когда забрал нас возилка Михалыч на свой «студебеккер», по выезде из села трое лесорубов остановили машину и сняли с шофера налог на опохмелку, попрощавшись частушкой:

Нас побить, побить хотели
 На высокой на горе.
 Не на тех вы нарвались,
 Мы и спим на топоре.

Евдокия Шангальская

По прибытии в Шангалы Михалыч забрал нас в свой малый домишко, стоявший поблизости от железнодорожной станции, и поселил в чердачной светелке. Жена его – курносая тетенька Дуся – оказалась замечательно доброй и срушной³ женщиной, промышлявшей портновским искусством в единственном местном швейном ателье. Из-за военной ранености Михалыча детишек у них не получилось, и жили они вдвоем, жили по-людски хорошо и чисто. В их городишке мы с Бубой даже по тому бедному времени выглядели крайними оборванцами. Мой бушлатик, который я уже перерос, от давнишней жизни на мне стал гореть-рассыпаться. Соседские люди любопытничали у возилки – на каких дорогах он таких дырявых пацанов подобрал и что с ними собирается делать. Оттого по первости тетенька Дуся с Михалычем решили нас хоть как-то одеть. Свою фронтovou шинель, память немецкой войны, он отдал в руки курносой жене, и та из нее ловко выкроила и сшила два бушлатика на нас, утеплив их изнутри кусками домотканой шерстянки, даренной в нашу честь соседками. Бушлаты вышли настолько ладными, что мы с Бубой даже не поверили, что они сшиты для нас, и какое-то время стеснялись их надевать. К настоящим хорошим вещам мы не были причучены.

Местная фуфыра, разважная райкомовская тетка с круглым значком Сталина на груди, которой Дуся шила наряды, увидев наши шинельные бушлатики, висевшие в горнице, заявила с завидками в голове, что сиротская шантрапа такого товара не стоит. Тетка оказалась не здешней, а присланной начальствовать с юга, понять жалостливых северян она не могла.

Помнится еще одна подробность: шинельных металлических пуговиц со звездами на два бушлатика не хватило, и Буба взмолился, что-

³ Срушная – умелая, «с руками» (обл.).

бы тетенька Дуся пришла их на его бушлат в память о погибшем отце. Я не возражал, про своего отца я знал только, что его до моего рождения увезли военные куда-то далеко-далеко. Да и вообще к тому времени я был не слишком уверен, что найду кого-либо из родных в Питере. Шангальская портниха на мой бушлат поставила простые пальтовые пуговицы с двух наших старых бушлатиков. Да и лучше так – менее заметно, не буду привлекать внимание. Мне придется еще крутиться на воле и в неволе, пока где-то не остановится мой бег.

Через несколько дней наша добрая Евдокия предложила мне устроиться в качестве помоганца по сортировке писем в почтово-багажном вагоне и на нем доехать до узловой станции Коноша, откуда идет множество поездов на юг и юго-запад. Ее знакомая почтальонша, вместо которой я должен был работать, везла из Шангал этим же поездом свою больную матушку в Архангельск на операцию и первое время почти не отходила от нее. Посторонние в почтовом вагоне находиться не имели права. Но начальник согласился пустить меня из-за беды своей работницы при условии, что я превращусь в невидимку и не высуну свою рожу из вагона ни на одной из станций. Ну что же, мне, Тени, косить под невидимку сам Бог велел.

Дружку моему придется в Шангалах дожидаться мамкиных дорожных денег, а я не мог не воспользоваться случаем еще чуток приблизиться к моему Питеру.

Буба на прощание написал адрес своей бабки, жившей в Никольском районе Вологодской области, к сожалению, его записку при шмоне в Вологодской станционной легавке отобрали у меня «мухоморы». По просьбе к ним вернуть адрес моего кента они рывкнули: не положено. Что значит «не положено»? Кто велел такое придумать? Зачем так обижать человечков, лишать их дружбы в этом холодном мире? Им что, станет теплее с того? Отныне я стал задумываться обо всем таком.

Расстался я с Бубой, Михалычем и наградившей нас своей добротой тетенькой Дусей, как со своими сродниками, под конец даже всплакнул.

Игорь Сутягин
На полпути к сибирским рудам.
М.: Права человека, 2009. 260 с.

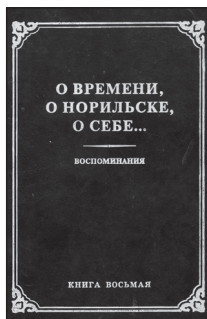
Подарок с воли

Разные бывают подарки с воли. Для сидящих в «зазаборье» это – письмо любимой. Передача от родителей. Короткое свидание или тем более длительное (целая вечность длиной в трое суток – самый главный подарок!). Это все зависит от наших родных. А еще бывают новости – они нет-нет да и случаются в нашем застывшем мире. Нужно прожить много лет в царстве, где не происходит ничего нового, чтобы понять, до чего большим подарком может стать даже самая малая безделица. Хотя бы обыкновенная пушистая белка.

Несколько дней назад вестниками грядущих новостей к нам прилетели сороки. Сперва одна, потом она привела товарку. А затем обещанной новостью в гости к нам в колонию заглянула белка! Самая настоящая, вполне всамделишная белка – в серой зимней шубке, к которой почему-то прилагался еще рыжий хвост. Когда я вышел на крыльцо санчасти, она гуляла по «зоне» уже около часа. К этому времени пушистый зверек забрался на растущую у столовой березу средних размеров и пытался укрыться среди оголившихся тонких ветвей. Потому что снизу у дерева на него совершенно так же, как это обычно делают лайки, охотились кошки. Охотники то подходили, то уходили, но постоянно две-три кошки сидели у дерева, задрав головы на белку, и как-то утробно подвывали или коротко взмывали. Время от времени одна-две охотницы, все так же не отрывая глаз от серо-рыжего комочка, невысоко вскарабкивались по стволу. Но не то что влезть в крону – даже приблизиться к ней brave кошачьи почему-то не пытались. Может, я пропустил тот момент, когда кошкам довелось попробовать острых беличьих зубов?

Потом белка их обманула: прыгнула на другую березу, с нее на землю... Металась по земле, уворачиваясь от котов и эжков, шустро перебирая лапками и пышно распушив хвост. Забежала и в наш «больничный дворик», даже умудрилась угодить мне прямо в ногу: стукнулась о правую (мне показалось, что как-то оглушенно помотала головой), ошалело шарахнулась в сторону и понеслась дальше спасаться от злой напасти. Как ее вообще занесло на бетонные плиты нашей «зоны»? Ведь совершенно точно никто ее не тащил, забралась сама то ли по какой-то срочной надобности, то ли просто из щенячьего любопытства. (Вид у нее и в самом деле был какой-то детеночий, может, это и вправду был какой-то сбжавший от родительского присмотра беличий ребенок?) Главное, что ее все-таки не поймали. На моих глазах сиганула за высокий забор внешнего ограждения и больше уже не возвращалась. Правда, куда она денется в окружающем нас поселке Пирсы, не знаю. Да и откуда вообще взялась, ближайший-то приличный лес в нескольких километрах отсюда? Впрочем, это не важно. Важно только то, что вот пришла к нам подарком с воли, принесла приветы и кусочек живой жизни, пометалась серо-рыжей молнией – и на волю же и вернулась. Туда, куда мечтаем поскорее вернуться и все мы. Дала возможность и повод еще раз поговорить с вами, любимые. Рассказать в письме о опустыковом тюремном происшествии. А это очень, *очень* дорого – разговор с вами. Такой вот подарок.

*Архангельск (Пирсы),
октябрь 2008 г.*

Алексей Мокроусов

Сердце и проволока

В Норильске хороший краеведческий музей. Согласно привычной логике государственной машины, он называется Музей истории освоения и развития Норильского промышленного района. Здесь и выставки разные проводят, от художественных до исторических, и постоянная экспозиция интересная, и само здание, принадлежавшее когда-то кинотеатру им. Ленина, располагает к погружению в прошлое. Но погружение неполное. О норильских лагерях в постоянной экспозиции говорится скорее мельком, это не основной сюжет, но фон, который всегда подразумевается, но практически никогда не описывается. При этом в запасниках музея – фонд в 800 архивных единиц по истории Норильского ИТЛ НКВД СССР. Разве возможна такая фигура умолчания? «Да как же, – слышишь в ответ, – дети бывших заключенных и тех, кто их охранял, до сих пор живут в одних домах. Представляете, что может начаться, если вытаскивать всю правду наружу?»

А если не вытаскивать? Если жертвы и палачи молча живут бок о бок и после всего? Если так же живут их дети?

Замалчивание болезни – кратчайший путь к неизбежному. Потому в Москве уже девятый год выходит серия мемуарных книг под названием «О времени, о Норильске, о себе...»¹. Ее издает Галина Ивановна

¹ «О времени, о Норильске, о себе...». Воспоминания. В 10 кн. М.: «ПолиМЕдиа», 2001. Ред-сост. Г.И. Касабова.

Касабова, генеральный директор некоммерческого издательского фонда «Норильский». Она записывает либо редактирует воспоминания бывших норильчан, находившихся по обе стороны проволоки. Воспоминания на адрес издательства шлют со всего света: норильское рассеяние повторяет общие контуры постсоветской эмиграции в мире. Кроме оригинальных мемуаров в сборниках используются материалы и исследования норильских историографов и журналистов Т.Я. Гармаша, А.Л. Львова, С.Л. Щеглова, А.Б. Макаровой.

Издание в разные годы поддерживали самые разные структуры и организации, поначалу даже помогали совершенно незнакомые, не имевшие прямого отношения к Норильску люди, причем часто они действовали на условиях анонимности.

На сегодняшний день вышло 10 томов², в работе еще два. Они полны жизнеописаний людей и деталей такого качества, на которое не способен ни один беллетрист. По своему значению эта серия сравнима разве что со знаменитым смоленским архивом, оказавшимся после войны в США и ставшим исходной точкой для важнейших исследований советской реальности. Подобной работы по массивному изданию документов, связанных с одной точкой на карте, никто в России не предпринимал. Благодаря ей прошлое Норильского комбината, его лагерных зон, вольнонаемных и заключенных складывается в итоге в портрет всей страны, город и его рудники, *его медный и никелевый заводы*, выступают здесь зловещим *genius loci*, сфокусировавшим в себе всю этику советской истории.

Цинизма хватало всюду. Так, заключенный Рудольф Королько работал в конструкторском бюро управления металлургических заводов комбината. Формально в бюро начальствовал некий чин из НКВД. Но в дела он не вникал в силу технической безграмотности, в действительности процессом руководил заключенный Вульф Яковлевич Бурштын, выпускник Сорбонны, человек настолько профессиональный, что вскоре «своими знаниями, талантом, умением организовать дело возвысился не только над вольнонаемными, но и над высокими чинами НКВД. Успешные результаты его труда были самым лучшим аргументом в его пользу». В лучшем случае над профессорами и инженерами из числа заключенных оказывался начальником молодой специалист, вчерашний выпускник вуза. И у него появлялась возможность учиться специальности у профессионалов высочайшего уровня.

² Некоторые материалы сборников выложены в Интернете в отсканированном виде: <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/kasobova/0.htm>.

А Борис Витман рассказывает о том, как ковались лауреаты сталинских премий: в Норильске вольнонаемные советские ученые всюду использовали наработки и идеи заключенных, имена которых конечно же не упоминались даже в закрытых публикациях. Речь шла о получении «в чистом виде золота и платиноидов, содержащихся в шламе (переработанной руде), путем спекания и активного воздействия высококонцентрированными хлоридами». Причем судьбы талантов – чернорабочих науки складывались по-разному. Одного из них отправили внезапно вместе с другими сидевшими по 58-й статье на подземные работы, после чего его уже никто не видел. Другой, студент-химик, насобирав по крупинке килограмм золота, который хранил в своей телогрейке – в ней и отправился на свободу.

В этих же воспоминаниях – история о том, как сотрудники норильской спецкомендатуры грабили прохожих на улице. Сперва они приводили людей в комендатуру для проверки документов, официально пересчитывали их деньги, а затем отпускали, чтобы все за углом отнять. Арестовали их случайно: одна женщина, отдавая деньги, упростила оставить ей паспорт. По ошибке преступник отдал ей свой.

Непонятно, сколько здесь правды, а сколько вымысла (история про спецкомендатуру, например, не находит отражения в других источниках). Но жизнь в полярной ночи располагает к смещению реальности, тем более в кафкианских условиях СССР. Неудивительно, что даже опыт концлагеря не всегда оказывался для человека решающим. В одном из текстов встречается пример по-своему типичного мировоззрения: «После XX съезда отец запоем читал газеты, Солженицына, Булгакова... Он не всегда соглашался с Солженицыным. Вернее, отец считал, что надо написать и о том хорошем, что было в ГУЛАГе: разве еще где-то можно было встретить столько умных, интересных и светлых людей, какие были в Норильлаге? Ведь это они задали тон в общении людей, а главное – обеспечили творческий и технический прорыв при строительстве и развитии комбината... А какие должности занимали бывшие эзки потом! И никто не загордился, не отгородился от простых людей...»

Несправедливое наказание не озлобило отца. Когда в 1955 году его реабилитировали, он тут же вступил в партию. Он был убежденным коммунистом и считал, что сам он пострадал по ошибке.» И таких убежденных коммунистов было особенно много среди представителей старшего поколения, тех, кто оказался в Норильске еще в 30-е. Прошедшие войну смотрели на происходящее иначе.

Психологические подробности – одно из главных достоинств серии, тем более что составитель не навязывает своей точки зрения.

Авторы разных, зачастую внутренне конфликтных позиций соседствуют на страницах сборников. В них хватает и материала общеисторического значения. Чего стоят хотя бы два тома – шестой, седьмой и восьмой, – практически полностью посвященные истории восстания 1953 года в норильском Горном лагере, самого мирного и в то же время, видимо, самого успешного восстания в истории ГУЛАГа. Во всех зонах Горлага на протяжении недель, а то и двух месяцев, заключенные отказывались выходить на работу и при этом не стали вооружаться (что не помешало войскам в ночь на 4 августа 1953 года жестоко расправиться с безоружными). Значение этого организованного акта неповиновения – дисциплина была образцовой – не в том, что были достигнуты цели восставших, хотя процесс массового освобождения начался на следующий год. Власти показали, что и в неволе можно сохранять человеческое достоинство. А это было самое страшное – видеть, как пробуксовывает машина подавления. Не зря годы спустя КГБ еще испытывал едва ли не мистический ужас перед норильским восстанием и бывшими узниками лагеря, освободившимися к тому времени и жившими уже по всей стране. Их переписку продолжали перлюстрировать на протяжении многих лет. Как вспоминал бывший заключенный Тихон Петров, работавший в 1961 году под Новочеркасском, «КГБ хотел доказать: корни народной демонстрации в Новочеркасске к политическим в Норильск уходят. Меня даже спрашивали, не получаю ли я письма из лагерей. По-моему, их не интересовало, правда это или нет, главное – создать легенду для объяснения причин народного гнева. Насколько это серьезно, я по своему племяннику Николаю Петрову понял. Он был следователем по особо важным делам. Про связь новочеркасских событий с норильским восстанием и подпольной партией я от него слышал, но молчал. Племянник племянником, а вдруг заложит? Я даже не стал у него ничего расспрашивать, только сказал:

– Норильск – где, Новочеркасск – где...

А он на это ответил:

– Я знаю точно, откуда все пошло.

Вот такая у КГБ была справа, как говорили в лагере».

И уж тем более невыносимой для власти оказывалась сама мысль о существовании в глубоком подполье Демократической партии России. Ее ячейки работали и в норильских лагерях. Демпартии посвящено немало страниц, в том числе в воспоминаниях Льва Нетто, брата прославленного футболиста (он состоял в ячейке, руководимой как раз Тихоном Петровым). Цели партии, существовавшей в условиях такого государства, как СССР, не могли не быть утопическими. «Хорошо по-

мню, что я тогда был готов сделать все ради достижения общей ясной цели – превратить Россию в демократическое государство, где уважают, а не порабощают человека, – пишет Нетто. – Для этого нужно, выйдя на волю, вступать самим и вовлекать в правящую коммунистическую партию как можно больше порядочных и честных людей, готовых жить и действовать во имя человека, проникать во все советские структуры, в том числе и в органы, чтобы вытеснить оттуда озверелых и тупых слуг сегодняшней системы. „Чем больше в компартии будет честных людей, тем быстрее она развалится“, – твердил один из наших товарищей, Сергей Дмитриевич Соловьев, и мне его слова запомнились».

Не из этого ли заблуждения во многом выросла романтика оттепели в кино и литературе? Но упрекать в чем-либо прошлое бессмысленно. Советская реальность практически не оставляла места для маневра. В условиях ГУЛАГОВСКОЙ жизни само существование Демократической партии кажется чем-то сюрреальным. Многие этих условий не выдерживали. Тот же Нетто приводит слова своего старшего друга кавалериста Первой конной комбрига Василия Петровича Бархонова: «С дрожью в голосе Василий называл имена товарищей, которые бросились с трапа в пучину Енисея. Сколько раз я сам был готов покончить с этой позорной жизнью, но что-то удерживало... Может, верил в возрождение идеалов революции, крах тирании? В эти моменты невольно думалось: „Да, такой системы истребления верноподданных история человечества еще не знала...“»

Вера, видимо, и спасала. Заключенные распевали песню на пушкинские стихи с измененными словами: «Во глубине норильских руд» и «На обломках большевизма напишут наши имена...». Но будущее показало: обломки не выбирают жертв, они погребают под собою всех.

На окраине Норильска, у подножия полуразрушенной горы Шмидта, именуемой в народе Шмидтихой, сейчас находится мемориальный комплекс «Норильская Голгофа». Здесь стоят две православные часовни, памятники погибшим прибалтам, полякам и евреям (последний был осквернен в 2009 году и сейчас закрыт на реставрацию). К подножию Шмидтихи, где начинался норильский комбинат, привозят гостей из города, политиков и артистов.

Памятник как символ – знаковая вещь. Но сила знания не только в идеях, но и в деталях, и иногда даже, больше в деталях. Детали не дают соврать, увлечься схемами. Потому так важны эти книги, издаваемые в память о годах, о которых могут рассказать все меньше и меньше очевидцев. Приходится признать, что сами по себе эти свидетельства мало что способны изменить в российской исто-

рии, привыкшей уже ко всему. Но свойства коллективной памяти близки свойствам памяти отдельного человека. Никогда толком не знаешь, что и в какой момент оттуда выскочит. Эта слабая управляемость памяти делает ее неудобной для тех, кому есть что терять сегодня. Но это же ее свойство остается и главным оружием в руках тех, кто многое потерял вчера.

Самое поразительное – как этот организм, чье сердце прошито колючей проволокой, проросшей внутрь, пошедшей по сосудам, все еще в состоянии жить? Впору заговорить о чудесах, либо поддаться соблазну абстрагироваться от такого сердца, объявить чужим, в неактуальной версии, давно погребенным. К счастью, амнезия, как и всякий вирус, поражает всех, но развивается не в каждом. Иначе истории бы не существовало. Другое дело, насколько иллюзорны вечные ожидания, что она может чему-то научить. Десять книг норильских мемуаров подтверждают, что никого и ничему. Почему же читаешь их на одном дыхании, запоем, словно роман Александра Дюма? Неужели так сладко чувство собственной безопасности? Или это понимание, что раз рассказывают – значит, выжили, значит, хоть у кого-то все кончилось хорошо?

Настоящее всякий раз пытается подавить прошлое, утверждая, что детали можно забывать, главное – масштаб происходившего. Такое выборочное, добровольное ослепление всегда носит массовый характер. Если бы не редкие издания, подобные норильской серии, общество давно бы читало Оруэлла как идиллию.

Адрес редакции:

119992, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 450
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: (495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 15.11.2009 г.
Отпечатано в типографии ИПК «Информкнига».

Тираж 2000 экз. Заказ № 324.
Распространяется бесплатно